

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ
В ЕВРОПЕ
НАЧАЛА XXI ВЕКА**

Сборник обзоров

**МОСКВА
2015**

ББК 81
Я 41

Серия
«Теория и история языкознания»

**Центр гуманитарных научно-информационных
исследований**

Отдел языкознания

Редакционная коллегия:

Н.Н. Трошина – канд. филол. наук, ответственный редактор;
Е.О. Опарина – канд. филол. наук; *М.Б. Раренко* –
канд. филол. наук

Языковая ситуация в Европе начала XXI века: Сб.
Я 41 обзоров / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ.
исслед. Отд. языкознания; Отв. ред. Трошина Н.Н. – М.,
2015. – 179 с. – (Сер.: Теория и история языкознания).
ISBN 978-5-248-00793-6

Рассматриваются социокультурные аспекты вербальной коммуникации в странах современной Европы, статус основных европейских языков, проблемы выживания миноритарных языков в условиях глобализации. Анализируется языковая сторона национальных конфликтов.

Для лингвистов различных специальностей, преподавателей, аспирантов и студентов.

*Издано при поддержке Российского фонда содействия
образованию и науке*

ББК 81

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Языковая ситуация в Европе в эпоху глобализации (Трошина Н.Н.)	5
---	---

I. ОБЗОРЫ И СТАТЬИ

<i>В.Ю. Михальченко.</i> Языковая ситуация и языковая политика в современной России	14
<i>А.С. Кожемяков.</i> Языки национальных меньшинств	32
<i>И.К. Сескутова.</i> Английский язык в Европе XXI века: Приоритетные области и перспективы развития. (Научно- аналитический обзор)	46
<i>Е.О. Опарина.</i> Английский в контакте с другими языками: Социокультурные, идеологические, прагматические и психологические причины выбора языка общения в ситуации двуязычия или многоязычия. (Научно-аналитический обзор) ...	69
<i>М.Б. Раренко.</i> Языковая ситуация в современной Шотландии. (Научно-аналитический обзор)	84
<i>Н.Н. Трошина.</i> Немецкий язык в современной Европе. (Научно-аналитический обзор)	102
<i>А.В. Кирилина.</i> Лингвофилософская рефлексия в эпоху глобализации	122
<i>Е.М. Солнцев.</i> Французский язык в современном мире. (Научно-аналитический обзор)	136
<i>А.В. Нагорная.</i> Современная Исландия: Языковой пуризм в эпоху глобализации. (Научно-аналитический обзор)	146

II. РЕФЕРАТ

<i>Аммон У.</i> Языковые конфликты на территории Европейского союза: К вопросу о поиске приемлемого решения, удовлетворяющего разнообразным интересам стран – участниц ЕС (реф. Комалова Л.Р.)	158
--	-----

III. ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ЕЕС council: Regulation № 1	169
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств	171
Сведения об авторах	177

ВВЕДЕНИЕ

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ЕВРОПЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сегодняшняя языковая ситуация в европейских странах не есть результат их развития в начавшемся 15 лет назад XXI в.: она обусловлена как спецификой исторического развития этих стран, так и действием экстралингвистических факторов, сформировавшихся в конце XX в. Однако особенно остро они стали ощущаться носителями европейских языков на рубеже тысячелетия, поскольку этот рубеж характеризуется важнейшими общественно-политическими и социально-экономическими изменениями, которые не могли не сказаться на языковых практиках и, соответственно, на состоянии дискурсов в различных сферах коммуникации.

Сегодня эти сферы коммуникации формируются и развиваются в условиях глобализации, т.е. «крупномасштабной интеграции человеческого сообщества, направляемой и стимулируемой прежде всего факторами политическими, экономическими, идеологическими, в том числе религиозными и пр.» (Нещименко, 2006, с. 57). Этот общепринятый взгляд на глобализацию уточняет немецкий исследователь К. Штейнке, указывая на параллельно существующий и укрепляющий свои позиции феномен регионализма: «Для индивидуума связь с определенным регионом выполняет защитную функцию, она способствует налаживанию социальных связей и дает ощущение безопасности. Все это проявляется в чувстве солидарности ('Мы'), в защите от всего чужого, от всех влияний извне, угрожающих целостности личности» (Штейнке, 2006, с. 254–255). Кроме того, автор считает, что глобализация проявлялась в языковой сфере не только в Новом времени: «Достаточно вспомнить об эллинизации, латинизации, балканизации или арабизации большого гетерогенного ареала в древности и в Средневековье» (Штейнке, 2006, с. 252).

Специфику языкового развития в сегодняшней глобализирующейся Европе обуславливают две особенности: «...ярко выраженная *динамичность*, с одной стороны, и несомненная *противоречивость* – с другой. Подобное сочетание не может не служить источником напряженности как внутриэтнической, так и межеэтнической языковой ситуации. Причиной повышенной *динамичности* во многом явились экстралингвистические факторы и прежде всего огромные достижения научно-технического прогресса», – считает Г.П. Нецименко (Нецименко, 2006, с. 38). Эти достижения сделали возможным транснациональное общение, которое, в свою очередь, поддерживается адаптацией языковых средств к новой ситуации. Однако надо сказать, что такая адаптация проходит непросто, что проявляется, например, в трудностях унификации терминологии. Так, в октябре 2004 г. в Европейском союзе (ЕС) развернулась дискуссия по поводу термина «евро»: «...пять новых членов ЕС пригрозили тем, что не подпишут европейскую конституцию, если им будет отказано в сохранении собственного обозначения этого денежного знака. Официальный протест, поддержанный Латвией, Словенией, Венгрией и Мальтой, принес представитель Литвы А. Бразаускас. Протест содержал требование сохранить характерные для этих языков версии обозначения этой денежной единицы» (Нецименко, 2006, с. 64). «“О” в конце слова “евро” противоречит системе литовского языка, т.е. это слово должно звучать как *euras* и иметь семь падежей и окончаний».

Противоречивость языкового развития на рубеже столетий состоит в том, что в этот период одновременно и форсированно действуют противонаправленные процессы интеграции и дезинтеграции, т.е. распадаются полиэтнические государства и возникают моноэтнические. Для обозначения этого процесса К. Штейнке использует термин «глоттотомия» (рассечение языка). Такой процесс имел место, например, в Югославии, где «после распада федерации сербскохорватский язык утратил свой базис и были созданы новые государственные языки» (Штейнке, 2006, с. 255). В таких случаях процесс культурной и языковой этнизации «осуществляется по триединой формуле ‘одно государство – один этнос – один язык’» (Нецименко, 2006, с. 40), т.е. «вопрос об идентичности выходит на первый план» (Кочетков, 2015, с. 65).

Последствия такого развития проявляются, в частности, и в том, что в Европейском союзе признаны в качестве официальных 24 языка – сюда входят государственные языки тех стран, которые возникли как моноэтнические в результате распада полиэтнических

государственных образований (Югославия, Чехословакия). Такое количество официальных языков вызывает практические и финансовые проблемы в функционировании институтов ЕС, что потребовало принятия ряда документов, учитывающих положения «Регламента № 1 об установлении языкового режима в ЕЭС» от 15 апреля 1958 г. (Council Regulation № 1) (см. Приложение 1) (см. об этом материалы У. Аммона и Н.Н. Трошиной в настоящем сборнике).

Сложность языковой ситуации в европейских странах обусловлена также существованием большого числа миноритарных или региональных языков (к ним относятся, например, ливский, корнский, доломитский ладинский, сардинский, фарерский и многие другие языки), использование и защита которых обеспечивается «Европейской хартией региональных языков или языков меньшинств» (Европейская хартия, 1992) (см. Приложение 2 и статью А.С. Кожемякова в настоящем сборнике; ситуация с миноритарными языками в России охарактеризована в статье В.Ю. Михальченко).

Таким образом, европейский языковой ландшафт характеризуется исключительным разнообразием, т.е. бытованием языков, принадлежащих к различным языковым семьям: 1) индоевропейской семье – германские языки (например, английский, немецкий, шведский, норвежский, датский, нидерландский, фризский), романские языки (например, испанский, итальянский, португальский, румынский, сардинский, ретороманский), славянские языки (например, русский, украинский, белорусский, польский, чешский, словацкий, словенский, серболужицкий, хорватский, сербский), кельтские языки (например, ирландский, шотландский / гэльский), греческий язык; 2) финно-угорской семье (например, финский, эстонский, венгерский, вепсский, карельский); 3) семитской семье (мальтийский); 4) баскский язык (псевдоизолированный язык, традиционно включаемый в состав палеоиспанских языков)¹.

От языкового многообразия следует отличать многоязычие (полилингвизм, мультилингвизм), т.е. «одинаково свободное пользование индивидом, по крайней мере, тремя различными языками как обиходными в отличие от иностранных языков» (Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 132; см. также: Общеевропейские компетенции владения иностранным языком, 2003). По данным опроса «Евробарометра»² (Eurobarometer-Umfragen), сред-

¹ Перечень языков неполный. – *Прим. авт. (Н. Т.)*.

² Eurobarometer – организация, проводящая опросы населения в целях выявления общественного мнения в Европе. – *Прим. авт. (Н. Т.)*.

нестатистический житель Люксембурга в наибольшей степени соответствует идеалу европейца, так как владеет тремя языками: французским (он играет главную роль в общественной коммуникации), немецким (на нем проводится обучение в школе) и летцебургским (язык бытового общения), сообщается в статье Х. Такахашаи «Языковая политика малого государства в ЕС: Люксембургский трилингвизм и его перспектива» (Takahashi, 2013).

Регулирование взаимодействия основных европейских языков с миноритарными требует проведения взвешенной языковой политики, поскольку касается реализации очень важных для человека потребностей – потребности в выражении своей идентичности и потребности во взаимопонимании, пишет В.М. Алпатов (Алпатов, 2014). Потребность в выражении идентичности заключается в выборе для общения преимущественно родного языка, потребность во взаимопонимании – в желании общаться с собеседниками без помех на понятном языке. В современных коммуникативных условиях эти две потребности реализуются далеко не всегда беспрепятственно, так как родные языки (как основные европейские, так и миноритарные) обладают в современной Европе различной коммуникативной и экономической привлекательностью: не случайно У. Аммон ввел понятие экономической силы языка (Ammon, 1997).

Объединение Европы – это важнейшее политическое достижение, которое, однако, стоит всем европейским языкам, кроме английского, утраты своего коммуникативного престижа и своих позиций. В языковой сфере сформировалась оппозиция «английский язык – неанглийские языки» (Кирилина, 2014), которые постепенно превращаются в малые языки. Различные аспекты этой проблемы освещаются в материалах И.К. Сескутовой, Е.О. Опариной, М.Б. Раренко, Н.Н. Трошиной, А.В. Нагорной и Е.М. Солнцева, представленных в настоящем сборнике.

Особенно остро это превращение переживают такие коммуникативно мощные языки, как немецкий и французский. Носители французского языка утешаются хотя бы тем, что их язык является рабочим языком в институтах Европейского союза (хотя его реальное использование также сокращается). Носители же немецкого языка воспринимают вытеснение их языка из сферы международной политики как наказание за преступления национал-социализма, отмечает У. Аммон (Ammon, 2009).

На расширение сферы использования английского языка и, соответственно, на усиление его влияния на языковую и социокультурную ситуацию в Европе с тревогой обращают внимание

представители различных гуманитарных наук и прежде всего лингвисты: «...Вторгаясь в иноязычное коммуникативное пространство, глобальный английский не только изменяет лексический состав и коммуникативные нормы принимающего языка... но, задавая идеологический вектор концептуализации процессов и явлений, становится катализатором культурных и ценностных трансформаций» (Гриценко, Кирилина, 2014, с. 100). Противоположной точки зрения придерживается Г. Люди, указывая, что *lingua franca*, каковым становится глобальный английский, по определению предполагает наличие многоязычия (Lüdi, 2013).

В 2008 г. «Общество немецкого языка» (*Gesellschaft für deutsche Sprache*) и Гёте-институт (*Goethe-Institut*) провели в Брюсселе конференцию под названием «English only? Что будет с немецким и другими европейскими языками?», на которой подчеркивалось, что международная и межнациональная коммуникация особенно интенсивно осуществляется именно через институты Европейского союза, чему имеется ряд причин:

1) беспрепятственно осуществляется экономическое сотрудничество и передвижение граждан по территории стран – членов Союза (индивидуальная мобильность);

2) формируется единое европейское пространство высшего образования и научных исследований в соответствии с Болонским процессом¹ (Болонский процесс);

3) ставится цель формирования широкой европейской общественности и общеевропейского медийного пространства (Schreiner, 2006), что в условиях языкового многообразия непросто сделать без введения единого языка. Кроме того, решение экономических вопросов так или иначе затрагивает и языковой аспект, так как связано с миграцией рабочей силы.

Вопрос о введении единого языка актуален для Европейского союза в следующих трех аспектах, которые называет У. Аммон в своей фундаментальной монографии «Роль немецкого языка в мире» (Ammon, 2014):

1) «для внутренней коммуникации в институтах Европейского союза (рабочий язык ЕС);

¹ Болонский процесс – процесс сближения и гармонизации систем высшего образования стран Европы с целью создания единого европейского пространства высшего образования. Официальной датой начала процесса принято считать 19 июня 1999 г., когда была подписана Болонская декларация (Википедия).

2) для коммуникации между институтами Европейского союза и гражданами этого Союза (официальный язык ЕС);

3) для коммуникации между гражданами Европейского союза (*lingua franca* ЕС)» (Ammon, 2014, S. 770).

Для принятия решения по этому вопросу необходимо проведение референдума в европейских странах. Однако это представляется затруднительным, так как граждане Европейского союза не проявляют должной заинтересованности в этом отношении, считая языковой вопрос несущественным (*eine Bagatelle*), с сожалением отмечает У. Аммон.

Наиболее вероятным кандидатом на роль *lingua franca* является, конечно, английский язык. Сторонники такого подхода видят в английском языке силу, которая может объединить и эмоционально сплотить народы Европы (Gerhards, 2010). Эту концепцию критикует У. Аммон, указывая, что «это под силу родному языку в пределах одной страны, поскольку диалектная вариативность не препятствует признанию общего литературного языка в качестве ‘правильного’» (Ammon, 2014, S. 266). Такая языковая ситуация сложилась, например, в Германии. Однако добровольное признание литературного стандарта языка может быть затруднено, если язык повседневного общения и литературный стандарт сильно отличаются друг от друга, что показательно, например, для немецкоязычных кантонов Швейцарии, где в повседневности говорят на алеманском (западно-южнонемецком) диалекте (*Schwyzerdütsch*). Обиходно-разговорный язык как форма языка, существующая между диалектом и литературным языком, в швейцарской речевой практике отсутствует (в отличие от речевой практики в других немецкоязычных странах). И уже совсем нереальна объединяющая функция *lingua franca*, если на нем общаются народы – носители языков, принадлежащих к различным языковым семьям (см. выше). Так, немецкий язык был *lingua franca* в Габсбургской империи (в Австро-Венгрии), но это не спасло ее от распада в конце Первой мировой войны.

При всем разнообразии мнений относительно превращения английского языка (в его американском варианте) в *lingua franca* для Европы приходится констатировать, что процесс идет именно в этом направлении еще и потому, что его поддерживает значительная часть молодежи. Не случайно в социалингвистике последних десятилетий все большее внимание уделяется молодежному фактору, хотя категория «поколение» еще не введена в понятийный аппарат социалингвистического анализа. Э. Нойланд считает,

что понятие поколения является ключевым для рассмотрения общественных движений и языковых изменений, что подтверждается также активным использованием понятия поколения в новейших исследованиях по истории языка, поскольку оно может быть соотнесено со временем появления и распространения языковых инноваций (Neuland, 2013). В распространении английского языка в качестве *lingua franca* для Европы заинтересованы, по наблюдениям У. Аммона, также носители миноритарных языков, так как это избавило бы их от необходимости осваивать еще и какой-либо другой язык, кроме английского (Ammon, 2009; Ammon, 2014).

Большинство лингвистов видят неизбежность этого процесса, но некоторые из них относятся к нему иронически, например К. Штейнке, который отмечает: «“Действует смешной закон, гласящий: *Кому нечего сказать, тот говорит по-английски*”. Такую формулировку предложило Общество немецкого языка, которое серьезно отмечает самые заметные языковые промахи» (Штейнке, 2006, с. 252). Автор признает, что «английский как язык делового общения, точнее, ломаный английский, охватил весь мир. Отрицать это было бы глупо. Разумеется, это именно мировой язык делового общения, ломаный английский в классическом смысле слова, а никакая не новая родная речь. Англичане порой приходят в ужас от того английского, который они слышат из уст иностранцев, и не спешат отождествлять его со своим языком... Новое глобальное коммуникационное сообщество не сможет обойтись одним языком, по крайней мере, всеобщим арго на основе английского. Напротив, знание многих языков станет важнейшей предпосылкой профессионального успеха» (Штейнке, 2006, с. 256). Этот же автор считает, в отличие от распространенного мнения, что многоязычие предпочтительно не только для крупных языковых сообществ, но и для национальных меньшинств (учитывая их стремление к регионализму).

Стремительное распространение английского языка в странах современной Европы ни в коей мере не опровергает того факта, что национальные языки воспринимаются их носителями как непреходящая ценность и как нечто само собой разумеющееся. Сознвая важность этой константы европейского сознания, Европейский союз принял лозунг «Единство в многообразии!», который предполагает сохранение богатого языкового ландшафта европейского континента.

Список литературы

- Алпатов В.М.* Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Междунар. конф., М., 16–19 сент. 2014. – М., 2014. – С. 11–24.
- Болонский процесс. – Mode of access: [http:// www.ehea.info](http://www.ehea.info)
- Гриценко Е.С., Кирилина А.В.* Языковая политика в условиях глобализации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Междунар. конф., М., 16–19 сент. 2014. – М., 2014. – С. 95–101.
- Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств. – Mode of access: <http://conventions.coe.int/Treaty/RUS/Treaties/Html/148.htm>
- Кирилина А.В.* Немецкий язык и дискурс глобализации // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. – М., 2014. – Т. 11: Языковая системность и дискурсивные практики. – С. 11–22.
- Кочетков В.В.* Идентичность и культура в современных международных отношениях. – М., 2015. – 317 с.
- Нещименко Г.П.* К рассмотрению динамики языковой ситуации через призму процессов интеграции и дифференциации // Глобализация – этнизация: Этнокультурные и языковые процессы. – М., 2006. – Кн. 1. – С. 38–69.
- Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. – Страсбург, 2003. – 256 с.
- Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. Михальченко В.Ю. – М., 2006. – 311 с.
- Штейнке К.* Глобализация – регионализация и лингвистика: Пер. с нем. // Глобализация – этнизация: Этнокультурные и языковые процессы. – М., 2006. – Кн. 1. – С. 249–258.
- Ammon U.* Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt. – B.; N.Y., 2014. – XVIII, 1296 S.
- Ammon U.* Schwierigkeiten bei der Verbreitung der deutschen Sprache heute // Muttersprache. – Wiesbaden, 1997. – № 1. – S. 17–34.
- Ammon U.* Thesen zur Abträglichkeit der EU-Sprachenpolitik für Deutsch als Fremdsprache // Der Sprachdienst. – Wiesbaden, 2009. – H. 1. – S. 16–19.
- Gerhards J.* Mehrsprachigkeit im vereinten Europa: Transnationales Kapital als Resource in einer globalisierten Welt. – Wiesbaden, 2010. – 244 S.
- Lüdi G.* Ist Englisch als *lingua franca* eine Bedrohung für Deutsch und andere Nationalsprachen? // Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache. – B.; Boston, 2013. – S. 275–292.
- Neuland E.* Soziolinguistische Dimensionen (inter)generationellen Sprachgebrauchs // Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache. – B.; Boston, 2013. – S. 209–223.

Schreiner P. Deutsch im Konzert europäischer Sprachen: Über die Sprachpolitik der EU und die Situation der deutschen Sprache auf europäischer Ebene // Der Sprachdienst. – Wiesbaden, 2006. – H. 4 / 5. – S. 41–51.

Takahashi H. Sprachenpolitik eines Kleinstaates in der EU // Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache. – B.; Boston, 2013. – S. 293–308.

Н.Н. Трошина

I. ОБЗОРЫ И СТАТЬИ

В.Ю. Михальченко

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

Языковая ситуация – это распределение разных форм существования одного языка или нескольких языков в границах определенных географических регионов или административных образований (Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 266). Как известно, Россия – полиэтническое государство, в котором проживают более 100 коренных народов, а также ряд этнических групп, и активно функционируют более 150 языков (Алпатов, 1997). Средством языкового единения полиэтнического государства является русский язык – государственный язык Российской Федерации. Уровень языкового единения РФ очень высок: на русском языке говорят 98,2% населения. 23% населения владеют еще 38 языками, а остальные 114 языков распространены всего среди 1% населения. Большинство языков, которые имеют максимальное количество владеющих, являются государственными языками республик. Таким образом, на территории России наблюдается языковое единство, обеспечиваемое языковым доминированием русского языка, с одной стороны, а с другой – большое культурное и языковое разнообразие (Михальченко, 2011).

Языковое разнообразие вызвано наличием множества этносов, в той или иной степени культивирующих родную культуру и язык и составляющих языковую общность определенного языка. Языковые общности различаются по количеству, а также по соотношению с государством. Так, все население полиэтнической России делится на коренное и некоренное население.

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-04-00 296 «Языки России в эпоху глобализации» (2014–2016). – *Прим. авт. (В. М.)*.

Соответственно очевидно, что обязательства государства по отношению к этим разным типам населения различны. Среди коренного населения выделяются малочисленные народы, всесторонняя поддержка языков и культур которых в настоящее время признана особенно актуальной из-за опасности их исчезновения. Другие отношения у государства с внешними и внутренними диаспорами. Внутренние диаспоры (казахи, эстонцы, латыши и др.) тоже имеют определенные права на внимание со стороны государства, так как несколько поколений диаспоры живут в России и являются ее полноправными гражданами.

Языковая ситуация в России в значительной мере зависит от сложного устройства государства: в России имеются национально-государственные (республики), национально-территориальные (округа) и территориально-административные образования (края, области). В Конституции 1993 г. перечисляются 89 субъектов Российской Федерации и отмечается, что Российская Федерация состоит из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, округов – равноправных субъектов Российской Федерации. Республика (национально-государственное образование) имеет свою конституцию и законодательство. Край, область, город федеративного значения, автономная область, автономный округ имеют свои устав и законодательство (Конституция РФ, ст. 5, п. 1, п. 2, п. 3, 2015, с. 4). В настоящее время имеется 85 субъектов (регионов) РФ – 22 республики (Алтай, Адыгея, Башкортостан, Бурятия, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Калмыкия, Карелия, Коми, Крым, Марий Эл, Мордовия, Саха / Якутия, Северная Осетия – Алания, Татарстан, Тыва, Удмуртия, Хакасия, Чеченская Республика, Чувашия), девять краев, 46 областей, три города федерального значения, одна автономная область, четыре автономных округа.

Языковая ситуация в областях Российской Федерации весьма однообразна: при наличии русских жителей, которые являются основным, подавляющим контингентом (от 90 до 99% населения областей), в этих субъектах Российской Федерации функционирует русский язык и разные формы его существования (говоры, диалекты, социолекты). Постепенно формируются языковые общности со знанием мировых языков, причем социальная потребность в этих языках зависит от наличия необходимости их использования в сфере профессиональной деятельности, в поездках.

Области составляют бóльшую часть территории России. В связи с преимущественно однопациональным населением в них отсутствуют условия для языковых конфликтов.

В 22 республиках Российской Федерации (с учетом Республики Крым) проблемы развития национального языка ставятся весьма остро, так как считается, что неперенным показателем государственности наряду с территорией, флагом, гербом является государственный язык. Объявление языка титульной нации в той или иной республике государственным, конечно, создает предпосылки для его функционального развития, однако вместе с тем создает возможности для использования языка в политических целях, что иногда приводит к языковым конфликтам (Сулейманов, 2014, с. 226–234).

В России представлено более 150 языков разных семей – славянские, тюркские, финно-угорские, монгольские, северокавказские и др. В одних республиках **титульными** являются тюркские языки (алтайский, башкирский, кумыкский, ногайский, татарский, тувинский, карачаево-балкарский, хакаский, чувашский, якутский), в других республиках – финно-угорские (карельский, коми, марийский, мордовский, удмуртский), монгольские (бурятский, калмыцкий), северокавказские (аварский, абазинский, агульский, адыгейский, даргинский, кабардино-черкесский, лакский, лезгинский, рутульский, табасаранский, цахурский, чеченский), а также индоевропейские языки иранской ветви – осетинский, татский. Эти языки объявлены **государственными** языками соответствующих республик, хотя не все они достаточно развиты функционально, чтобы выполнять функции государственного языка.

Большинство языков народов России являются младописьменными, так как письменность для них была разработана лишь в советское время. В некоторых республиках основными являются два или несколько языков, например в Мордовской и Марийской республиках по две литературные разновидности соответствующих языков (мокша и эрзя – мордовский, горно-марийский и лугово-марийский). В Дагестане несколько литературных языков (аварский, лезгинский, даргинский, кумыкский, лакский, ногайский, табасаранский, татский, агульский, рутульский, цахурский).

С точки зрения давности письменных традиций языки Российской Федерации представляют весьма пеструю картину. В нее включаются старописьменный язык международного общения, являющийся этнолингвой русского народа, функционально развитые языки (татарский, башкирский, чувашский, якутский и др.), младописьмен-

ные языки, получившие письменность в 20–30-е годы (например, абазинский, табасаранский и др.), новописьменные языки, для которых письменность была разработана в 90-х годах (например, алеутский, саамский, вепсский, агульский, рутульский), языки с возобновленной письменностью (карельский, цахурский) и бесписьменные языки (например, каратинский, ахвахский, тиндинский и др.).

Так же разнообразны языки и с точки зрения их функциональной развитости. Различный уровень функционального развития языков Российской Федерации зависит от ряда социальных факторов: 1) численности носителей языка; 2) способов расселения носителей языка; 3) наличия письменности; 4) наличия традиций использования языка в разных сферах общения; 5) степени развития у носителей языка национально-языкового самосознания; 6) наличия социальной потребности в использовании национального языка; 7) культивирования других языков в разных сферах общения (двуязычие или многоязычие).

Значимыми параметрами успешного функционирования языка является численность носителей языка и способы их расселения. По данным переписи 2010 г., наиболее многочисленными этносами Российской Федерации, кроме русских, являются татары (5 310 649), чуваша (1 435 872) и чеченцы (1 431 360).

Языковые общности мажоритарных коренных народов России (более 50 тыс. человек)¹

Название этноса	Основной регион проживания этноса, где этнический язык признан государственным	Численность данной национальности в регионе (человек)	Название языка	Численность владеющих языком в данном регионе (человек)	Доля владеющих языком среди данной нации (%)
1	2	3	4	5	6
Аварцы	Респ. Дагестан	850 011	Аварский	663 333	78,0
Адыгейцы	Респ. Адыгея	107 048	Адыгейский	102 400	70,6
Алтайцы	Респ. Алтай	68 814	Алтайский	48 583	70,6
Башкиры	Респ. Башкортостан	1 172 287	Башкирский	790 383	67,4
Буряты	Респ. Бурятия	286 839	Бурятский	122 882	42,8
Даргинцы	Респ. Дагестан	490 384	Даргинский	409 166	83,4
Ингуши	Респ. Ингушетия	385 537	Ингушский	260 415	67,5

¹Здесь и далее статистические данные приводятся по переписи 2010 г. (Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г., 2012). – *Прим. авт. (В. М.)*.

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6
Кабардинцы	Кабардино-Балкарская Респ.	490 453	Кабардино-черкесский	427 303	87,1
Черкесы	Карачаево-Черкесская Респ.	56 466	Кабардино-черкесский	49 596	87,8
Калмыки	Респ. Калмыкия	162 740	Калмыцкий	70 549	43,4
Карачаевцы	Карачаево-Черкесская Респ.	194 324	Карачаево-балкарский	181 740	93,5
Балкарцы	Кабардино-Балкарская Респ.	108 577	Карачаево-балкарский	96 252	88,6
Карелы	Респ. Карелия.	45 570	Карельский	16 876	37,0
Коми	Респ. Коми	202 348	Коми	130 797	64,6
Коми-пермяки	Пермский край	81 084	Коми-пермяцкий	55 285	68,2
Кумыки	Респ. Дагестан	431 736	Кумыкский	342 580	79,4
Лакцы	Респ. Дагестан	161 276	Лакский	132 345	82,1
Лезгины	Респ. Дагестан	385 240	Лезгинский	340 916	88,5
Марийцы	Респ. Марий Эл	290 863	Марийский	198 072	68,1
Мордва	Респ. Мордовия	333 112	Мордовский	191 164	57,4
Ногайцы	1) Респ. Дагестан 2) Карачаево-Черкесская Респ.	1) 40 407 2) 15 654	Ногайский	1) 35 850 2) 14 329	1) 88,7 2) 91,5
Осетины	Респ. Северная Осетия	459 688	Осетинский	402 248	87,6
Табасараны	Респ. Дагестан	118 848	Табасаранский	106 963	90,0
Татары	Респ. Татарстан	2 012 571	Татарский	1 860 294	92,4
Тувинцы	Респ. Тыва	249 299	Тувинский	241 092	96,7
Удмурты	Удмуртская Респ.	410 584	Удмуртский	229 203	55,8
Хакасы	Респ. Хакасия	63 643	Хакасский	38 897	63,1
Чеченцы	1) Чеченская Респ. 2) Респ. Дагестан	1) 1 206 551 2) 93 658	Чеченский	1) 1 198 547 2) 60 465	1) 99,4 2) 64,6
Чуваши	Чувашская Респ.	814 750	Чувашский	656 872	80, 6
Якуты	Респ. Саха (Якутия)	466 492	Якутский	401 240	86,0
Русские	РФ, все регионы	111 016 896	Русский	110 804 126	99,9

Другим важным для функционального развития языка параметром является *компактность* или *дисперсность* расселения того или иного этноса. Самым благоприятным для расширения социальных функций языка является компактное расселение носителей языка. В России представлены разные типы регионов с разными объек-

тивными возможностями для функционального развития титульных языков, объявленных государственными: в одних республиках титульная нация составляет подавляющее большинство населения республики (Чечня – 95,3%), в других республиках больше половины (Чувашия – 65,1%; Калмыкия – 56,2; Татарстан – 53,2%); в третьих республиках меньше 40% (например, Мордовия – 39,9%; Алтай – 33,4, Башкортостан – 28,8%). В некоторых республиках удельный вес титульной группы крайне низок (Карелия – 7,1%, Хакасия – 12%). Для ногайцев характерен анклавный способ расселения: в 2010 г. в Дагестане проживали 39%, в Ногайском р-не Карачаево-Черкесии – 15,1, в Нефтекумском р-оне Ставропольского края – 21,2% ногайцев). Для адыгейцев во многих районах характерно «чересполосное поселение», традиционно сложившееся в результате расселения казачьего населения на землях, которые позже вошли в состав Адыгеи.

В современных условиях в результате процессов переселения возрастает доля смешанных поселений. У некоторых народов отмечается тенденция к дисперсному расселению, так, например, у кумыков характер проживания приобрел в основном дисперсный характер.

К титульным народам прежде всего причисляют этнические сообщества, этнонимы которых используются в наименовании республики, однако для удобства этот термин используется также и по отношению к тем народам, языки которых признаны государственными, хотя их этнонимы в силу объективных причин не отражаются в названии соответствующего субъекта РФ: абазины и ногайцы в Карачаево-Черкесии (наряду с карачаевцами и черкесами), народы Дагестана.

В условиях, когда доля титульного народа в населении региона невелика, функциональное развитие соответствующего этнического языка сталкивается с известными трудностями. Такие языки хотя и объявлены государственными, с трудом могут расширить свои функции, поскольку полиэтническое население использует прежде всего государственный язык страны (русский), и социальная потребность в другом средстве языкового единения региона – в использовании государственного языка республики – ограничена. Особенно сильно эта тенденция проявляется в тех случаях, когда уровень владения данным этническим языком невысок.

Удельный вес титульных народов в республиках РФ

Республика	Всего жителей (человек)	Титульный народ	Численность титульного народа (человек)	Доля данного народа в населении региона (%)
Алтай	206 168	Алтайцы	68 814	33,4
Адыгея	439 996	Адыгейцы		24,3
Башкортостан	4 072 292	Башкиры	1 172 287	28,8
Бурятия	972 021	Буряты	286 839	29,5
Дагестан	2 910 249	Аварцы	850 011	29,2
		Агулы	28 054	1,0
		Азербайджанцы	130 919	4,5
		Горские евреи (таты-иудеи)	196	0,01
		Даргинцы	490 384	16,9
		Кумыки	431 736	14,8
		Лезгины	385 240	12,2
		Лакцы	161 276	5,5
		Ногайцы	40 407	1,4
		Рутульцы	27 849	1,0
		Табасараны	118 848	4,1
		Таты (таты-мусульмане)	456	0,2
		Цахуры	9771	0,3
		Чеченцы	93 658	3,2
Ингушетия	412 529	Ингуши	385 537	94,1
Кабардино-Балкария	859 939	Кабардинцы	490 453	57,2
		Балкарцы	108 577	12,7
Карачаево-Черкесия	477 859	Карачаевцы	194 324	40,7
		Черкесы	56 466	11,8
		Абазины	36 919	7,7
		Ногайцы	15 654	3,3
Калмыкия	289 481	Калмыки	162 740	56,2
Карелия	643 548	Карелы	45 570	7,1
Коми	901 189	Коми	202 348	22,5
Марий Эл	696 459	Марийцы	290 863	41,8
Мордовия	834 755	Мордва	333 112	39,9
Саха (Якутия)	958 528	Якуты	466 492	48,7
Северная Осетия	712 980	Осетины	459 688	68,1
Татарстан	3 786 488	Татары	2 012 571	53,2
Тыва	307 930	Тувинцы	249 299	81
Удмуртия	1 521 420	Удмурты	410 584	27
Хакасия	532 403	Хакасы	63 643	12
Чечня	1 268 989	Чеченцы	1 206 551	95,3
Чувашия	1 251 619	Чуваши	814 750	65,1

Кроме проблемы языкового единения отдельных языковых общностей и всего полиэтнического государства, которая успешно решается путем развития социальных функций языков и государственного языка Российской Федерации (русского языка), в последние десятилетия очень актуальным становится вопрос языковой интеграции разных этносов в процессе глобализации. Конечно, ряд социальных функций здесь выполняет русский язык как один из мировых языков, язык ООН и ЮНЕСКО. Однако для поездок в разные страны мира с целью работы или отдыха необходимо знание и других мировых языков. По данным переписи 2002 г., в России сформировались языковые общности, в той или иной степени владеющие иностранными мировыми языками (английским, немецким и др.).

Особое место среди языков РФ занимают **языки малочисленных народов – миноритарные языки**. Для этих языков особенно важна поддержка существующих социальных функций (которые зачастую ограничиваются сферой семейного общения) наряду с необходимостью их исследования и фиксации, так как именно в этой группе языков наиболее интенсивны процессы ассимиляции. Велика угроза исчезновения языков. На территории Российской Федерации насчитываются 54 малочисленных народа: более двух десятков на Крайнем Севере и в Сибири и более 30 на Кавказе.

В соответствии с этнографическими критериями малочисленными народами считаются такие этнические общности, которые проживают на территории своего традиционного расселения и насчитывают менее 50 тыс. человек. К языкам малочисленных народов относятся следующие языки:

Языки малочисленных (миноритарных) народов (менее 50 тыс. жителей) Российской Федерации

Национальность	Численность народа	Родной язык данного народа	Численность знающих данный язык в РФ
1	2	3	4
Абазины	43 341	Абазинский	37 831
Алеуты	482	Алеутский	45
Алаторцы	Включены в состав коряков	Алаторский	25
Андийцы	11 780	Андийский	5800
Арчинцы	12	Арчинский	970
Ахвахцы	7930	Ахвахский	210
Багвалинцы	5	Багвалинский	1447

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Бежтинцы	5958	Бежтинский	6072
Ботлихцы	3508	Ботлихский	206
Вепсы	5336	Вепский	3613
Водь	64	Водский	68
Гинухцы	443	Гинухский	нет данных
Годоберинцы	427	Годоберинский	128
Гунзибцы	918	Гунзибский	1012
Долганы	7885	Долганский	1054
Ижорцы	266	Ижорский	123
Ительмены	3193	Ительменский	82
Камчадалы	1227	Язык камчадалов	нет данных
Каратинцы	4787	Каратинский	255
Кайтагцы	7	Кайтагский	нет данных
Кереки	4	Керекский	10
Кеты	1219	Кетский	213
Коряки	7953	Корякский	1665
Кубачинцы	120	Кубачинский	нет данных
Кумандинцы	2892	Кумандинский	нет данных
Манси	12 269	Манскийский	938
Нанайцы	12 003	Нанайский	1347
Нганасаны	862	Нганасанский	125
Ненцы	44 640	Ненецкий тундровый и лесной	21 926
Нивхи	4652	Нивхский	
Ороки	295	Уйлтский	47
Орочи	596	Орочский	8
Рутульцы	35 240	Рутульский	30 360
Саамы	1771	Саамский	353
Селькупы	3649	Селькупский	1023
Сойоты	3608	Сойотский	нет данных
Тазы	274	Язык тазов	нет данных
Таты	1585	Татский	2012
Теленгиты	3712	Теленгитский	нет данных
Телеуты	2643	Телеутский	975
Тиндалы	635	Тиндальский	нет данных
Тофалары	762	Тофаларский	93
Тубалары	1965	Тубаларский	229

Продолжение таблицы

1	2	3	4
Удэгейцы	1496	Удэгейский	103
Ульчи	2765	Ульчский	154
Ханты	30 943	Хантыйский	9584
Хваршины	527	Хваршинский	1737
Цахуры	12 769	Цахурский	10 596
Цезы		Цезский	12 467
Чамалинцы	24	Чамалинский	500
Челканцы	1181	Челканский	310
Чуванцы	1002	Чуванский	нет данных
Чукчи	15 908	Чукотский	5095
Чулымцы	355	Чулымский	44
Шорцы	12 888	Шорский	2839
Эвенки	37 843	Эвенкийский	4802
Эвены	22 383	Эвенский	5656
Энцы	227	Энецкий	43
Эскимосы	1738	Язык азиатских эскимосов	508
Юги	1	Югский	1
Юкагиры	1603	Юкагирский	370

Некоторые из этих народов пользуются не отдельными языками, а одной из форм существования языка – диалектами, например, языком бесермян является диалект удмуртского языка (финно-угорский язык). Вместе с тем некоторые языковые образования могут рассматриваться либо как самостоятельные языки, либо как диалекты (в зависимости от точки зрения лингвиста), например кайтагский. Язык по сравнению с диалектом обладает, как правило, более широкой социальной базой своего применения как по количеству носителей, так и по сферам функционирования.

В список малочисленных языков России включены 54 языка. Лингвисты не только изучают эти языки, но и стремятся к созданию письменностей для них. При этом перед созданием письменности совершенно необходимо проводить социолингвистическое обследование соответствующей языковой общности с целью выявления ее желания, готовности пользоваться вновь создаваемой письменностью. Внешних усилий, благородных желаний создателей письменностей для ее распространения среди соответствующей языковой общности явно недостаточно. Нужны и определенные объективные факторы: наличие средств для внедрения

письменности, определенный способ расселения людей, высокий уровень их ориентации на этническую культуру и др.

Внимание ученых к культурам и языкам малочисленных народов, к исчезающим языкам, к сохранению культурного и языкового многообразия мира, видимо, усилилось как ответная реакция на тенденцию глобализации экономики, распространение американской массовой культуры и функциональное давление английского языка. Отметим, кстати, что на территории РФ русский язык, в определенной степени принимая на себя последствия указанных явлений, в то же время в значительной мере охраняет от этих процессов языки и культуры других народов России, оставаясь при этом одним из развитых языков, оказывающих значительное влияние на языки малочисленных народов Российской Федерации (Михальченко, 2009, с. 38–40).

Исследование языков с различным уровнем развитости социальных функций, в том числе и языков малочисленных народов (письменных и бесписьменных), ставит вопрос об итоговой оценке уровня их функционального развития, о создании социолингвистического портрета каждого из них и об их функциональной классификации.

Таким образом, в Российской Федерации существует большое разнообразие языковых общностей и типов языковых ситуаций.

Языковая политика – это совокупность мер, которые разрабатываются и принимаются государством, партией, классом, общественной группировкой для сохранения или изменения существующего функционального распределения языков и языковых подсистем для выделения новых или сохранения употребляющихся языковых норм, являющихся частью общей политики и соответствующих их целям (Словарь социолингвистических терминов, 2006). Таким образом, объектом языковой политики, в первую очередь, являются языки, используемые в той или иной степени в официальных, регулируемых сферах общения. Общение в аморфных коммуникативных сферах (дружеское, семейное, бытовое, личное общение) регулированию не подлежит. Государство – посредством национально-языковой политики – может оказывать поддержку тем языкам, которые функционируют исключительно в аморфных сферах (т.е. бесписьменным языкам) только косвенным образом, например, теми или иными средствами способствуя сохранению как самой языковой общности, народа – носителя языка, так и его культуры.

В любой стране, в которой наблюдается этническое и языковое многообразие, существует настоящая социальная потребность в реализации двух тенденций. Одна из тенденций – языковое единение страны, государства. Эта тенденция вызывается реальной жизнью, требующей постоянных контактов между жителями страны в связи с их участием в процессе производства материальных и духовных ценностей. Другая тенденция – стремление разных языковых общностей сохранять и развивать свой национальный язык и национальную культуру. Успешная, бесконфликтная языковая политика должна учитывать эти две противоположные тенденции и реализовывать их в процессах сознательного воздействия общества на язык. Видимо, наиболее ярким примером сочетания этих противоположных тенденций была языковая политика в СССР: русский язык в функции языка межнационального общения, средства единения многонационального народа без придания статуса реализовал первую тенденцию, а функционирование в союзных республиках основных языков этих республик сохраняло и развивало местные национальные языки и культуры, реализуя вторую тенденцию. Это вовсе не означает, что в СССР был достигнут идеальный вариант языкового согласия. В республиках существовало недовольство, особенно среди интеллигенции, уровнем развития социальных функций национальных языков, их применением в разных сферах общения, превалированием русского языка там, где вполне мог функционировать местный национальный язык. Был запущен механизм языкового законотворчества, нередко порождая процессы языкового соперничества, противостояния, фактически дававший юридическую основу для такого противостояния. Совершенно очевидно, что подобный процесс законодательства о языках с однокомпонентной моделью в основе концепции законов прошел по всем республикам СССР, а позже и по России. В основе этой модели лежат следующие теоретические положения: 1) общество хочет пользоваться одним языком; 2) двуязычие вредно; 3) язык должен обладать всеми социальными функциями.

Очевидна неприемлемость этой концепции, разработанной учеными франкоязычной канадской провинции Квебек для противостояния английскому языку, в многонациональной и многоязычной России и в других республиках бывшего СССР. Воплощение этой концепции в 1989 г. в законе о языках Эстонской ССР, а позже и во всех других республиках, включая Россию, вызвало открытые языковые конфликты (Молдова), латентные национально-языковые конфликты в Эстонии, Латвии, Литве, Украине и

других союзных республиках бывшего СССР. В России конфронтационный характер законов о языках был нейтрализован принятием Закона о русском языке как общем средстве единения – государственном языке Российской Федерации (Государственные и титульные языки России, 2002).

С точки зрения социолингвистики каждое государство должно иметь собственную модель функционирования и развития языков, соответствующую специфике языковой ситуации в данной стране.

Функциональная модель языковой политики – это совокупность языков и форм их существования, функционирование которых планируется и поддерживается государством (или определенным классом) на территории проживания той или иной этнической группы. Таким образом, для выявления моделей языковой политики необходимо выяснить этнический состав населения, способы расселения разных этнических групп, приверженность их родному языку, ценностные ориентации и множество других частных социальных факторов. Все эти процедуры более или менее успешно проводятся и учитываются в момент принятия законодательных актов о языках.

Важны также уровень, степень развитости языка, получающего юридический статус государственного языка. В социолингвистике наряду с понятием **юридического статуса** существует понятие **«фактический (функциональный, коммуникативный) статус языка»**, означающее уровень развитости языка, его способность обслуживать разные сферы общения. Функционирование этнических языков в РФ нередко складывается так, что язык, имеющий статус государственного, недостаточно функционально развит, чтобы принять все потенциально возможные функции на себя. Именно дихотомия «юридический статус / функциональный коммуникативный (фактический) статус языка» отражает это развитие. В научной литературе встречается утверждение о том, что «наделение особыми правами некоторых языков не должно означать, что таким образом создаются преференции внутри государства для некоторых ‘народов’ или национальных меньшинств» (Степанов, 2010, с. 102–115). И тем не менее для языков, обретших статус государственного языка, создаются программы их развития, выделяются средства для их совершенствования и распространения. Сами государственные языки получили статус в зависимости от наибольшей концентрации жителей одной и той же национальности, что создает наиболее благоприятные условия для функционального развития.

Повышение статуса республик поставило вопрос о принятии законов о языках. Законы о языках были приняты и, таким образом, закрепили определенную модель языковой политики в разных республиках РФ.

Современная Российская Федерация имеет **многокомпонентную общегосударственную модель языковой политики**, при которой во всей стране функционирует общегосударственный язык – государственный язык Российской Федерации – русский язык, а в республиках он дополняется местными республиканскими государственными языками, создавая общегосударственную модель языковой политики с 37 компонентами. В республиках создана юридическая база для «государственного двуязычия» или даже «государственного многоязычия», что приводит иногда к разным формам реальной конкуренции при реализации законов о языках (увеличение / уменьшение количества часов в школе по русскому или региональному языку; споры о том, должен или не должен президент республики знать республиканский государственный язык и т.д.) (Михальченко, 2014, с. 209–213).

При реализации демократической, плюралистической языковой политики в РФ образуется своеобразное сочетание одной общегосударственной функциональной доминанты – русского языка и республиканских языков, т.е. функциональных доминант регионального значения. Таким образом, сочетаются общегосударственный интерес языкового единения всей многоязычной страны с желанием компактно проживающих наций культивировать в разных сферах общения свой национальный язык. Демократическое сочетание одной, общей для всей страны, языковой доминанты (русского языка) с региональными языковыми доминантами (республиканскими государственными языками) позволяет выделить следующие **региональные модели – подтипы языковой политики** в Российской Федерации:

1. *Однокомпонентную модель языковой политики*: языковая политика с разными формами существования русского языка.

2. *Двухкомпонентную модель языковой политики*: языковая политика с двумя доминантами (русский язык + республиканский государственный язык).

3. *Трехкомпонентную модель языковой политики*: языковая политика с тремя доминантами (русский язык + два республиканских государственных языка или два варианта государственного языка).

4. *Многокомпонентную модель языковой политики*: языковая политика с четырьмя, пятью и более доминантами (например, русский язык + языки Дагестана).

5. *Дифференциальную модель языковой политики*: языковая политика в области функционирования языков малочисленных народов.

Использование региональных государственных языков носит ограниченный характер: по сравнению с общефедеральным государственным русским языком, например в сфере науки, в сфере высшего образования, некоторые государственные языки практически не используются, другие используются ограниченно только в гуманитарных областях знания и т.п. В рамках одной и той же модели региональные государственные языки могут реализовываться по-разному – в разном количестве сфер общения и с неодинаковой степенью интенсивности, например, количество сфер использования и интенсивность использования функционально развитого татарского языка будет значительно превышать уровень функционирования карельского языка (двухкомпонентная модель) (Михальченко, 2015, с. 81–83).

Региональные модели языковой политики в Российской Федерации

Название модели языковой политики	Субъект Федерации	Доминирующие компоненты социально-коммуникативной системы
Однокомпонентная (одноязычная) модель	Области Российской Федерации	Русский язык, все формы его существования [литературный язык, диалекты, просторечие и т.д.]
Двухкомпонентная (двуязычная) модель	Республики РФ: Алтай, Адыгея, Бурятия, Башкортостан, Калмыкия, Карелия, Ингушетия, Северная Осетия, Татарстан, Удмуртия, Хакасия, Чечня, Чувашия, Тува, Якутия	Русский язык как государственный язык РФ и республиканский государственный язык
Трехкомпонентная (трехязычная) модель	Мордовия, Марий Эл, Коми, Кабардино-Балкария	Русский язык как государственный язык РФ и два варианта одного литературного языка или два литературных языка, получивших статус государственных языков республик
Многокомпонентная (многоязычная) модель	Дагестан, Карачаево-Черкесия	Русский язык как государственный язык РФ и другие письменные языки, имеющие статус государственных языков республик
Дифференциальная (экстерриториальная модель)	Разные субъекты Российской Федерации	Русский язык как государственный язык РФ, языки малочисленных народов в софункционировании с языками соседних крупных народов

Выделенные модели языковой политики учитывают наличие в территориально-государственных образованиях (республиках) функциональных доминант, которые фактически в сочетании с языками недоминантными, на которых говорят остальные языковые общности, составляют ядро, основу языковой ситуации – ее **социально-коммуникативную систему**. Такая классификация соответствует современному положению языковой политики в РФ и отмечает пути дальнейшего распространения, расширения социальных функций статусных языков, хотя, конечно, для такого расширения социальных функций необходимо однонаправленное положительное действие многих условий, социальных факторов (экономическое благополучие, этническое самосознание, ценностные ориентации носителей языков, материальные условия для расширения их функций в разных сферах коммуникации). Следует отметить, что общероссийская модель языковой политики, отражающая государственное устройство страны и ее национальный состав (общегосударственный язык + статусные языки республик), полностью соответствует основным принципам демократии, языковых прав жителей разнонациональной страны. Сложности возникают в многонациональных республиках с четырьмя, пятью или более доминантами, что обусловлено компактным проживанием на одной территории большого количества коренных народов РФ (например, в Дагестане). Встает вопрос: могут ли все языки Дагестана, став статусными языками республики, функционировать одинаково широко? Видимо, нет, тем более что функцию языкового единения в этой республике выполняет государственный язык РФ – русский. Тем не менее все языки республики теоретически могут считаться статусными, так как юридический статус может быть реализован в разных объемах, например в символической функции (торжественные собрания открываются на этом языке, на нем поется гимн, в наиболее значительных случаях на нем пишутся надписи, или он просто применяется в семейной сфере и сфере межличностного общения). Такое символическое присутствие определенного языка поддерживает уважение к нему, внимание к соответствующей языковой общности. Даже язык меньшинства может иметь статус государственного (например, в Швейцарии ретороманский, на котором говорит только 1% населения). В таком случае статус означает государственную поддержку, преференции в его функционировании как языка малой языковой общности. Конечно, официальным такой язык стать не может, поскольку не обладает системой функциональных стилей, применяемых в разных сферах письменного общения.

Понятие «государственный язык» гораздо шире понятия «официальный язык»: государственный язык – язык культуры, политики, науки, функционирующий во всех сферах коммуникации социума (Словарь социолингвистических терминов, 2006, с. 47–48), а официальный язык – язык госучреждений, делопроизводства, суда (Словарь социолингвистических терминов, 2006). При выделении подтипов – региональных моделей языковой политики учитывается не только количество статусных языков (функциональных доминант), но и их специфика. Трехкомпонентная модель языковой политики выделена в отдельный подтип, хотя три функциональные доминанты можно причислить к многокомпонентному подтипу. Дело в том, что в этой модели представлены, кроме русского, два варианта одного и того же этнического языка (мордовского – эрзя и мокша, марийского – горного и лугового) или два разных этнических языка (кабардинского и балкарского). Пятый подтип выделен в связи с тем, что функционирование языков малочисленных народов, многие из которых являются исчезающими языками, требует особого, отдельного внимания к каждому из них.

Таким образом, отмечая наличие общих принципов языковой политики в общероссийской модели (русский язык + республиканские государственные языки), мы считаем, что языковая политика по регионам РФ распадается на пять подтипов языковой политики, наиболее приближенных к различным языковым ситуациям. Такая национально-языковая политика создает юридические предпосылки для демократического, плюралистического устройства языковой жизни многонациональной страны. Принципы национально-языковой политики являются основой концепции языкового законодательства, от претворения в жизнь которого зависит успешное функционирование языков России.

Список литературы

- Аллатов В.М. 150 языков и политика, 1917–1997. – М., 1997. – 191 с.
- Государственные и титульные языки России: Энциклопедический словарь-справочник / Под общ. ред. Нерознак В.Н. – М., 2002. – 616 с.
- Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: В 11 т. / Раб. группа под пред. Набиуллиной Э.С. – М., 2012. – Т. 4: Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 1–847 с.; Кн. 2. – 1256 с.; Кн. 3. – 820 с.

- Конституция Российской Федерации. Гимн Российской Федерации. Герб Российской Федерации. Флаг Российской Федерации. – М., 2015. – 64 с.
- Михальченко В.Ю.* Национальные языки в эпоху глобализации // Национальные языки в эпоху глобализации. – М., 2011. – С. 5–26.
- Михальченко В.Ю.* Региональные модели языковой политики в Российской Федерации // Язык. Общество. История науки: К 70-летию члена-корреспондента РАН В.М. Алпатова: Тез. докл. Междунар. науч. конф. 22–23 апреля 2015 г., Москва. – М., 2015. – 140 с.
- Михальченко В.Ю.* Функциональное развитие языков России как часть социолингвистической классификации языков мира // Язык как национальное достояние: Проблемы сохранения лингвистического разнообразия. – Улан-Удэ, 2009. – С. 34–43.
- Михальченко В.Ю.* Языковая ситуация и языковая политика в Российской Федерации // Национальные языки в эпоху глобализации. – М., 2011. – С. 29–56.
- Михальченко В.Ю.* Языковой конфликт в полиэтническом государстве // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. – М., 2014. – С. 209–213.
- Словарь социолингвистических терминов / Отв. ред. Михальченко В.Ю. – М., 2006. – 312 с.
- Степанов В.В.* Поддержка языкового разнообразия в Российской Федерации // Этнографическое обозрение. – М., 2010. – № 4. – С. 102–114.
- Сулейманов Р.Р.* Этнолингвистический конфликт в современном Татарстане: Борьба за русский язык в школах национальной республики // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире: Междунар. конф., Москва, 16–19 сентября 2014 г. – М., 2014. – С. 226–234.

А.С. Кожемяков

ЯЗЫКИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ

Тема языков национальных меньшинств и, в частности, их международно-правовой защиты, если брать ее в строгих исторических рамках, относительно нова – ей всего более четверти века. Однако в наблюдаемой истории человечества эта тема практически вечная: начало ее надо отсчитывать от Вавилонской башни. Мифической или реальной – это отдельный вопрос, но вряд ли оспоримо то, что уже с того времени люди усвоили, что языки скорее разъединяют их, чем объединяют, как и то, что те, кто не владеют языком большинства на данной территории, неумолимо оказываются в уязвимой, если подчас не просто опасной ситуации «языкового меньшинства». Увы, история научила тех, кто отслеживает ее развитие, что «меньшинства» часто оказываются в глазах многих их соседей «не в том месте и не в то время», т.е. объектом непонимания, критики либо просто слепого отторжения. Отсюда гуманное желание изменить эту несправедливую и подчас жестокую, доставшуюся от прошлого закономерность, создать правовые условия для гарантий прав человека и в этой важной области, для защиты «национальных меньшинств» как особой социальной группы, равно как и для поддержки свободного использования в обществе многих языков, не создавая при этом проблем и для языка традиционного большинства.

Вторым, не менее значимым аспектом данной проблемы является сохранение культурного многообразия мира. Языковое многообразие – это не просто продолжение разнообразия биологического, но нечто не менее важное для поддержания равновесного состояния и благополучного развития всего человеческого общества как в отдельно взятых странах, так и в мире в целом.

Обычно культурное многообразие подается сегодня как са-моценность (типа многообразия съестных припасов, одежды и

обуви на прилавках магазинов или репертуара развлечений) согласно расхожему критерию «чем больше, тем лучше». Однако когда мы говорим о языках, это отнюдь не сводится к механистическому набору: дело не столько в их количестве, сколько в сохранении того многообразия, которое привносит каждый язык (пусть и в разной степени, в рамках высокой или традиционной культуры) в восприятие нашего мира, а также в создании того, что с некоторой степенью условности можно назвать «картиной мира». Претензии сделать это на одном, пусть даже самом распространенном в мире языке, – опасная иллюзия.

Наконец, есть и третий аспект поддержания языкового многообразия – это вопрос о личностной самоидентификации отдельного человека, а также отдельных национальных групп, в том числе проживающих вне территории «материнского государства». Разумеется, в современном демократическом обществе сформировалось и общепринято понимание права выбора самим человеком языка общения, изучения и обучения (насколько мне известно, сегодня в мире только в некоторых регионах России существует добровольно-принудительное обучение не только официальному, государственному языку страны). Тем более если сегодня в так называемых «передовых странах» постулируется право на будущий выбор даже пола человека, как можно требовать сегодня «языкового принуждения» – жесткой привязки к «обязательной языковой идентификации»? Сотни миллионов людей перемещаются в современном мире, оседают в иных культурных и языковых средах, живут в обстановке реального многоязычия, переходят на «доминантный» в данном обществе официальный язык, ассимилируются либо живут в обстановке устойчивого двуязычия на работе и дома. Не из научных статей и политиканских рассуждений, а из каждодневного личного опыта они твердо уясняют для себя главное (даже не обязательно владея терминологией), т.е. реально сложившееся различие социальных функций разных языков в данном конкретном обществе и стране. И тем не менее знание «родного» (или «материнского»), как это звучит на многих языках, и различие это также наполнено глубоким смыслом) языка – это не прихоть или благое пожелание отдельного человека, – оно должно оставаться и пониматься как его право на сохранение собственной «национальной» идентичности, за которой стоят традиции семьи, своего народа, его истории, наконец, просто нежелание раствориться в общем «человейнике» (используя едкое словечко А. Зиновьева о нашем, возможно, не столь далеком будущем), но, напротив, сохранить ту

невосполнимую уникальность, которую несет в себе (и с собой) каждый народ и язык (напомним, что слова эти были синонимами в древнеславянском и некоторых других языках).

Совмещение трех отмеченных аспектов и сформировало, на мой взгляд, некую общественную потребность в формировании собственно европейского (наряду с режимом ООН по этой тематике) международно-правового режима защиты национальных меньшинств и поддержки их языков. Вполне закономерно, что эти идеи вызрели и оформились в Европе. Столь же не случайно, что происходило это во вполне конкретных исторических условиях. Практически в одно время (в конце 80-х годов прошлого века) оформились и два главных международно-правовых инструмента, действующих в этой сфере на европейском континенте: Рамочная конвенция по защите национальных меньшинств (далее – Рамочная конвенция) (Рамочная конвенция, 1998) и Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (далее – Хартия) (Европейская хартия, 1992). Инициатива в их создании, разработке и принятии принадлежит Совету Европы (далее – СЕ) – старейшей общеевропейской международной организации, созданной в 1949 г.

Итак, претворению в жизнь положений Хартии при сохранении ее полной независимости как международно-правового и мониторингового механизма косвенно способствуют на деле два других мониторинговых механизма СЕ – указанная выше Рамочная конвенция, а также Европейская комиссия против расизма и нетерпимости (далее – ЕКРН). Комиссия действует не на основе международной конвенции, а на основе исходных указаний Комитета министров СЕ. Каждый из этих органов решает самостоятельные задачи в соответствии с собственными правилами и процедурами и пусть в разной степени, но занимается также проблемами малых языков (см.: Комментарий, № 3, 2012; Сборник общеполитических рекомендаций ЕКРН, 2007). В указанных материалах отражены подходы Комиссии, в том числе к вопросам дискриминации по языковому признаку. Исследователям этой проблематики следует учитывать, что все эти органы СЕ существенно содействуют консолидации положения меньшинств и их языков в обществе под углом зрения защиты их прав, обеспечения равенства в правах в различных сферах, создания условий для развития культуры и идентичности, защиты от ассимиляции, борьбы с различными формами дискриминации в отношении меньшинств.

При этом важно отметить, что в мониторинге акцент все более переносится с необходимости «защитных акций» со стороны

властей на «активные и позитивные действия» в пользу развития меньшинств. Все документы, относящиеся к этим направлениям деятельности, включая тексты двух конвенций (они есть и на русском языке), регулярные оценочные доклады по отдельным странам-членам и общие рекомендации трех специализированных комитетов экспертов, график мониторинга ими выполнения обязательств странами-членами, информация о наиболее значимых мероприятиях и публикациях по теме, размещены на трех специализированных сайтах Совета Европы (см. общий сайт СЕ (Режим доступа: www.coe.int; продолжить поиск под рубрикой Human rights) либо напрямую на сайтах трех комитетов (Режим доступа: www.coe.int/min, www.coe.int/minlang, www.coe.int/ecri)).

Однако тем не менее Хартия, бесспорно, является единственным профильным, специализированным и наиболее детально проработанным международно-правовым договором по этой тематике. Начавшаяся несколько лет назад в ЮНЕСКО дискуссия о необходимости универсального документа по защите языков как части культурного достояния пока не увенчалась видимыми результатами, а в ООН только к 2017 г. ожидается обзорный доклад на эту тему.

Следует сразу оговориться, что в отличие от Рамочной конвенции Хартия ясно формулирует, что не занимается «языками мигрантов», а только так называемыми «традиционно используемыми языками», перечень которых указывается правительством в ратификационном инструменте. Это не мешает затем в процессе мониторинга выполнения Хартии в конкретной стране по предложению Комитета экспертов, которому поручено проведение мониторинга, добавлять к этому списку дополнительные языки.

Вторая особенность Хартии – это возможность выбирать государством в отношении отдельных миноритарных языков различный перечень обязательств по их поддержке, исходя из их реального социолингвистического положения. Это так называемая «система выбора из меню» разной «степени поддержки» для каждого из языков, что предусмотрено Частью III Хартии.

Третья особенность – это проведение регулярного (раз в три года) мониторинга выполнения взятых страной обязательств, включая перечень недостатков, обнаруженных в публикуемых докладах, и рекомендаций по их исправлению.

И наконец, Хартия относится к разряду конвенций СЕ, открытых для подписания также и странами – не членами Организации (касательно Хартии пока таких прецедентов не было). Это

означает, что в принципе к ней может подключиться любая страна при условии соблюдения специальных внутренних процедур решения этого вопроса (предварительного рассмотрения Комитетом министров СЕ обращения этой страны и положительного заключения на этот счет).

Научная литература по теме «Хартия как центральный элемент поддержки языков национальных меньшинств» насчитывает сегодня более сотни книг, коллективных монографий и статей на многих европейских языках (см. сайт СЕ: <http://www.coe.int/ru/>).

Обзор этой литературы следует начать с книги французского автора Жана-Мари Войерлинга «Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств: Развернутый комментарий» (Woehrling, 2006; Woehrling, 2006 a). Автор – известный юрист, один из участников разработки первоначального текста этой конвенции (в 80-е годы XX в.), а ныне руководитель базирующегося в Страсбурге Общества поддержки эльзасского языка. Начав с истории возникновения самой идеи Хартии, ее первоначальной концепции и организации работы по ее написанию, автор переходит к подробнейшему правовому комментарию как к тексту Хартии, так и к тексту ее пояснительного доклада (последний является неотъемлемой частью самой конвенции). Эта работа стала хрестоматийной прежде всего в силу своей полноты: нет ни одной статьи или параграфа, который не был бы подвергнут самой детальной интерпретации, с тем чтобы снять все возможные сомнения, как конкретно следует понимать непростые при ближайшем рассмотрении положения Хартии и их применимость к конкретным ситуациям, каждая из которых в итоге является уникальной.

Сразу за этой первой фундаментальной работой по Хартии следует упомянуть коллективную монографию группы европейских ученых из разных стран «Формирование языковых прав: Комментарий к Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств в свете оценочных докладов Комитета экспертов» (Shaping language rights... 2012), изданную в 2012 г. Советом Европы под эгидой периодического бюллетеня «Региональные языки или языки меньшинств» (Страсбург) («Regional or Minority Languages», Strasbourg). Значение этой фундаментальной обзорной работы заключается в том, что она стала первым масштабным подведением итогов применения Хартии за прошедшие 15 лет с момента ее ввода в действие. На первый взгляд эта работа построена по тому же принципу, что и вышеназванная (постатейный комментарий к Хартии). Однако в ней была предпринята попытка

проведения сравнительного исследования исполнения Хартии, но исходя не из собственно текста конвенции, а с опорой на большой массив фактической информации, представленный в почти 100 мониторинговых докладах. В итоге был дан как бы «сквозной анализ» применимости отдельных положений этой конвенции, успехов и проблем, отмеченных в разных странах в ходе многолетнего применения Хартии. Работа интересна и тем, что среди ее авторов не было экспертов, назначенных Комитетом министров СЕ (они выбираются тайным голосованием по одному из списков, предоставляемых от стран, ратифицировавших эту конвенцию) для участия в Комитете экспертов по Хартии. Тем самым был негласно соблюден и принцип избегания «конфликта интересов» между «официальными» и «неофициальными» (внешними) экспертами. В итоге в работе содержатся выводы и суждения, которые дополняют вполне «политкорректный язык» отчетов официальных экспертов и ставят новые вопросы.

Необходимо привлечь внимание и к уже упомянутому выше регулярному изданию СЕ «Региональные или миноритарные языки» (Regional or Minority Languages), которое выходит на английском и французском языках. Данное периодическое издание содержит десятки статей по различной тематике – от практики работы Комитета экспертов до обсуждения возможности и препятствий для новых ратификаций (в частности, Францией и Италией); от расширенного толкования практики применения отдельных статей (например, об исполнении Хартии в сфере образования, в работе СМИ на миноритарных языках или в практике применения Хартии в экономической жизни и социальной деятельности) до «типового подхода» к механизму разработки ратификационного инструмента для стран, готовящихся к будущей ратификации. Исследователи найдут здесь немало полезного материала, подготовленного авторитетнейшими европейскими экспертами, среди которых: Сигве Грамштадт (Sigve Gramstadt), Стефан Оетер (Stefan Oeter), занимавшие много лет пост Председателя Комитета экспертов СЕ; Весна Грнич-Гротич (Vesna Crnić-Grotić) – нынешний Председатель; специалисты из Комитета экспертов и университетские профессора из разных стран, много лет занимающиеся Хартией. В этой серии вышла, в частности, и весьма интересная и единственная в своем роде работа тогдашнего Юрисконсультанта СЕ Мануэля Лезертуа, посвященная правовым аспектам соотношения Европейской конвенции по правам человека и Хартии (Lezertúa, 2010). Отметим также вышедшую в этой серии публикаций работу

Тома Моуринга и Робера Данбара «Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств и СМИ» (Moring, Dunbar, 2008; Moring, Dunbar, 2008 a). Изданная и на русском языке самостоятельной брошюрой (Моуринг, Данбар, 2013), эта работа стала наиболее полным обзором положений практики применения Хартии в различных странах в такой важной и чувствительной области, как традиционные и современные (прежде всего размещенные в Интернете) средства массовой информации.

Следует упомянуть и работу, отражающую практику вовлеченности национальных неправительственных организаций (НПО) в реализацию положений Хартии и взятых обязательств в отдельных странах (Brezigar, 2001). Следует иметь в виду, что осуществление мониторинга в соответствии с положениями Хартии происходит в тесном контакте с национальными НПО, зарегистрированными в соответствии с действующим законодательством. В практическом плане речь идет о том, что НПО, представляющие национальные и языковые меньшинства, являются неперенными участниками встреч с делегацией Комитета экспертов в процессе посещения данной страны (добавим: индивидуальных встреч с каждой НПО нацменьшинств и носителей миноритарных языков, перечисленных в ратификационном инструменте). Эти встречи проходят без участия представителей правительства или местных органов власти. НПО также вправе направлять Комитету экспертов письменные доклады и заявления и давать «неофициальный комментарий» к периодическому докладу своих правительств, предворяющему каждый цикл мониторинга.

Заслуживают внимания работы ирландского автора Доналда О'Риагана, известного специалистам в Европе и в России (например: Ó Riagáin, 2003). Данная работа представляет и другого известного автора по тематике Хартии из Женевского Университета Франсуа Грэна (François Grin) – редактора коллективной монографии (Language policy evaluation, 2003), в которой опубликована вышеназванная работа Д. О'Риагана.

Наверняка вызовет интерес исследователей изданная в Европейском центре по вопросам национальных меньшинств (г. Фленсбург, Германия) работа, вышедшая под редакцией М. Хоффмановой и Е. Челински «Готовы к ратификации – предварительные соображения для государств, не ратифицировавших Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств» (Ready for ratification, 2011), размещенную на сайте Хартии и Центра во Фленсбурге (через линк – ICMI Library). В ней впервые изложены (причем в

целостном и систематизированном виде, повторяющем по структуре стандартную форму) те положения, которые могли бы содержаться в ратификационном инструменте многих стран, не ратифицировавших пока эту конвенцию, в том числе и России. Напомним, что на сегодня из 47 стран – членов СЕ Хартию ратифицировали только 25 стран.

Особняком в публикациях по Хартии стоит изданный СЕ в 2012 г. в Москве сборник статей и докладов, сделанных в рамках совместной программы СЕ, ЕС и Министерства регионального развития РФ «Национальные меньшинства в России: Развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества», реализованной в 2008–2012 гг. (Европейская хартия... 2012). Уникальность этой публикации обусловлена уникальностью самой концепции данной совместной программы:

1) это была первая попытка не умозрительного, а сугубо практического обсуждения и рассмотрения вопроса о применимости Хартии к России (напомним, что при вступлении в СЕ Россия взяла на себя обязательство ратифицировать эту конвенцию наряду с некоторыми другими);

2) обсуждение столь непростой темы шло в рамках специально созданного коллектива европейских и российских экспертов высокого уровня (так, с российской стороны в ней участвовал директор Института этнологии и антропологии РАН академик В.А. Тишков);

3) в качестве эксперимента было проведено моделирование применения Хартии в трех субъектах Российской Федерации, определенных российской стороной (в Республике Мордовия, Алтайском крае и Республике Дагестан), включая составление оценочных докладов европейскими экспертами, т.е. так, как это происходит и в ходе мониторинга исполнения Хартии ратифицировавшими ее странами. Проведение подобного углубленного обсуждения Хартии и практического моделирования явилось, насколько мне известно, новацией такого рода, предвещающей присоединение страны к международным договорам. По своему объему эта рекомендуемая работа небольшая и включает лишь изложение некоторых основных позиций российских и европейских ученых, а также две вводные статьи: куратора проекта со стороны СЕ А.С. Кожемякова (Кожемяков, 2012) и его российского партнера по данному проекту – директора Департамента межнациональных отношений Минрегиона А.В. Журавского (Журавский, 2012). Однако приложенный к публикации компакт-диск включает уже гораздо более широкий пере-

чень материалов, докладов, а также отчеты по упомянутым моделированиям имплементации Хартии в двух из трех выбранных субъектов РФ. Во вводной статье с российской стороны, как и в статьях некоторых российских авторов, единодушно одобрены общие принципы подхода Хартии к поддержке миноритарных языков (Часть II Конвенции), но вместе с тем сформулировано и немало нетривиальных мыслей о высокой степени технической сложности и в итоге о применимости и исполнимости Хартии в России. В целом из их рассуждений следует, что мониторинг всех языков российских меньшинств с частотой раз в три года – едва ли выполнимая задача для России, а тем более для СЕ как в бюджетном («дорогостоящая утопия», по выражению одного российского участника), так и в организационном смысле. Речь могла бы идти только о некоем «выборочном мониторинге», возможность которого, кстати, не упомянута в самой Хартии. Разумеется, решение о том, какие языки были бы тогда выбраны и кто конкретно будет вправе это делать, это – отдельная и весьма сложная во многих отношениях тема, которая даже не обсуждалась.

В своей вводной статье (Кожемяков, 2012) я сформулировал не обсуждавшийся ранее в научной литературе, равно как и в практике мониторинга Хартии, тезис о необходимости использования концепта «разумной достаточности» при формулировании Комитетом экспертов, ответственным за проведение мониторинга, своих выводов, оценок и рекомендаций. Это особенно важно для стран со сложной в количественном и качественном отношении языковой ситуацией, с высоким языковым многообразием: не секрет, что вопросы меньшинств и их языков довольно часто могут трансформироваться в острейшие внутренние, а подчас и внешнеполитические проблемы. Совмещению превентивной и конструктивной роли Хартии в формировании гармоничной межязыковой ситуации, как и всей внутривнутриполитической ситуации в отдельных странах, и призвана служить предложенная концепция «разумной достаточности», не упоминаемая в тексте этой конвенции, но вполне способная, на мой взгляд, стать дополнением к «философии и идеологии» этого уникального международно-правового документа.

Касательно российской ситуации, связанной с существованием миноритарных языков, следует особо отметить интересную и содержательную работу «Европейская языковая хартия и Россия» (Европейская языковая хартия и Россия, 2010), изданную Институтом этнологии и антропологии РАН под редакцией С.В. Соколовского и В.А. Тишкова в ходе реализации упомянутой совместной программы.

В работе дан анализ состояния поддержки языков меньшинств в России, ее соответствия общим принципам Хартии, а также глубокий анализ природы Хартии под углом зрения российской специфики. Представлены ключевые моменты, затрудняющие немедленную имплементацию этой конвенции по причине уникальности языковой ситуации в стране, различий в статутном и социолингвистическом положении различных языков. Проводится конкретный анализ положения отдельных языков российских меньшинств.

Весьма содержательны и другие работы С.В. Соколовского (наиболее авторитетного сегодня российского ученого, работающего по теме «Европейская языковая хартия»), в которых принят синтез его собственных многолетних наработок и использовано знание итогов упомянутой совместной программы в России, а также сделаны оценки применимости Хартии в России (Соколовский, 2005; Соколовский, 2006; Соколовский, 2010; Соколовский, 2010 а; Соколовский, 2011; Соколовский, 2012; Sokolovskiy, 2007; Sokolovskiy, 2011 а).

* * *

Языковая хартия – гибкий, живой и развивающийся механизм. Специалисты, вовлеченные в изучение его работы в качестве ученых и аналитиков, любят повторять, что «Хартия – это история, которая никогда не заканчивается». И это верно: пока существуют миноритарные языки, они будут нуждаться в той или иной степени поддержки, нуждаться в совершенствовании общественного климата вокруг этих языков.

Отмеченная выше особенность этой конвенции – это, в первую очередь, регулярный мониторинг, возможность постоянно отслеживать извне исполнение взятых обязательств признанным международным механизмом – Комитетом экспертов по Хартии, действующим в рамках СЕ.

Вместе с тем, как и любая международная конвенция, Хартия имеет определенные этапы своего развития. Нынешний этап отмечен неким «насыщением» первоначальных ожиданий после вступления Хартии в силу:

1) замедлился, а потом и остановился процесс присоединения к этой конвенции новых членов («карта ратификации», если ее проанализировать, уже сама по себе дает серьезный материал для исследования);

2) вступление ряда стран в пятый цикл мониторинга демонстрирует скорее «движение по кругу» (повтор прежних рекомендаций);

3) общественное внимание к теме кое-где притупляется; пожалуй, в наибольшей степени это появляется в тех странах, где изначально ратификация была проблемной. В связи с этим стоит приглядеться к причинам отказа от ратификации в некоторых странах: не видят ли там опасности нарастания проблем в межнациональных отношениях после ратификации Хартии вместо того чтобы ожидать, что она, как обещано, принесет гармонизацию в языковую ситуацию? Ответ на этот открытый вопрос, увы, лежит вне текста и даже самой философии этого международного договора. Искать его надо в серьезном анализе внутривнутриполитических межнациональных и межкультурных отношений.

При этом нет необходимости искать примеры в «дальних странах»: примером такой ситуации может служить Украина (Алексеев, 2008; Kolesnichenko, Bortnik 2012). Ср. «благодетельные» отчеты по результатам мониторинга СЕ (последний вышел в феврале 2014 г., см. сайты СЕ) с драматическим развитием событий в этой соседней стране, в частности ту роль «запала», которую сыграла в эскалации внутреннего конфликта отмена прежнего закона о языках, принятая на второй день (*sic!*) после прихода новой власти в Киеве.

Ожидания, что международная конвенция по поддержке миноритарных языков *per se* (напомним, что Хартия – единственный в мире инструмент, направленный на сохранение и развитие миноритарных языков), вне учета исторических и социально-политических «нагрузок», которые стоят за многими языковыми ситуациями, сможет быстро их гармонизировать, не всегда оправдываются. Вместе с тем очевидные успехи в других менее проблемных с этой точки зрения странах и языковых ситуациях, говорят о том, что Хартия обладает немалым позитивным потенциалом. Обеспечить благоприятные внутренние и внешние условия для реализации этого потенциала – в этом видится на будущее общая задача для международного сообщества.

Список литературы

Алексеев В.Г. Бегом от Европы: Кто и как противодействует в Украине реализации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств. – Харьков, 2008. – 240 с.

- Европейская хартия региональных языков или языковых меньшинств. – Изд. на англ. и рус. яз. – Режим доступа: http://www.coe.int/t/dg4/education/minlang/Default_en.asp; <https://ru.wikipedia.org/wiki>
- Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств в Российской Федерации / Ред.: Кожемяков А.С., Соколовский С.В. – М., 2012. – 140 с. + 1318 с. на компакт-диске. – Изд. на англ. и рус. яз.
- Европейская языковая Хартия и Россия / Под ред. Соколовского С.В., Тишкова В.А. – М., 2010. – 95 с. – (Исследования по прикладной и неотложной этнологии; № 218).
- Журавский А.В.* Об опыте реализации совместной программы «Национальные меньшинства в России: Развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества» // Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств в Российской Федерации. – М., 2012. – С. 5–27.
- Кожемяков А.С.* Европейская языковая Хартия и Россия: Опыт совместной программы Совета Европы, Европейского союза и Министерства регионального развития РФ, (2009–2013 гг.) // Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств в Российской Федерации. – М., 2012. – С. 27–34.
- Тематический комментарий № 3: Языковые права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, предусмотренные в Рамочной конвенции, 24 мая 2012. – Страсбург, 5 июля 2012. – 39 с. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016800c1206>
- Моуринг Т., Данбар Р.* Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств и СМИ. – Страсбург, 2013. – 79 с.
- Сайты Совета Европы. – Режим доступа: <http://www.coe.int/ru/>; <http://www.coe.int/min>; <http://www.coe.int/minlang>; <http://www.coe.int/ecri>
- Рамочная конвенция по защите национальных меньшинств. – Режим доступа: <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/157.htm>
- Сборник общеполитических рекомендаций ЕКРН. – Страсбург, 2007. – 124 с. – Режим доступа: http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/ecri/activities/gpr/compilations_en/compilation%20recommandation%201-11%20russe%20cri07-38.pdf
- Соколовский С.В.* Алфавиты и элиты // Этногр. обозрение. – М., 2005. – № 6. – С. 3.–18.
- Соколовский С.В.* Европейская языковая Хартия в России // Этногр. обозрение. – М., 2010. – № 4. – С. 92–94.
- Соколовский С.В.* Европейский опыт использования Хартии региональных языков или языков меньшинств в сфере поддержки финно-угорских языков // Правовой статус финно-угорских языков и этнокультурные потребности российской школы. – М., 2011. – С. 15–41.

- Соколовский С.В.* Еще раз о судьбах «финно-угорских народов»: Комментарий к документам ПАСЕ о культурах «уральских меньшинств» // *Этногр. обозрение.* – М., 2006. – № 1. – С. 6–13.
- Соколовский С.В.* Международный опыт имплементации Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств // *Этногр. обозрение.* – М., 2010 а. – № 4. – С. 94–102.
- Соколовский С.В.* О ратификации Хартии региональных языков или языков меньшинств в России: Анализ рисков // *Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга.* – М., 2012. – С. 290–304.
- Тематический комментарий № 3: Языковые права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, предусмотренные в Рамочной конвенции, 24 мая 2012. – Страсбург, 5 июля 2012. – 39 с. – Режим доступа: http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/minorities/3_FCNMdocs/PDF_CommentaryLanguage_ru.pdf
- Brezigar B.* What NGOs can do to facilitate and advance the implementation of the Charter // *From theory to practice: The European Charter for Regional or Minority Languages.* – Regional or minority languages. – Strasbourg = Straßburg, 2001. – N 3. – P. 73–78.
- Kolesnichenko V., Bortnik R.* The second periodical public report on the European Charter for Regional or Minority Languages: Implementation in Ukraine – The tendencies of the human rights violations have strengthened // *Les langues de France et la ratification de la Charte européenne des langues régionales ou minoritaires.* – Strasbourg = Straßburg, 2013. – P. 120–133.
- Language policy evaluation and the European Charter for regional or minority Languages / Ed. Grin Fr. – Basingstoke; N.Y., 2003. – 212 p.
- Lezertúa R., M.* The European Convention on human rights and minority languages // *Minority language protection in Europe: Into a new decade.* – Regional or minority languages. – Strasbourg = Straßburg, 2010. – N 8. – P. 7–13.
- Moring T., Dunbar R.* La Charte européenne des langues régionales ou minoritaires et les médias. – Strasbourg = Straßburg, 2008. – 100 p. – (Langues régionales ou minoritaires; N 6).
- Moring T., Dunbar R.* Languages and the media // *Regional or minority languages.* – Strasbourg = Straßburg, 2008 а. – N 6. – P. 157–182.
- Ó Riagáin D.* The Charter – An overview // *Language policy evaluation and the European Charter for regional or minority languages.* – Basingstoke; N.Y., 2003. – P. 55–68.
- Ready for ratification – Early compliance of non-statespParties with the European Charter for Regional or Minority Languages / Ed. by: Chylinski E., Hofmanová M. – Flensburg, 2011. – 152 p.

Shaping language rights: Commentary on the European Charter for Regional or Minority Languages in light of the Committee of experts' evaluation / Ed. by: López N., Vieyetz A.R., Libarona E.J.U. – Strasbourg = Straßburg, 2012. – 551 p. – (Regional or minority languages; N 9).

Sokolovskiy S. Alphabets and elites: Script in contemporary Russia as a political symbol // Anthropology a. archeology of Eurasia. – Armonk; N.Y., 2007. – Vol. 46, N 1, summer. – P. 10–35.

Sokolovskiy S. European Language Charter and the problems of its iplementation in Russia: ASN Convention paper. – N.Y., 2011 a. – 26 p. – Режим доступа: https://www.academia.edu/1145071/Sergei_V._SOKOLOVSKII_Alphabets_and_Elites_Script_in_Contemporary_Russia_as_a_Political_Symbol_Anthropology_and_Archeology_of_Eurasia_vol_46_no_1_Summer_2007_pp_10_35_Summer_2007_2007_M.E._Sharpe_Inc._All_rights_reserved_ISSN_1061_1959_2007_9.50_0.00_Doi_10.2753_AAE1061-1959

Woehrling J.-M. La Charte européenne des langues régionales ou minoritaires: Un commentaire analytique. – Strasbourg = Straßburg, 2006. – 301 p.

Woehrling, J.-M. The European Charter for Regional or Minority Languages: A critical commentary. – Strasbourg = Straßburg, 2006 a. – 301 p.

И.К. Сескутова

**АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ЕВРОПЕ XXI ВЕКА:
ПРИОРИТЕТНЫЕ ОБЛАСТИ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
(Научно-аналитический обзор)**

Можно ли рассматривать язык как независимый объект исследования? Или любое изучение речи должно приводить к социологическому исследованию, к тому, чтобы считать лингвистику ветвью общего изучения культуры?

Бронислав Малиновский (цит. по: Социолингвистика и социология языка, 2012, с. 8)

Не всякая коммуникация является языковой, однако язык – несомненно, самое мощное и разнообразное средство коммуникации.

Джон Гамперц (Гамперц, 2012, с. 84)

Язык всегда находится в центре внимания, поэтому чем ближе он к статусу языка международно-го общения, тем больше внимания он заслуживает.

Дэвид Кристал (Кристал, 2001, с. 17)

Изучение положения английского языка в социально-коммуникативной реальности Европы XXI в., учитывая контекст современных цивилизационных тенденций, неизбежно связано с рассмотрением социально-гуманитарной стороны дискурсивных практик и языковых явлений.

В современном глобализованном мире проблема социальной и политической обусловленности языковых явлений во многом

соприкасается с проблематикой конструирования властных отношений и их репрезентации в языке и коммуникации. Не перечисляя всего многообразия вопросов, релевантных для рассмотрения в данном контексте, обратим внимание на одну, на наш взгляд, существенную составляющую – значимость «когнитивного аспекта контроля» (ван Дейк, 2015, с. 89). Действительно, сегодня «доминировать», «властвовать» означает обладать не столько принудительным аппаратом, сколько возможностью определять текущую ситуацию в обществе, определять критерии истинности, непредвзятости, субъективности (ван Дейк, 2015; Дэбре, 2009, Ионов, 1999 и др.).

Характеризуя современную эпоху глобализации, когда информация способна распространяться мгновенно и охватывать огромное множество людей, известный европейский ученый Тён ван Дейк пишет, что основным средством власти выступает *знание*, формируемое путем включения субъектов, социальных групп и институтов в дискурсивные практики (ван Дейк, 2015). Именно в этой среде и разворачивается сегодня борьба за *сознание* человека. Другими словами, «посредством особого доступа и контроля над средствами публичного дискурса и коммуникации доминирующие группы или институты могут воздействовать на структуры дискурса таким образом, что в результате знания, убеждения, нормы, ценности и идеологии реципиентов – прямо или косвенно – формируются в интересах доминирующей группы» (ван Дейк, 2015, с. 89).

В самом деле, язык, по меткому замечанию А.Д. Швейцера, в ряде случаев выступает как один из социальных факторов, оказывающих влияние на те или иные процессы и явления общественной жизни (Швейцер, 2012, с. 61). Переходя на современную терминологию, можно сказать, что изучение социологии языка ставит в фокус внимания две основные темы: управление языком (*language management*) и языковую политику (см.: Гришаева, 2006; Эффективная языковая политика... 2015). В центре внимания языкового менеджмента находится публичный дискурс, анализ особенностей доступа к которому предполагает обращение к общим политическим, экономическим, социокультурным аспектам доминирования, или «дискурсивно опосредованному доминированию» (в терминологии ван Дейка) (ван Дейк, 2015, с. 88).

Нельзя не согласиться с авторами коллективной монографии, подготовленной в МГЛУ «Эффективная языковая политика: Принципы, критерии, инструменты оценки», которые предлагают рассматривать языковую политику и языковое планирование в полиэтническом и мультикультурном пространстве современного

мироустройства как механизм, помогающий доминирующим группам устанавливать гегемонию в процессе языкового употребления. Но дело не только в этом. Главное состоит в том, что языковая политика – это механизм, с помощью которого **язык**, находясь внутри социальной структуры общества, **«определяет, кто»** обладает политической властью и экономическими ресурсами» (Эффективная языковая политика... 2015, с. 6) (курсив наш. – И. С.)

В том, что многие современные исследователи обращаются к рассмотрению проблем языковой политики в тесной связи с политическими, экономическими, социокультурными аспектами доминирования, нет ничего удивительного. В трудах западных социологов в области языковой политики Дж. Фишмана (Fishman, 1973), Ч. Фергюсона (Ferguson, 1972), У. Аммона (Ammon, 2000; Ammon, 2003) были поставлены вопросы о значимости языковых проблем в политическом и экономическом измерении коммуникативных сообществ. Действительно ли нации на разных ступенях развития были отягчены также и бременем языковых проблем? Существует ли разница в путях и способах устранения языковых проблем на разных этапах развития общества? Эти и другие вопросы свидетельствуют о сложившейся на данный момент практике увязывать социальные отношения и вопросы языковой политики.

Как известно, «языковая политика всегда является органической частью того или иного политического курса – будь то внутренняя политика по отношению к тем или иным классам или социальным группам в национально-гомогенном государстве или внешняя политика в отношении тех или иных стран или групп стран... в многонациональном государстве» (Швейцер, 2012, с. 148). В данной связи следует обратить внимание на эксплуатационные аспекты языковой политики, зафиксированной в образовательной практике современных полиэтнических государств. В цитированной выше коллективной монографии МГЛУ мы находим, что иерархическим образом устроенные социальные системы ассоциируются с «эксплуатационной языковой политикой, которая проявляется в том, что отдельным группам предоставляется преимущественное право пользоваться определенным языком или его разновидностью» (Эффективная языковая политика... 2015, с. 6). Более того, эксплуатационная языковая политика, закреплённая в образовательных системах полиэтнических государств, ограничивает миноритарные языковые группы в использовании родных языков в качестве средства обучения.

В рамках представленного в обзоре рассуждения уместны следующие вопросы: как формируются языковые сообщества в

современной ситуации глобализации и какими ценностными характеристиками они наделяют свои языки?

В фокусе данной проблематики также стоит вопрос о статусе английского языка и социальной составляющей языкового доминирования: почему некоторые группы без труда овладевают английским языком, в то время как другие упорно продолжают говорить на родном языке, пренебрегая потребностями в новом языке?

Кроме того, поскольку в область социолингвистических исследований входит и анализ влияния социальных факторов на саму структуру языка (Беликов, Крысин, 2001; Дешериев, Панов, 1988; Социолингвистика вчера и сегодня, 2008; Швейцер, 2012 и др.), то логично будет поставить и такой вопрос: каковы механизмы изменения структуры языка международного общения и сферы его языкового употребления? Каким образом процесс языкового планирования может повлиять на эти механизмы?

В обзоре предлагаются аналитические и статистические данные из самых цитируемых работ современных авторов¹ по современной лингвистической антропологии, социологии и философии языка, а также картографическая информация, которая содействует пониманию масштабности и многомерности происходящих процессов в социокультурном пространстве современной Европы.

Английский язык в контексте мировых и европейских тенденций

Стало аксиоматичным, что сегодня без знания английского языка не только трудно получить хорошее образование и построить успешную карьеру, но и просто путешествовать по миру. Число людей, владеющих английским языком, во всем мире неуклонно возрастает. Утверждение, что английский язык стал ведущим языком международного общения, по-видимому, никого более не удивляет.

¹ Исследования в рамках научных концепций глобального английского и вариативности английского языка ведутся с конца 70-х годов XX в. по настоящее время не только крупнейшими зарубежными учеными и университетами. В последнее десятилетие они стали актуальными и в ведущих российских научных центрах: Институте языкознания РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, Московском государственном университете международных отношений при МИД РФ, Московском государственном лингвистическом университете, Московском государственном педагогическом университете, Томском государственном университете. – *Прим. авт. (И. С.).*

По прогнозам члена Британского совета Дэвида Грэддола, автора доклада «Будущее английского языка», в 2015 г. английский язык будет использоваться почти половиной населения планеты, а в следующем десятилетии – около двух миллиардов людей будут изучать английский язык и три миллиарда будут им свободно владеть (Graddol, 2000).

За всю историю человечества ни один язык не достигал такого масштабного распространения и такого уровня популярности в мире, как английский язык. В мире сегодня существуют около 3 тыс. языков, но больше половины населения Земли говорит только на десяти языках, и именно английский язык доминирует в этом списке, как следует из приводимой ниже числовой легенды современной карты мира (см.: картографический ресурс Top Ten English Speaking Countries, 2014):

Десять стран мира с наивысшим количеством жителей, владеющих английским языком (данные 2014 г.)

	Страны	% жителей, владеющих АЯ	Число жителей, владеющих АЯ
1	США	95,81	251 388 301
2	Индия	11,38	125 226 449
3	Филиппины	92,58	89 800 000
4	Нигерия	53,34	79 000 000
5	Великобритания	97,74	59 600 000
6	Германия	56	46 272 504
7	Канада	85,18	25 246 220
8	Франция	36	23 000 000
9	Австралия	97,03	17 357 833
10	Италия	29	17 000 000

Примечательно, что число владеющих и говорящих на английском языке в Великобритании и Германии выражается близкими числовыми величинами – 59 600 000 и 46 272 504 жителей, соответственно (97,74% и 56% населения каждой из стран). Интересно и то, что ведущие европейские державы Франция и Италия также находятся в списке десяти стран мира с наивысшим количеством жителей, говорящих на английском языке – 36% и 29% населения, соответственно.

В качестве второго или третьего языка в профессиональной деятельности и общении на данный момент английским языком пользуются более миллиарда человек, как следует из таблицы сравнительных данных о распространении наиболее популярных современных языков мира (Изучение иностранных языков как атрибут современного человека, 2013).

Сравнительная информация о распространении наиболее популярных современных языков

№	Наименование языка	Число носителей языка в мире (млн человек)	Число владеющих языком как вторым, третьим (т.е. не родным) (млн человек)	Число государств, в которых язык является официальным	Число человек, изучающих язык, в процентном соотношении с долей изучающих ин. языки
1.	Английский язык	400	1,4 млрд человек	53	90
2.	Французский язык	130	600	30	32
3.	Китайский язык	1100	80	4	4
4.	Немецкий язык	105	89	7	18
5.	Испанский язык	400	100	21	8
6.	Итальянский язык	70	120	9	6

Приведенные статистические данные убедительно демонстрируют лидирующие позиции английского языка как средства межкультурного взаимодействия. В настоящее время это наиболее широко распространенный разговорный и письменный язык на земном шаре. По образному замечанию А.А. Иониной, из языка жителей небольшого островного государства английский язык вырос до статуса глобального языка-посредника (Ионина, 2013).

А что же в Европе? Имеет ли английский язык лидирующие позиции в качестве языка межкультурного общения на европейском континенте?

Характерной чертой современной политической карты Европы, как известно, является ее «подвижность». Сформировавшись в основном в XX в. в результате территориальных изменений после Первой и Второй мировых войн, Европа до сих пор претерпевает изменения. Конец XX – начало XXI в. ознаменовались беспрецедентной активизацией миграционных потоков. Развитие наднациональных институтов, подобных Евросоюзу, способствует формированию нового языкового атласа обновленной Европы¹.

¹ В начале XXI в. в физико-географических границах Европы находилось около 40 государств, в том числе европейские части России и Турции. После расширения Европейского союза с 15 до 28 государств актуальной стала проблема формирования Большой Европы и формулирования стратегии европейской безопасности, понятий «европеизации» и европейского многомерного пространства (Дергачев, 2010–2014). – *Прим. авт. (И. С.).*

Основоположники объединения Европы – Жан Монне, Робер Шуман, Альчиде де Гаспери, Конрад Аденауэр – исходили из примата экономической интеграции над политической и соответствия политических решений экономическим интересам. Экономический и политический потенциал самого крупного в мире интеграционного образования сегодня позволяет твердо заявлять о своих геополитических интересах: экономических, политических, экологических, социальных, гуманитарных¹. Сегодня Европейский союз как уникальное интеграционное объединение XXI в. является основой системы взаимоотношений на европейском континенте, в том числе и в отношении вопросов языкового развития и планирования.

Из анализа работ, посвященных изучению причинных связей между социально-экономическими и языковыми процессами, следует, что определение языкового планирования (Language planning) впервые было дано норвежским ученым Э. Хаугеном в середине XX в. (Haugen, 1972). С тех пор западная социология языка уделяет особое внимание проблемам теоретической разработанности и практического применения основных положений языкового планирования как самостоятельного раздела социологии языка². В то время как позиции ученых и определения языкового планирования разнятся, «основные положения традиционно рассматриваются в контексте следующих основных вопросов: КТО планирует, для КОГО и КАК» (Эффективная языковая политика... 2015, с. 12).

Важно подчеркнуть, что Европейское сообщество с момента своего существования считало себя многоязычным формировани-

¹ Объединяя 28 государств с населением 506 820 764 человек (данные 2012 г.), государства ЕС суммарно занимают 1-е место в мире по производству ВВП. По численности населения ЕС превосходит США (321 млн), Россию (146 млн), Японию (126 млн), Бразилию (201 млн), уступая лишь Китаю (1368 млн) и Индии (1220 млн) (wikipedia.org). – *Прим. авт. (И. С.)*.

² Вместе с тем нельзя не отметить, что основоположником отечественной социолингвистики с полным правом может считаться советский лингвист Е.Д. Поливанов, который еще в 1929 г. писал: «Для того чтобы языкознание было адекватно своему объекту изучения, оно должно быть наукой социологической» (цит. по: Михальченко, 2002, с. 116). Среди русских социолингвистов Е.Д. Поливанов был первым, кто предложил структурированную программу социологического подхода к языку, в том числе: определение языка как социально-исторического факта, изучение причинных связей между социально-экономическими и языковыми явлениями, создание общей типологической схемы эволюции языка в связи с историей культуры. – *Прим. авт. (И. С.)*.

ем¹, а наиболее актуальными признавались следующие проблемы языкового функционирования: вопрос о статусе языка, использование языков институциональными структурами Европейского сообщества, перевод и развитие терминологических систем, а также языковое образование для граждан государств-членов.

Изложенные выше рассуждения могут быть проиллюстрированы данными картографической информации (см.: картографический сервис jakubmarian.com, 2012). Современные картографические данные визуализируют общее количество говорящих на английском языке в Европе XXI в., а также число людей, способных поддержать на нем разговор (в процентном соотношении к общему количеству населения данной страны). Так, странами с наивысшим количеством жителей, владеющих английским языком, являются Великобритания – более 95%, Швеция – 86, Финляндия – 70, Германия – 56, Греция – 51, страны Балтии – 38–50, Франция – 39, Италия – 34, Польша – 34, Румыния – 31, Португалия – 27, Испания – 22% и т.д.

По-видимому, лидерство английского языка как средства межнационального общения на фоне языкового атласа обновленной Европы стало политической и культурной реальностью. Английский язык уже давно является основной статьей экспорта Великобритании. Преподавание английского как иностранного, спонсируемое на протяжении веков усилиями правительства², еще в конце прошлого века превратилось в глобальную индустрию с годовым оборотом в 6 млрд фунтов стерлингов (Эффективная языковая политика... 2015, с. 83). Таким образом, изучение иностранного языка стало своего рода инвестицией в будущее, как на индивидуальном уровне, так и на общественном.

Впервые о необходимости изучения языковых вопросов с точки зрения экономической перспективы заявил швейцарский ученый

¹ Принцип мультилингвализма и равноценности всех официальных языков был закреплен в 1957 г. подписавшими Римский договор странами-участниками. Статья 217 Римского договора явилась отправной точкой в установлении регуляций, которые имели отношение к европейским языкам. Совет устанавливал правила, в полном соответствии с которыми институциональные структуры Сообщества должны были использовать языки. – *Прим. авт. (И. С.)*.

² В 1801 г. Уильям Рассел следующим образом охарактеризовал стремление Великобритании распространить свое влияние на мировую цивилизацию: «Тысяча фунтов стерлингов, потраченная на учителей, книги и стипендии, сделала бы больше для подчинения варварских народов, чем 40 тыс., потраченных на пушки, ядра, пули и порох» (цит. по: *Кристал*, 2001, с. 117). – *Прим. авт. (И. С.)*.

Ф. Грэн (Grin, 2003). Отправной точкой для развития нового социолингвистического направления послужил постулат о том, что язык сопровождает все без исключения проявления человеческого опыта. Ф. Грэн и его ученики вполне обоснованно полагают, что применение экономических подходов и методов анализа особенно актуально для сферы языковой политики и политики в области образования. По образному выражению швейцарского ученого, «центр тяжести находится где-то в виртуальной плоскости, ограниченной вкладом не только и не столько экономистов, а скорее специалистов в области анализа политики, социологии языка, социолингвистики, методики преподавания и т.д.» (Grin, 2003, p. 1).

Еще один аспект, который заслуживает пристального внимания в данном контексте, – это использование европейских языков в целях научной коммуникации. Ярким примером может служить наметившаяся в Германии в конце XX столетия тенденция, когда немецкие издатели побуждают своих авторов печататься на английском языке не потому, что они стремятся к некоей универсальности, а скорее потому, что они ищут выход на мировой рынок (Ammon, 2003). Безусловно, экономические переменные оказывают влияние на языковые процессы, что подтверждает вывод о том, что языковая политика не может быть успешной без учета экономического измерения языка.

Таким образом, взаимодействие процессов, обозначаемых термином «глобализация», проявляется как в повышении доли международного сотрудничества, осуществляемого посредством английского языка, так и в использовании последнего в качестве «мягкой силы»¹ в интернет-коммуникации, рекламе всемирных брендов, кино, телевидении, радиовещании. Английский язык является также самым распространенным языком в международном банковском деле, торговле и финансах, дипломатическом мире, в сфере международной безопасности (язык авиа- и морского сообщения), международном праве (Ионина, 2013; Петров, 2014; Crystal, 2005 и др.).

В начале третьего тысячелетия геополитические и социокультурные аспекты глобализационных процессов, стремительное раз-

¹ Термин «мягкая сила» (англ. *Soft power*) ввел в оборот профессор Гарвардского университета Джозеф Най в своей книге 1990 г. *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power* (Nye, 1991). Впоследствии он развил данное понятие в своей книге 2004 г. *Soft Power: The Means to Success in World Politics* (Nye, 2004). – Прим. авт. (Н. С.).

витие информационных технологий продолжают оказывать сильное влияние на статус и распространение английского языка. Его определяют такими терминами, как *lingua franca*, *bridge language*, *International Language*, *World English*, *Bruxellish*, *Global English*, *Globish*, хотя каждый из этих терминов имеет свою специфику и отличия. Признанными вариантами по классификации Д. Кристала являются *British English*, *Scottish English*, *Welsh English*, *Irish English*, *Spanglish* (*Spanish English*), *Wenglish* (*Welsh English*), *Denglish* / *Denglish* (*Deutsches Englisch*), *Franglais* / *Frenglish* (*French English*) (Crystal, 2002, 2003, 2005; Mauranen A., Raita E., 2009)¹.

Вице-президент Международной ассоциации вариантов английского языка (International Association of World Englishes) З.Г. Прошина также подчеркивает стремительность распространения миссии английского языка в качестве макропосредника в межкультурной коммуникации во второй половине XX – начале XXI в. (Прошина, 2010; Прошина, 2015; см. также: Словарь терминов межкультурной коммуникации, 2013). З.Г. Прошина считает, что настало время для формулирования новой лингвистической дисциплины – контактной вариантологии, в фокусе внимания которой находилась бы вариативность английского языка как языка межкультурной коммуникации (Прошина, 2010; Прошина, 2015).

Повсеместное распространение английского языка в мире и смещение «центра гравитации» к английскому как второму официальному языку создают две противоречивые, на первый взгляд, тенденции. Английский язык как язык международной коммуникации, с одной стороны, обеспечивает единые стандарты правильности и возможность понять друг друга, а с другой – неизбежно трансформируется, образуя локализованные или национальные варианты. Отстаивая концепцию философии языкового разнообразия, Д. Кристал считает, что в наше время никто не обладает монополией на английский язык. Призывая позитивно относиться к неизбежным переменам, ученый отмечает, что новые разговорные варианты английского языка в основном взаимопонятны, а «нормативный письменный язык периодических изданий, учебников и

¹ Ср. пример, который привел Д. Кристал в одной из своих работ: «‘евро-английский язык’ – ярлык, приклеиваемый иногда в наши дни своеобразному варианту английского языка, которым пользуются французские, греческие и другие дипломаты в кулуарах Европейского союза» (Кристал, 2001, с. 227). Этот пример, в частности, свидетельствует о своеобразии ролевых предписаний в социокультурном пространстве современной Европы. – *Прим. авт. (И. С.)*.

других печатных материалов практически один и тот же в различных англоговорящих странах» (Кристал, 2001, с. 224).

Какие же факторы и обстоятельства обусловили такое исключительное положение английского языка в современном мире? Произойдет ли дробление английского языка в будущем?

В современной науке о языке утвердилось положение о том, что английский язык представляет собой уникальное явление с точки зрения исторического развития¹. Реалии нынешнего дня напрямую связаны с бурным развитием современных средств массовой коммуникации, которые, по глубокому убеждению исследователей и аналитиков, обусловили определенный дисбаланс в функционировании языков. Иными словами, новые информационные технологии, современные коммуникативные практики наделяют английский язык дополнительным потенциалом оказывать мощное влияние на другие языки. Например, огромное словарное богатство, восприимчивость и гибкость по отношению к внешним воздействиям, сочетаемость и проницаемость являются определяющими чертами, позволяющими английскому языку не только развиваться, но и завоевывать новые территории (Сескутова, 2009; Crystal 2002). И наконец, многие ученые сходятся во мнении, что именно экономические инициативы определяют выбор в использовании языка. Чем большее количество людей используют для общения и работы какой-то определенный язык, тем более необходимым он становится. Доминирование английского языка объясняется также экономическим и военным доминированием англоязычных стран, которое постоянно поддерживается усилиями их правительств² (Громыко, 2010).

¹ С VII в. н.э. английский язык значительно изменился, и языковые контакты сыграли важную роль в этом изменении. Изначально кельтский английский язык взаимодействовал с латынью, германскими диалектами, французским языком и скандинавскими языками. XX век был отмечен появлением мировой супердержавы США, и английский язык стал частью ее экономического, технологического и культурного влияния. – *Прим. авт. (И. С.)*.

² Экономическое и военное доминирование англоязычных стран проявилось, в частности, и в том, что Д. Грэддолу удалось противостоять позиции Совета по франкофонии в стремлении поддерживать «рыночную долю» французского языка. Кроме того, Д. Грэддол сумел непредвзято описать весь спектр усилий, прилагаемых британскими языковыми службами, в сфере преподавания английского языка в качестве второго и иностранного языка. «Осторожное стратегическое планирование, дальновидный менеджмент, вдумчивая подготовка и сфокусированные действия помогут сохранить позицию британских языковых служб в XXI веке» (Graddol, 2000, p. 62). – *Прим. авт. (И. С.)*.

Будущее английского языка в Европе XXI в.: перспективы и предположения

С наступлением третьего тысячелетия исследователей и аналитиков волнует вопрос о перспективе, которая ожидает английский язык через 20–30 лет. Активизировались попытки социолингвистов представить прогноз, касающийся будущего функционирования языков в мировом масштабе. Как отмечает Д. Кибби, среди современных исследователей чрезвычайно популярны две стратегии¹. Одна из них отражает теорию «свободного рынка» и, как следствие, стремление правительственных структур к «рыночной доле» основных языков международной коммуникации, другая – так называемую теорию «экологической защиты», иными словами, защиты миноритарных языков (Kibbee, 2003, p. 47).

По инициативе Британского совета постоянно изучаются процессы и динамика развития английского языка. Так, например, член Британского совета Д. Грэддол приходит к выводу, что в настоящий момент мы наблюдаем перемену, которая, несомненно, определит совсем другое направление в развитии английского языка и науки о языке. Д. Грэддол рассматривает английский язык в его сегодняшнем качестве как явление переходного характера. По мнению ученого, нет никакого сомнения в том, что к 2050 г. возникнет новая иерархия языков, и наравне с английским роль языка всемирного сотрудничества будут выполнять китайский, хинди, испанский и арабский языки (Graddol, 2000, p. 58).

Прогнозируя некоторое ограничение социальных функций английского языка, Д. Грэддол указывает, например, на силы демографического порядка², а также на экономическое и военное

¹ В основе обеих стратегий лежат некоторые представления о языках, которые вряд ли возможно проверить. Они касаются положений об индивидуальности, равенстве и эволюции языков. Обе стратегии отталкиваются от гипотезы Сепира – Уорфа, согласно которой языки устанавливают концептуальные границы мира. Для теоретиков свободного рынка и глобальной языковой стратегии данная теория оправдывает доминирование мировых языков в результате естественного отбора. Таким образом, за английским языком закрепилась репутация языка капитализма, за французским – еще со времен Великой французской революции – республиканского языка, а с недавнего времени – языка гуманитарных ценностей (Kibbee, 2003). – *Прим. авт. (И. С.)*.

² Ср. количественный показатель, который привел в одной из своих работ Д. Кристал: «Динамика роста говорящих на английском как на родном всего 1%» (Crystal, 2002, p. 2). – *Прим. авт. (И. С.)*.

превосходство США, порождающее не столько формы равноправия и сотрудничества, сколько формы подчинения и антагонизм.

Насколько реальны подобные предположения? Какие тенденции по противодействию распространению английского языка в качестве языка межкультурного взаимодействия набирают обороты?

Остановимся несколько подробнее на языковых аспектах межкультурной коммуникации в обновленной Европе XXI в. – Европе, которая стремится отойти от моноязычия и отдает предпочтение языковому многообразию и многоязычию¹, признавая их перспективность.

На противодействие стремительному распространению английского языка в качестве языка межкультурного общения в современной Европе указывает старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН Ионов И.Н. (Ионов, 1999). По мнению ученого, процесс глобализации не только порождает однообразные структуры в экономике и политике разных стран, но и приводит к «глокализации» – адаптации элементов глобальной культуры к локальным условиям и местным традициям, когда «нормой становится не однородность, а гетерогенность» (там же, с. 129). Иными словами, глобализация в современном контексте требует не безоговорочного подчинения, а селективного, выборочного восприятия нового опыта, нового знания, порождая возрождение и развитие местных культурных и языковых традиций.

Развитию языкового многообразия, вероятно, способствуют и интенсивные миграционные перемещения людей. Как следствие процессов цивилизационного развития происходит, по выражению У. Эко, *babélisation de l'Europe* – резкое увеличение количества языков в Европе с разнообразными статусами². В настоящее время из 50 независимых государств европейского континента 47 являются членами Совета Европы (в Совете Европы два официальных языка: английский и французский). В государствах – членах ЕС также заметны противоречивые языковые тенденции: немецкий язык является родным для 100 млн жителей, а английский – для 60 млн (Великобритания, Ирландия, Мальта), однако на английском языке

¹ Подробнее см.: *Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка* (2003). – *Прим. авт. (И. С.)*.

² Итальянский писатель и профессор семиотики Болонского университета Умберто Эко считает, что «Европа предстает как Вавилон новых языков и только потом как мозаика наций» (Эко, 2009, с. 28). – *Прим. авт. (И. С.)*.

говорят треть граждан ЕС, а на немецком и французском языках – только по 10% (Journal officiel des Communautés européennes, 2002).

Представляют интерес наблюдения доцента МГИМО Рекош К.Х. относительно механизмов воздействия социальных факторов на дискурсивные практики современной Европы (Рекош, 2014). Акцентируя внимание читателя на взаимодействии языков с соответствующими сферами знания, автор убедительно показывает, что языковая политика Европейского союза как многоязычной организации отличается от языковой политики других международных организаций, таких, как, например, ООН, ОЭСР, НАТО. Например, в целях обеспечения доступа к информации и правосудию для всех граждан ЕС языковая политика внутри ЕС основана на принципе культурного и языкового разнообразия, а также обеспечения межкультурного диалога и социальной сплоченности. Более того, в настоящее время Европейский союз представляет собой уникальное явление в области правового закрепления многообразия языков и языковых практик. Европейский союз по праву называют «кузницей» нормативного дискурса: проводится множество мероприятий, связанных с многоязычием под эгидой не только европейских организаций (например, Совета Европы), но и всемирных (например, Международной организации франкофонии).

В пользу стратегических установок Совета Европы по продвижению языкового многообразия свидетельствуют и наблюдения профессора Томского государственного университета В.М. Смокотина о необходимости сохранения этнокультурной идентичности в условиях доминирования крупных языков и культур (Смокотин, 2010; см. также: Гураль, Смокотин, 2014). В исследовании, проведенном в 2006 г. Национальным центром языков Великобритании «Языковое многообразие и конкурентоспособность предприятий», сделан вывод, что для осуществления бизнеса английского языка недостаточно, поскольку растет спрос на иные, особенно неевропейские, языки. В исследовании указывается, что использование возможностей внутреннего рынка увеличится, если малые предприятия будут придерживаться правильной языковой стратегии (Смокотин, 2010).

Кроме того, эмпирические данные подтверждают желание торговых партнеров, чтобы им предлагали товары с описанием на их родном языке. Данная традиция уже закрепилась в таких европейских странах, как Франция и Испания (Grin, 1994).

В пользу политики языкового и культурного многообразия в социокультурном пространстве Европы XXI в. свидетельствует и исследование профессора В.А. Кожемякиной (Кожемякина,

2010), представленное на Международной конференции Института языкознания РАН «Язык и общество в современной России и других странах»¹. Автор отмечает, что характерной чертой современной международной жизни является образование многочисленных союзов и объединений государств на основе общих политических интересов, прежде всего в плане развития экономического и культурного сотрудничества. Автор считает, что нельзя согласиться с некоторыми политиками и лингвистами, что в полностью интегрированной Европе в будущем наибольшие шансы стать универсальным средством общения имеются только у английского языка. Все предположения о роли английского языка как единственного средства общения в мире и особенно в Европе являются преждевременными. По мнению В.А. Кожемякиной, именно французский язык может выступить основным соперником английского языка в международных организациях Европы. В том же ключе высказывается и А.И. Домашнев, характеризуя нынешнее Европейское сообщество как многоязычную область, в которой «титulyные нации» государств – членов ЕС представлены развитыми культурными языками, обладающими значимыми общественными функциями (Домашнев, 2005).

В пользу языкового многообразия межкультурного пространства современной Европы в рамках совершенно нового междисциплинарного направления в гуманитарных науках говорил на вышеупомянутой Международной конференции Института языкознания РАН первый председатель Евролингвистического рабочего кружка (ЭЛАМА) и представитель Евролингвистической ассоциации (ЭЛА) П.С. Уреланд (Уреланд, 2010). Отстаивая интересы интернациональных принципов в европейской лингвистике – евролингвистике, П.С. Уреланд заявил, что свою основную задачу он видит в презентации проблематики и методов исследования современных европейских языков внутри Европы (внутренняя евролингвистика), а также за ее пределами (глобальная евролингвистика). Ученый характеризует дихотомию «внутренняя и внешняя евролингвистика» как исходное

¹ Конференция, проходившая 21–24 июня 2010 г. в Москве при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, стала одним из крупных мероприятий Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН. Материалы конференции охватывают широкий круг вопросов, связанных с взаимоотношениями языка и общества, функционированием национальных языков на современном этапе, описанием конкретных языковых ситуаций, анализом языковой политики и языкового законодательства в России и в других странах. – *Прим. авт. (И. С.)*.

базовое разграничение в современных научных лингвистических изысканиях для создания основы глобальных исследований в контексте европейских и трансокеанских социолингвистических контактов.

Поскольку принципы евролингвистики ориентированы не только на историческое, политическое, социальное, экономическое описание языковой карты Европы, но включают также глобальную перспективу трансокеанского взаимодействия европейских языков и языков мира, создание евролингвистики, по мнению П.С. Уреланда, может стать совершенно новым междисциплинарным направлением в гуманитарных науках. Данная дисциплина открывает возможности подготовки нового поколения европейцев (учителей и учеников), ориентированных на современное европейское самосознание и самоопределение (Уреланд, 2010, с. 474).

Подводя предварительные итоги, можно заключить, что доминирование американской массовой культуры и английского языка в глобализованном мире лишь усиливает необходимость мер по сохранению национальных языков и культур, выполняющих функцию этнокультурной идентичности. Более того, поскольку политика сдерживания американизации (глобализации) возможна только при целенаправленной политике многоязычия, особую значимость приобретает программа обучения языкам в странах ЕС. Как написал в одной из своих статей первый комиссар по вопросам языкового многообразия в ЕС Л. Орбан (цит. по: Рекош, 2014, с. 227), изучение иностранных языков не должно ограничиваться только английским языком. Было также отмечено, что большее разнообразие языков необходимо для осуществления европейской интеграции и обеспечения диалога с мигрантами, а также для того, чтобы служить средством борьбы с доминированием английского языка.

Примечательно, что ставка делается на экономические составляющие. В целях осуществления целей многоязычного образования в настоящее время анализируется перспективность проекта «EuroCom», предлагаемого языковыми экспертами Совета Европы. Этот инновационный исследовательский проект, выдвинутый в 90-х годах прошлого века группой немецких лингвистов в рамках концепции «Европейское взаимопонимание» (Eurocomprehension), объединил усилия в области многоязычного обучения путем привлечения лингвистов ведущих университетов Германии, включая Европейский университет «Виадрина» во Франкфурте-на-Одере, университеты Эрфурта и Лейпцига. Исследования в рамках концепции «Европейское взаимопонимание» проводятся на основе трех основных европейских языковых семей – романской, славянской и

германской. Показано, что в соответствии с политикой языкового многообразия, проводимой Советом Европы, проекты в рамках названной концепции могут быть эффективными в сочетании с методическими подходами, нацеленными на достижение продуктивных языковых компетенций. Наряду с проектом «EuroCom» исследования в рамках концепции «Европейское взаимопонимание» осуществляются в соответствии с рядом проектов в университетах Испании, Франции, Италии и Португалии (Смокотин, 2010).

Эвристически ценную точку зрения на проблемы, связанные с переходом к новой образовательной парадигме в Европе на фоне приобретения английским языком статуса языка всемирного общения, предлагает коллектив авторов – сотрудников Томского государственного университета (Найман, Гураль, Смокотин, 2013). Аргументируя необходимость реорганизации языкового образования, авторы предлагают рассматривать английский язык не как иностранный язык с присущей ему этнокультурной составляющей, а как язык всемирного общения, не требующий усвоения какой-либо системы национальных ценностей и не навязывающий каких-либо экономических, политических или культурных взглядов.

Аргументируя свою точку зрения, авторы приводят мнение авторитетного бразильского веб-мастера Р. Шютца, который в 2002 г. в своей статье «Английский – международный язык» впервые обратил внимание на то, что английский язык в глобализованном пространстве Европы не может более рассматриваться как иностранный язык, так как владение им как средством всеобщего общения является обязательной частью образования. «Выбрав английский язык в качестве мирового языка, – заявляет Р. Шютц, – история приговорила моноязычие в недалеком будущем к безграмотности» (цит. по: Найман, Гураль, Смокотин, 2013, с. 158).

Следует отметить, что о признании *de facto* новой образовательной парадигмы, согласно которой английский язык рассматривается не как «иностраный», а как обязательное условие обеспечения участия всех европейцев в новом обществе, построенном на знаниях, свидетельствует такой основополагающий документ Европейской комиссии, как «Новая рамочная стратегия многоязычия» (*A New framework Strategy for Multilingualism*, 2005). В данном документе перед европейскими образовательными системами поставлена задача добиться овладения европейцами практическими навыками и умениями, по крайней мере в двух языках, помимо родного. Указано также, что многоязычное общество не может быть по-

строено, если будет сохраняться тенденция, при которой изучение иностранного языка означает лишь изучение английского языка.

Однако следует заметить, что поиски путей к европейскому языковому многообразию и сохранению культурного разнообразия в процессе построения многоязычного общества происходят тем не менее на фоне роста влияния английского языка. В связи с этим представляет интерес концепция профессора социологии Амстердамского университета А. де Сваана о глобальной системе языков (De Swaan, 2001). По мнению голландского ученого, английский язык является единственным «гиперцентральный языком»¹ в глобальной системе языков, который связывает все языки мира, включая 12 международных языков, называемых им «суперцентральными»². А. де Сваан пишет, что иерархическое распределение языков в глобальной языковой системе объясняет трудности осуществления языковой политики в образовании, рассчитанной на поддержку и развитие многоязычия, поскольку «изучение языков по большей части происходит в направлении вверх... Люди обычно предпочитают изучать язык, который находится на более высоком уровне иерархии» (De Swaan, 2001, p. 5). Именно поэтому, вероятно, с расширением Европейского союза и ростом числа его официальных языков принцип многоязычия, заложенный при его создании, кажется многим недостижимым.

Вместо заключения

На материале исследований по развитию английского языка, выполненных по поручению Британского совета, Д. Грэддол делает вывод о том, что будущее английского языка как глобального является менее предсказуемым, чем предполагалось ранее (Graddol, 2000; Graddol, 2010). Автор ссылается на мнение ученого сообщества о наступлении в XXI в. нового «мирового порядка», в котором Интернет и информационные технологии могут привести к изменениям традиционных способов коммуникации.

¹ Английский язык, будучи единственным «гиперцентральный языком», насчитывает в настоящее время около 2 млрд говорящих (De Swaan, 2001, p. 4).

² В группу суперцентральных входят 12 языков: английский, арабский, испанский, малайский, китайский, немецкий, французский, португальский, русский, суахили, хинди и японский. Статус международных суперцентральных языки приобрели по причине широкого географического распространения и большого числа говорящих, превышающего 100 млн (кроме суахили) (De Swaan, 2001, p. 4).

Д. Грэддол считает, что в новой «мировой эре, в которую вступило человечество, язык и коммуникация будут играть более важную роль, чем прежде» (Graddol, 2000, p. 3). Подчеркивая роль английского языка как важного элемента глобального технологического, экономического и культурного развития, Д. Грэддол дает осторожную оценку тенденции языкового доминирования английского языка в будущем: «Мы не можем просто экстраполировать на основе последних десятилетий и предполагать, что эта тенденция продолжится без изменения» (Graddol, 2000, p. 4).

Характеризуя перспективы развития английского языка в XXI в., материалы Британского совета прямо указывают на новый статус этого языка и на отказ от рассмотрения его как иностранного. Вследствие превращения английского языка в глобальный его носители в основных странах англоязычного мира могут потерять абсолютный контроль над использованием и развитием своего языка, который становится достоянием всего мира, в том числе по мере роста количества говорящих на английском языке как на втором.

Тенденция к изменению отношения лингвистов и политической элиты к статусу английского языка и признание ими изменения в образовательной парадигме поддерживается, например, профессорами университетов в г. Хельсинки и г. Тампере (Финляндия) А. Мауранен и А. Райта (Mauranen, Raita, 2009). В начале XXI столетия, по мнению ученых, понятие английского как языка всемирного общения отражает совершенно новое явление: «Английский язык, без сомнения, утвердил себя в позиции глобального лингва франка. Наряду с этим статусом он стал символом нашего времени вместе с глобализацией, социальными сетями, экономической интеграцией и Интернетом» (Mauranen, Raita, 2009, p. 1–2).

Изученный и обобщенный материал свидетельствует в пользу положения о том, что процесс превращения международного английского языка в средство глобальной коммуникации на рубеже XX и XXI вв. протекал настолько стремительно, что ученое сообщество, по-видимому, оказалось не в состоянии достичь консенсуса относительно статуса английского языка как глобального.

Безусловно, решение языковых проблем многонациональных государств и наднациональных образований, примером которых может служить Европейский союз, должно осуществляться с учетом статуса разноязычных коллективов в условиях двуязычия, многоязычия, а также с учетом форм социального взаимодействия.

Желание наделить все европейские языки одинаковым статусом и социальными функциями даже в рамках многонациональ-

ных государств и наднациональных образований представляется глубоко ирреалистичным. Одновременно с этим было бы заблуждением полагать, что можно на деле положить конец доминированию английского языка как языка-макропосредника. Каков бы ни был сценарий оформления европейского языкового пространства, ясно одно: актуальность задачи настолько велика, что уже сейчас ощущается необходимость в обобщающих исследованиях, подводящих итоги сделанному и намечающих перспективы на будущее.

Список литературы

- Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. – М., 2001. – 317 с.
- Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. Кожемякина Е.А., Переверзева Е.В., Аматова А.М. – Изд. 2-е. – М., 2015. – 352 с.
- Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка / Дешериев Ю.Д., Панов М.В., Туманян Э.Г. Крючкова Т.Б. и др. – М., 1988. – 200 с.
- Дебре Р. Введение в медиологию. – М., 2009. – 368 с.
- Домашнев А.И. К проблеме языка общения в Объединенной Европе // Домашнев А.И. Труды по германскому языкознанию и социоллингвистике. СПб., 2005. – С. 269–286.
- Гамперц Д. Речевая общность // Социоллингвистика и социология языка: Хрестоматия / Отв. ред. Вахтин Н.Б. – СПб., 2012. – С. 84–96.
- Гришаева Е.Б. Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтническом и мультикультурном пространстве: (Функциональный аспект). – Красноярск, 2006. – 278 с.
- Громыко А.А. Устоит ли новый Вавилон? (Проблемы межкультурной интеграции Европы) // Современная Европа. – М., 2010. – № 01. – С. 18–30.
- Гураль С.К., Смокотин В.М. Язык всемирного общения и языковая и культурная глобализация // Язык и культура. – М., 2014. – № 1 (25): Языкознание. – С. 4–13.
- Дергачев В.А. Геополитика: Русская геополитическая энциклопедия, 2010–2014. – Режим доступа: <http://www.dergachev.ru/Russianencyclopaedia/02/55.html>
- Изучение иностранных языков как атрибут современного человека // Образование 63. – Режим доступа: <http://obrazovanie63.ru/index.php/articels/76-2013-11-16-15-46-17>
- Ионина А.А. Global English: Статистика и факты // Вестн. МГПУ, Сер. Филология. Теория языка. Языковое образование. – М., 2013. – № 1(11). – С. 20–28.
- Ионов И.Н. Теория цивилизаций на рубеже XXI века // Обществ. науки и современность. – М., 1999. – № 2. – С. 127–138.

- Кожемякина В.А.* Французский язык в эпоху глобализации // Язык и общество в современной России и других странах: Междунар. конф. (Москва, 21–24 июня 2010 г.): Докл. и сообщения. – М., 2010. – С. 304–307.
- Кристал Д.* Английский язык как глобальный / Пер. с англ. Кузнецовой Н.В. – М., 2001. – 240 с.
- Михальченко В.Ю.* Социоллингвистика в России // Вопр. языкознания. – М., 2002. – № 5. – С. 116–142.
- Найман Е.А., Гураль С.К., Смокотин В.М.* Английский язык в статусе языка всемирного общения в сфере образования // Вестн. Томск. гос. ун-та. – Томск, 2013. – № 368. – С. 158–164.
- Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: Изучение, обучение, оценка. – Страсбург; М., 2003. – 259 с.
- Петров Ю.Л.* Английский язык на рынке языков мира // Материалы Первой междунар. молодеж. науч.-практ. конф. «Россия, Запад, и Восток: Диалог культур», 28–29 апреля 2014 г. – Томск, 2014. – С. 2–4.
- Прошина З.Г.* Вариативность английского языка и межкультурная коммуникация // Личность. Культура. Общество = Personality. Culture. Society: Междунар. журнал соц. и гуманитар. наук. – М., 2010. – Т. 12, Вып. 2, № 55 / 56. – С. 242–252.
- Прошина З.Г.* Терминологическая сумятица в новом лингвистическом ракурсе: Метаязык контактной вариантологии // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов, Сер. Теория языка: Семиотика. Семантика. – М., 2015. – № 1. – С. 105–117.
- Рекош К.Х.* Языковая политика в Европе – Вавилоне XXI века // Вестн. МГИМО – Ун-та. – М., 2014. – № 3. – С. 224–231.
- Сескутова И.К.* Многомерность коммуникативного пространства современного медиадискурса // Стилистика и проблемы контекста. – М., 2009. – С. 70–81.
- Словарь терминов межкультурной коммуникации / Жукова И.Н., Лебедев М.Г., Прошина З.Г., Юзефович Н.Г. – М., 2013. – 632 с.
- Смокотин В.М.* Новый этап в развитии многоязычия в Европе: Построение многоязычного и поликультурного общества // Вестн. Томск. гос. ун-та. – Томск, 2010. – № 333. – С. 61–66.
- Социоллингвистика вчера и сегодня: Сб. науч. тр. – Изд-е 2-е., доп. / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания; Редкол.: Трошина Н.Н. (отв. ред.) и др. – М., 2008. – 212 с.
- Социоллингвистика и социология языка: Хрестоматия / Отв. ред. Вахтин Н.Б. – СПб., 2012. – 588 с.
- Уреланд С.* Современное состояние идей евролингвистики // Язык и общество в современной России и других странах: Междунар. конф. (Москва, 21–24 июня 2010 г.): Докл. и сообщения. – М., 2010. – С. 473–474.
- Швейцер А.Д.* Современная социоллингвистика: Теория, проблемы, методы. – Изд. 4-е. – М., 2012. – 176 с.

- Эффективная языковая политика: Принципы, критерии, инструменты оценки: Сб. информ.-анал. материалов по междунар. опыту формирования языковой (образовательной и корпоративной) политики. – М., 2013. – 409 с.
- Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / Пер. с итал. и прим. Мирюлюбовой А. – СПб., 2009. – 423 с.
- Язык и общество в современной России и других странах: Междунар. конф. (Москва, 21–24 июня 2010 г.): Докл. и сообщения. – М., 2010. – 543, XXXVI с.
- Ammon U. Towards more fairness in international English: Linguistic rights of non-native speakers? // Rights to language: Equity, power, a. education. – N.J.; L., 2000. – P. 111–116.
- Ammon U. The decline of German and the rise of English as international languages of sciences // European language policy. – Heidelberg, 2003. – P. 215–223.
- Crystal D. The English language. – L., 2002. – 312 p.
- Crystal D. The Cambridge encyclopedia of the English language. – 2nded. – Cambridge, 2003. – 499 p.
- Crystal D. Towards a philosophy of language diversity: Paper prepared for «Dialogue of Cultures». – Reykjavik, April, 2005. – Mode of access: http://www.davidcrystal.com/?id=-1592&cid=-1592&taxonomyselctid=-1487&report__pageno=8
- De Swaan A. Words of the world: The global language system. – Cambridge, 2001. – 272 p.
- Ferguson Ch. Diglossia // Language and social structures. – L., 1972. – P. 232–251.
- Fishman J.A. Language modernization and planning in comparison with other types of national modernization and planning // Lang. in soc. – L., 1973. – Vol. 2, N 1. – P. 23–34.
- Framework strategy for multilingualism // COM (2005) 596 final. – Brussels, 2005. – Mode of access: http://europa.eu/legislation_summaries/education_training_outh/lifelong_learning/c11084_en.htm
- Graddol D. The future of English? A guide to forecasting the popularity of the English language in the 21 st century. – L., 2000. – 66 p.
- Graddol D. English next India: The future of English in India. – British Council, 2010. – 128 p. – Mode of access: <http://www.teachingenglish.org.uk/transform/books/english-next-india>
- Grin F. Language planning and economics // Current issues in language planning. – Taylor and Francis (Routledge), 2003. – Vol. 4. – P. 1–67. – Mode of access: http://www.researchgate.net/journal/1466-4208_Current_Issues_in_Language_Planning
- Haugen E. The ecology of language. – Stanford (Cal.), 1972. – 356 p.
- Journal officiel des communautés européennes: C 325 du 24.12.2002. – P. 5 / Пер. и предисл. Четверикова А.О. – Mode of access: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/uchred_docs/evr_soizuz_nice.htm
- Kibbee D.A. Language policy and linguistic theory // Languages in a globalizing world. – Cambridge, 2003. – P. 45–57.

- Mauranen A., Raita E.* English as a lingua franca: Studies a. findings. – Cambridge, 2009. – 385 p.
- Nye jr., J.S.* Bound to lead: The changing nature of American power. – N.Y., 1991. – 314 p.
- Nye jr., J.S.* Soft power: The means to success in world politics. – N.Y., 2004. – 191 p.

Картографические ресурсы:

- jakubmarian.com (2012) – Mode of access: <https://www.pinterest.com/source/jakubmarian.com/>
- Top Ten English Speaking Countries: Updated on 1st November, 2014. – <http://www.mapsofworld.com/world-top-ten/countries-with-most-english-language-speaker-map.html>

Е.О. Опарина

**АНГЛИЙСКИЙ В КОНТАКТЕ С ДРУГИМИ ЯЗЫКАМИ:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ,
ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРИЧИНЫ ВЫБОРА ЯЗЫКА ОБЩЕНИЯ В СИТУАЦИИ
ДВУЯЗЫЧИЯ ИЛИ МНОГОЯЗЫЧИЯ
(Научно-аналитический обзор)**

Распространение английского языка в качестве *lingua franca* в наиболее высокостатусных сферах коммуникации современного общества, таких как наука, образование, экономика, массмедиа, включает в себе, по мнению многих лингвистов и рядовых носителей языков, угрозу другим языкам. Английский захватывает доминирующие позиции, другие же языки при этом постепенно вытесняются из самых разных сфер употребления и маргинализируются.

«Захват» английским языком коммуникативного пространства, конечно, происходит. Однако в настоящее время этот язык в большинстве случаев все же функционирует как *lingua franca* не изолированно, а в контакте с другими языками, как с «большими», т.е. имеющими значительное число говорящих, так и с «малыми». Обычно такое взаимодействие английского языка с другими языками происходит в ситуации билингвизма значительной части населения или же двуязычия / многоязычия целой страны или региона.

В настоящее время большую роль в межнациональном общении играют и такие факторы, как интернациональный характер средств массовой коммуникации, прежде всего Интернета, а также возросшая мобильность населения. В современном мире языки, в том числе английский, распространяются вследствие передвижения многочисленных «временных» мобильных групп, таких как рабочие-мигранты, бизнесмены, журналисты, студенты, преподаватели и представители других профессий, часто уезжающие работать в

другую страну. Некоторые исследователи полагают, что ситуация двуязычия или многоязычия в настоящее время сложилась практически во всех странах мира (Risager, 2012). Поэтому объективное и системное изучение вопроса требует анализа реального применения языков в разных ситуациях общения на фоне социального, культурного и исторического контекста их взаимодействия. При этом надо учитывать, что каждая ситуация характеризуется специфическим набором параметров, обуславливающих особенности конкуренции английского с другими языками и закономерности выбора того или иного языка как коммуникативного средства.

Данный обзор не претендует на исчерпывающее освещение темы или обобщающие теоретические выводы. Его цель состоит в том, чтобы представить некоторые ситуации общения, в которых говорящие (как отдельные индивиды, так и социальные группы) в условиях постоянного или временного билингвизма или многоязычия осуществляют выбор между английским и другими языками. Этот выбор обусловлен как практическими, так и социально-культурными причинами, в том числе традициями страны, региона или группы говорящих. Объяснение говорящими причин этого выбора, часто связанного с приписыванием каждому из языков особой знаково-символической функции, также представляет интерес с точки зрения социалингвистики и лингвокультурологии.

Африкаанс в контакте с английским: Ситуация равноправного билингвизма?

Специфика взаимодействия языка африкаанс с английским на территории Южной Африки анализируется в работе С. Кутзее-Ван Руй (Coetzee-Van Rooy, 2013). Автор ставит вопрос: находится ли африкаанс в настоящее время под угрозой вытеснения, постепенно уступая место английскому в сферах общественной коммуникации? Такое мнение распространено в стране после 1994 г., т.е. времени отмены режима апартеида. Африканеры чрезвычайно остро реагируют на все симптомы потери их языком своего статуса, в том числе на сдвиги в сторону английского. Они связывают язык африкаанс со своей традиционной культурой – культурой значительной части населения ЮАР, европейского по происхождению. Эта часть населения страны за последние 20 лет во многом утратила прежние привилегированные социально-экономические и политические позиции. Соответственно, существует опасение

того, что язык также утратит позиции и престиж, а перспектива угрозы языку, в свою очередь, воспринимается как угроза этнокультурной идентичности. Кроме того, обостренная реакция обусловлена историей контактов двух групп европейских колонистов на территории Южной Африки: здесь долгое время шла борьба за доминирование между колонистами британского и голландского происхождения, которая на рубеже XIX и XX вв. привела к открытой англо-бурской войне. Сейчас, в непростых для африканеров условиях, исторический опыт переносится на современность и проявляется в отношении к языку и культуре.

Важным признаком данной ситуации является уникальный характер билингвизма африканеров. Еще в середине прошлого столетия исследователи отмечали, что языковой ландшафт Южной Африки отличается «ровным» распространением двух европейских языков в социально-экономическом и географическом аспектах. Эти факторы наряду с официальным статусом обоих языков в стране и привилегированным положением африканеров в течение долгого времени привели к исключительно высокому уровню билингвизма, как в плане его распространения, так и с точки зрения его качества. Африканеры не только признают важность английского языка и стремятся использовать его в разных сферах (кроме дома и ближнего круга), но и отличаются хорошим владением английским, включая, как правило, письменные формы языка.

Перспективы языка во многом зависят от отношения к нему молодого поколения. Автор статьи приводит результаты анкетирования студентов, недавно поступивших в один из университетов ЮАР и назвавших африкаанс своим «домашним языком» (*home language*). Все они являются по меньшей мере билингвами, владеющими английским и африкаанс. Некоторые также знают один из африканских языков ЮАР. Ответы опрошенных показали, что все они связывают свою идентичность с языком африкаанс. Даже те студенты, которые отметили, что владеют английским лучше и считают этот язык практически более важным в современном мире, отдали предпочтение африкаанс как важнейшей составляющей культуры и традиций своего сообщества. В качестве причины, повлиявшей на высокий уровень знания языка африкаанс, была названа роль семьи и друзей¹.

¹ Среди причин, определивших высокий уровень владения английским, на первое место вышла роль средств массовой информации. – *Прим. авт. (Е. О.)*.

В целом выводы автора неоднозначны. С одной стороны, данные исследования не свидетельствуют о происходящем сдвиге к английскому в среде носителей африкаанс, в том числе в молодежной среде. Однако в результате все большего распространения английского в высшем образовании существует опасность постепенной утраты языком африкаанс статусных функций официального государственного языка. Показателен тот факт, что при билингвизме африканеров англоязычные жители ЮАР билингвами не являются, и это также мешает признать билингвизм белого населения ЮАР полностью равноправным.

Кроме того, автор предостерегает против такого направления борьбы за сохранение языка, при котором он связывается исключительно с консервативной идеологией и культурным традиционализмом. Именно такой подход имел крайне негативные последствия для гэльского языка после завоевания независимости Ирландской Республикой и привел к сдвигу в пользу английского на ее территории.

Английский язык в контакте с гэльским: Доминирующий язык vs язык меньшинства

Ситуацию другого характера представляет собой контакт английского как языка численно доминирующей части населения с языком меньшинства. Э. МакЭван-Фуджита анализирует взаимоотношения носителей двух языков на о-ве Саут-Уист (South Uist) – одном из Гебридских островов на Западном побережье Шотландии (McEwan-Fujita, 2010). Специфика ситуации заключается в следующем: одной из сторон выступает местное население – билингвы, владеющие гэльским и английским языками; второй группой коммуникантов являются англоязычные приезжие, желающие овладеть гэльским языком. Они в своем большинстве также имеют шотландские корни: их семьи происходят из этих мест, у некоторых родители владели гэльским языком, однако не передали этого навыка детям. Стремление овладеть языком кельтских предков у многих соединяется с интересом к кельтской культуре и желанием остаться жить и работать в этих местах. Однако это стремление не встречает позитивного отклика со стороны местного населения, которое неохотно вступает с «посторонними» в разговоры на своем родном языке. Автор статьи исследует причины такой ситуации, которая на первый взгляд представляется парадоксальной: ведь носители «ма-

лого» языка, кажется, должны поощрять желание представителей других языков, особенно – доминирующего, его выучить.

Необходимо принять во внимание, что гэльский язык долгое время терял свои позиции, уступая место английскому на всей территории Шотландии. В последние десятилетия были предприняты усилия для его возрождения – такие, как популяризация изучения, мероприятия по сохранению кельтской культуры, развитие массмедиа на гэльском языке. Эти усилия дали определенные результаты, однако в целом английский язык продолжает «наступать» не только в сферах общественной жизни, но также в области семейных и личных взаимоотношений. Автор констатирует: уже несколько поколений носителей гэльского языка живут в ситуации языкового сдвига в пользу английского, и это происходит не только в материковой части Шотландии, но и на островах. Результатом этого процесса стали изменения в самосознании культурно-языкового гэльского меньшинства, что имеет психологически негативные последствия: укрепляется представление о меньшей престижности родного языка, соответственно этому меняется отношение к своему языку и к языку-конкуренту, перераспределяются ситуации, в которых предпочтительно употребление одного или другого языка¹. В результате лингвокультурное меньшинство, являющееся билингвальным, вырабатывает комплекс установок, формирующих модель применения языков в повседневном общении и в более долгосрочном планировании языкового поведения.

Этот контекст определяет отношение местных гэльско-английских билингвов к английскому языку и его носителям. Они выработали такую модель языкового поведения, в которой большое значение придается культурно-языковым и эмоциональным границам между «своим» и «чужим»: английский язык признается более престижным и подходящим для общения с внешним миром, в том числе с англоязычными приезжими. В то же время гэльский язык связывается с ценностями «своего» закрытого культурно-психологического пространства, в которое неохотно допускают посторонних. Такое поведение является одновременно и самозащитой языкового меньшинства, и проявлением его стремления адаптироваться к реалиям современной жизни. Именно эти сооб-

¹ Ситуация усугубляется, если этот процесс сопровождается разрывом в межпоколенной трансляции языка. Именно это произошло с гэльским языком в большинстве районов Шотландии, где сдвиг в сторону английского происходит уже достаточно продолжительное время (McEwan-Fujita, 2010). – *Прим. авт. (Е. О.)*.

ражения, по мнению автора статьи, объясняют нежелание «местных» разговаривать с приезжими на своем языке – дело, как правило, не идет дальше ответной реплики на гэльском или комплимент по поводу хорошего произношения.

Такая ситуация, если не принять мер к ее исправлению, может иметь негативные последствия для сохранения и развития гэльского языка. Барьеры, создаваемые тем, кто стремится выучить язык меньшинства и передать его следующим поколениям, способны только ускорить языковой сдвиг и в перспективе – полный переход на английский.

Английский язык в контакте с языками Северной Европы: Идеологические и практические предпосылки выбора языка межнационального общения в Скандинавии

В данном регионе ситуация характеризуется следующими особенностями: с одной стороны, существует укоренившееся представление о сходстве скандинавских языков германского происхождения и обусловленной этим сходством возможности взаимопонимания без языка-посредника и без перевода. С другой стороны, население Северной Европы активно использует английский язык как в общении внутри региона, так и в межнациональном общении с носителями других языков.

Ситуацию анализируют в своем исследовании Й.-О. Эстман и Й. Тёгерсен (Östman, Thøgersen, 2010). Подчеркивается, что в странах Северной Европы начиная с XIX в. культивируется идеология «северного единства» (обозначаемого в Скандинавии термином *Norden*, которому в английском соответствуют термины *the Nordic*, *Nordic community*). Ее лингвистической основой является близкое генетическое родство германских языков этого региона: это, за исключением финно-угорского языка Финляндии, языки, принадлежащие к северной ветви германской группы индоевропейских языков. Языковое родство дополняется исторической и культурной общностью народов Северной Европы, сформировавшейся в результате соседства и тесных контактов, а также сходным социально-политическим устройством стран и, в определенной степени, общностью менталитета населения. Движение за «северное единство» имеет длительную историю. Его начало связано с идеологией национального романтизма в первой половине XIX в. Позже, в 1868 г., на встрече в Стокгольме представители

стран Северной Европы приняли решения, направленные на сохранение общих черт скандинавских языков. Следующий этап начался после Второй мировой войны и был направлен на обоснование и продвижение региональных особенностей и интересов. В это время в странах Северной Европы были созданы институты, занимающиеся вопросами языков и языковой политики. Одна из целей формулировалась как сближение языков, которое обеспечило бы взаимопонимание их носителей без языка-посредника. В настоящее время, по мнению авторов, наблюдается очередная волна движения за «северное единство», для которой характерно стремление отстаивать региональные интересы в условиях глобализации, предполагающей приоритет рынка и сильное англо-американское влияние.

Й.-О. Эстман и Й. Тёгерсен исследуют отношение жителей Северной Европы к выбору языка межнационального общения в разных ситуациях. В качестве альтернатив предлагались: 1) английский язык в качестве *lingua franca*; 2) способ общения, при котором каждый из коммуникантов пользуется своим родным языком. Исследование основано на опросе информантов из семи языковых сообществ Северной Европы – Дании, Норвегии, Швеции, Исландии, Фарерских островов; как отдельные группы были представлены жители Финляндии, говорящие на финском и на шведском языках. Ответы информантов, принадлежащих к разным языковым группам, были обусловлены языковыми и экстралингвистическими факторами, наиболее важными из которых являются: реальная близость языка данной группы информантов к другим языкам региона; численность и статус языковой группы; распространение двуязычия в стране; билингвизм сообщества. Так, в пользу скандинавских языков как средства общения в регионе высказались жители Фарерских островов, где распространен билингвизм, способствующий лучшему пониманию языков соседей: в школах, помимо фарерского, изучается датский язык, так как эта территория входит в состав Дании. Шведскоязычное население Финляндии также настроено в пользу скандинавских языков как *lingua franca* в регионе, поскольку этот вариант способствует тесной связи данной группы со Швецией и сохранению ею своей культурно-языковой идентичности. С другой стороны, носители финского языка, который резко отличается по структурным и лексическим характеристикам от германских языков, высказались в пользу английского. В трех «главных» странах Северной Европы –

Дании, Швеции и Норвегии – идея сохранения скандинавских языков как средства общения в регионе в целом поддерживается.

Авторы подчеркивают, что ни в одной группе опрос не выявил негативного отношения к английскому языку: многие информанты признавали, что общение с представителями соседних стран на английском часто оказывается проще и практичнее, и утверждали, что сами они обладают достаточным для повседневного общения знанием этого языка (Östman, Thøgersen, 2010).

Таким образом, в отношении информантов к вопросу выбора языка внутрирегионального общения в Северной Европе идеологический и культурно-исторический факторы противостоят практическому. В ответах часто повторяется мотив «мы должны уметь понимать друг друга» («We must be able to understand each other»), однако в реальности отношение к выбору языка общения достаточно рационально. При этом необходимо учитывать, что утверждение о сходстве современных германских языков Северной Европы является скорее стереотипом сознания, чем действительностью. Так, датский, норвежский и шведский языки считаются достаточно близкими, однако общение их носителей без языка-посредника является проблемным: шведы и норвежцы часто отмечают, что датский язык, отличие которого от других скандинавских языков выражено сильнее, труден для понимания. Датчане, в свою очередь, отличаются более сдержанным отношением к идее «северного единства», чем их соседи, и также не понимают их языков.

Рациональные основания имеет в настоящее время и языковая политика, направленная на сохранение близости языков Скандинавии и на укрепление их роли в регионе. Она поддерживается внеязыковым фактором, а именно внимательным отношением к региональным интересам и к интересам отдельных сообществ внутри региона в социально-экономическом, культурном и образовательном планах. Такое направление позволяет противостоять доминированию английского в современных условиях, поэтому английский не ощущается как навязываемый язык.

Немецкоязычные иммигранты в Канаде: Роль родного языка и влияние английского

Опрос немецкоязычных иммигрантов, живущих в Канаде, показал, что немецкий язык на протяжении трех поколений остается в их среде не только средством практического общения, но и

знаком культурно-языкового единства. Адаптируясь к реалиям Канады, по преимуществу англоязычной, немецкоязычные иммигранты стремятся сохранить свой язык как важнейшую часть культурного наследия¹. Дж. Дейли-О'Кейн и Г. Либшер (Dailey-O'Cain, Liebscher, 2011) проводили свое исследование методом интервьюирования иммигрантов разной степени «укорененности» в Северной Америке – от тех, кто приехал в Канаду в детском или зрелом возрасте, до иммигрантов третьего поколения, чьи родители появились на свет уже в этой стране. Все три поколения иммигрантов осознают себя частью особого культурно-языкового сообщества, которое создается в первую очередь благодаря немецкому языку. Поэтому в абсолютном большинстве ответов и нарративов немецкий язык характеризуется как ценность и важнейшая часть культурного наследия. Иммигранты стремятся сохранить немецкий язык в своих семьях и передать его детям: они стараются разговаривать с ними дома по-немецки, многие отдают детей в немецкоязычные школы.

Положительное эмоциональное отношение к языку выражается фразами, характеризующими реакции участников опроса на услышанную где-либо немецкую речь, например: «*It's like suddenly they're your best friend, they're your neighbor*» «Эти люди как будто сразу становятся вашими лучшими друзьями, вашими соседями»; «*They are one of us*» «Это наши люди» (перевод мой. – Е. О.). В этих высказываниях немецкий язык выступает как явление, соединяющее в одно сообщество даже незнакомых людей.

С другой стороны, в ответах некоторых интервьюируемых (в основном они принадлежат ко второму поколению иммигрантов) проявляется дистанцирование от немецкого культурно-языкового пространства в Канаде. Такой подход связан с индивидуальными обстоятельствами и так же, как и позитивное отношение к языку, объясняется культурно-психологическим фактором – выбором собственной культурно-языковой идентичности. Например, в ответе: «*German language is making my world smaller. And the bigger view is mostly in English*». «Немецкий язык делает мой мир уже, а более широкий взгляд почти всегда выражается английским» (перевод мой. – Е. О.).

¹ При этом они дистанцируются от немецкоязычных регионов Европы с их диалектами и ориентируются на литературный стандарт немецкого языка (Dailey-O'Cain, Liebscher, 2011). – Прим. авт. (Е. О.).

В среде немецкоязычных иммигрантов в Канаде в условиях постоянного контакта с англоязычным окружением развился феномен смешения элементов английского и немецкого языков в пределах одного высказывания, что проявляется в повседневной речи многих участников опроса. Они сами характеризуют такой язык как естественно появившийся в условиях Северной Америки. По мнению большинства информантов, смешанный вариант не является языком более низкого порядка, чем английский или немецкий, а представляет собой органичную часть «немецкого пространства» в Канаде. Для него созданы специальные обозначения – Denglish, Engleutsch, Germlish¹. Во втором поколении иммигрантов в большей степени проявляется установка на раздельное употребление английского и немецкого в разных ситуациях, однако в третьем поколении отношение к смешению опять становится позитивным. Авторы исследования полагают, что в среде немецкоязычных иммигрантов в Канаде могут развиваться новые формы смешанного языка, отражающие применение немецкого в ситуации билингвизма.

Английский в сфере высшего образования: Опыт университетов Европы²

В последние десятилетия усиливается роль английского языка в высшем образовании. Изучение современной ситуации в университетах Европы непременно предполагает анализ роли и функций английского языка, так как он часто оказывается задействованным. Во многих университетах континента в настоящее время состав студентов, аспирантов и преподавателей многонационален, и ряд курсов преподается на английском языке. Такие университеты называют интернациональными, или международными (англоязычный термин – international universities). Интернациональные университеты рассматриваются как одно из проявлений возросшей мобильности населения в современном мире, о которой говорилось в начале обзора. Преподаватели, аспиранты, студенты относятся к

¹ Интересно, что при этом обилие английских заимствований в немецкоязычных массмедиа Европы, таких, как журнал «Spiegel», оценивается отрицательно. – *Прим. авт. (Е. О.)*.

² Подробно данная тема разработана в обзоре М.Б. Паренко «Языковая ситуация в современной Шотландии». – *Прим. авт. (Е. О.)*.

тем мобильным группам, представители которых часто приезжают работать и учиться в другую страну (Risager, 2012). С точки зрения экономики включение английского языка, т.е. языка межнационального общения, в число языков преподавания свидетельствует о создании глобального рынка в сфере высшего образования, в котором важную роль играет возможность привлечения студентов и преподавателей из разных стран. Экономические соображения дополняются заботой о престиже университета. Для «местных» студентов возможность обучения на английском языке в межнациональной среде является ценным опытом, развивающим профессиональные и коммуникативные навыки (Söderlundh, 2012).

Исследователи по-разному оценивают деятельность этих университетов в плане последствий для статуса языков. Одна из точек зрения состоит в том, что роль английского в высшем образовании не следует переоценивать: он все же не является тотально доминирующим и функционирует в университетах во взаимодействии с другими языками. Поэтому его распространение не свидетельствует о маргинализации других языков и англоизации сферы высшего образования (Haberland, Mortensen, 2012; Söderlundh, 2012). По мнению Х. Сёдерлунд, примером служит ситуация в Швеции. В университетах этой страны в настоящее время значительное число лекционных и семинарских курсов преподается на английском языке – среди университетов Европы Швеция занимает по этому показателю четвертое место после Нидерландов, Германии и Финляндии. Х. Сёдерлунд анализирует условия, определяющие выбор языка общения между студентами и преподавателями в одном из шведских университетов (Söderlundh, 2012). Предметом исследования стали семинарские занятия по экономике и менеджменту. Курс преподавался на английском языке, но аудиозаписи свидетельствуют о достаточно «либеральном» подходе к языку в аудитории: происходит частая смена языкового кода, зависящая в первую очередь от компетенции говорящего и слушателя. Английский язык доминирует, но шведский как язык большинства студентов и преподавателей также занимает значительное место в общении: во время занятий он применяется в метакомментариях или при языковых затруднениях, например, если кто-либо из студентов – носителей шведского языка не может адекватно выразить свою мысль на английском. В результате английский и шведский чередуются и дополняют друг друга в объяснениях преподавателя, в дискуссиях студентов, в их вопросах преподавателю, при обсуждении заданий и

результатов их выполнения. Вне аудитории, в неформальной обстановке, доля английского еще более снижается.

Существует противоположная точка зрения, согласно которой интернационализация образования в университетах Европы в реальности ведет к господству английского в этой сфере как наиболее сильного *lingua franca* (Cots, Lasagabaster, Garrett, 2012). Однако опыт ряда университетов показывает, что сильный национальный язык способен противостоять такому давлению.

Язык меньшинства, если он получает достаточную поддержку через общественные движения и законодательство, также может удерживать и укреплять позиции в своих регионах. Об этом свидетельствует, в частности, ситуация в некоторых двуязычных районах Испании, где в преподавании применяются испанский, каталанский (в Каталонии) и баскский (в Стране Басков) языки. Отмечается, что в ряде программ доля местных языков даже растет за счет испанского. В обоих случаях это происходит благодаря успехам борьбы за права языков меньшинств и разработанной практике их преподавания в школах.

Качественно иная ситуация наблюдается в другом двуязычном районе Европы – в Уэльсе (Великобритания), где долгое время применение уэльского языка стремительно сокращалось во всех сферах общественной жизни и он почти дошел до грани неминуемого исчезновения. Только в последние десятилетия XX в. были приняты меры, направленные на сохранение уэльского языка, однако в области высшего образования он не смог завоевать значимых позиций. В настоящее время в университете столицы Уэльса, г. Кардиффа, существуют проекты преподавания ряда дисциплин на уэльском языке, однако в действительности преподавание ведется на английском (Cots, Lasagabaster, Garrett, 2012).

Таким образом, языковая ситуация в университетах во многом зависит от общего языкового контекста в стране или регионе. В интернациональных университетах Европы, как отмечалось выше, преобладает билингвальная модель – применяется язык страны плюс английский. К этой группе относится университет датского города Роскильд, где в роли «рабочих» языков выступают датский и английский. В этом университете была разработана и начала применяться программа, целью которой является введение в процесс обучения и в исследовательскую деятельность всех языков, которыми в той или иной степени владеют преподаватели и студенты (Risager, 2012). В их числе оказались английский, испанский, китайский, арабский, немецкий, русский, польский и ряд

других языков. Студенты могли выбрать разные языки для разных видов работ, например свой родной для письменных работ, первый иностранный для работы в устных семинарах и второй иностранный для чтения статей и книг по специальности. В цели и задачи программы входило не только повышение языковой компетенции студентов, но и выявление ресурсов многоязычия в учебной и исследовательской работе современного университета.

К. Рисагер, описывая ход эксперимента, отмечает, что, по данным на 2012 г., не очень многие студенты воспользовались возможностью сделать многоязычие инструментом получения высшего образования. В основном выбирались языки, имеющие развитую подсистему научной терминологии, активно используемые в научных исследованиях и лучше всего знакомые студентам. В условиях Роскильда этими языками оказались датский и английский. Таким образом, попытка заместить билингвальную модель полилингвальной не удалась (Risager, 2012).

Англоязычные элементы в интернет-общении: Роль языковой идеологии в переключении кода

Интернет называют одним из главных инструментов глобализации и средств распространения английского языка, однако до настоящего времени взаимодействие языков в Сети детально не изучено. Один из характерных признаков общения в «живом журнале» – переключение кода, при котором англоязычные слова и выражения включаются в коммуникацию, происходящую на родном языке пользователя.

Закономерности такого переключения, как констатирует Дж. Дейли-О'Кейн (Daily-O'Cain, 2013), в значительной степени определяются «языковой идеологией» (language ideologies) – так обозначаются автором существующие в обществе традиции отношения к своему языку и установки на применение своего и чужих языков в тех или иных обстоятельствах. Автор анализирует случаи переключения кода в блогах немецких и голландских пользователей социальных сетей. Оба языковых сообщества изучались по данным «живого журнала» livejournal.com, большинство посетителей которого находятся в возрасте от 20 до 30 лет. Фрагменты дискурса немецких и голландских пользователей сопоставляются как по количеству включенных в их родные языки англоязычных единиц, так и по содержательным и формальным характеристикам.

Дж. Дейли-О'Кейн выделяет основные типы английских включений в немецкий и нидерландский тексты: 1) отдельные лексические единицы, в том числе принятые в Интернете наименования и определения жестов, интонации, выражений лица (эти единицы отличаются в англоязычном секторе Сети спецификой); 2) цитаты и устойчивые выражения, принятые в разговорном английском; 3) фразы, не заимствованные, но созданные пользователями livejournal.com в ходе коммуникации. Две последние разновидности требуют более высокого уровня владения английским языком и знакомства с практикой его применения.

Анализ материала показал, что голландские пользователи значительно превосходят немецких и по количеству применения английских единиц, и по разнообразию их типов. Так, голландская база данных содержит 37,1% английских единиц, в то время как немецкая – всего около 1,1%, и практически все они являются отдельными лексическими единицами.

Автор исследования объясняет столь явное различие разным отношением к английскому языку в двух странах. В Нидерландах английский язык значительно шире представлен в высшем образовании. В визуальных медиа английские тексты обычно сопровождаются субтитрами, т.е. звучат, а не дублируются, как в Германии. Общий уровень владения английским языком в Нидерландах также выше. Такое положение обусловлено объективными причинами. Прежде всего, число говорящих на немецком языке значительно больше, чем число носителей голландского. Кроме того, немецкий язык шире распространен в мире. Эти обстоятельства привели к тому, что носители немецкого языка чувствуют себя «самодостаточными» в лингвистическом плане. Нидерланды, уже в силу небольшого размера территории и меньшего количества говорящих на коренном языке, находятся в другой ситуации. Поэтому страна более открыта иноязычному влиянию, и ее жители в большей степени привыкли к изучению иностранных языков. Это отражается, как предполагает Дж. Дейли-О'Кейн, на отношении современных голландцев к английскому: для них это не столько язык другой нации, сколько международный язык, который принадлежит всем, кто им владеет. Поэтому они более свободно обращаются с английским, «комбинируя» его со своим родным языком в повседневном общении: *«Incorporate it as a vital part of... daily interactions»* (Daily-O'Cain, 2013, p. 163).

Список литературы

- Coetzee-Van Rooy S.* Afrikaans in contact with English: Endangered language or case of exceptional bilingualism? // Intern. j. of the sociology of lang. – B. etc., 2013. – N 224. – P. 179–207.
- Cots J.M., Lasagabaster D., Garrett P.* Multilingual policies and practices of universities in three bilingual regions of Europe // Intern. j. of the sociology of lang. – B. etc., 2012. – N 216. – P. 7–32.
- Dailey-O'Cain J., Liebscher G.* Language attitudes, migrant identities and space // Intern. j. of the sociology of lang. – B. etc., 2011. – N 212. – P. 91–138.
- Daily-O'Cain J.* The use and the discursive functions of English in native- language online conversations among Dutch and German youth // Sociolinguistics: Intern. yearbook of European sociolinguistics. – B.; Boston, 2013. – Vol. 27. – P. 146–166.
- Haberland H., Mortensen J.* Language variety, language hierarchy and language choice in the international university // Intern. j. of the sociology of lang. – B. etc., 2012. – N 216. – P. 1–5.
- McEwan-Fujita E.* Ideology, affect and socialization in language shift and revitalization: The experience of adults learning Gaelic in the West Isles of Scotland // Lang. in society. – Cambridge, 2010. – Vol. 39, Iss. 1. – P. 27–61.
- Östman J.-O., Thøgersen J.* Language attitudes and the ideology of the Nordic // Intern. j. of the sociology of lang. – B. etc., 2010. – N 204. – P. 97–127.
- Risager K.* Language hierarchies at the international university // Intern. j. of the sociology of lang. – B. etc., 2012. – N 216. – P. 111–130.

М.Б. Раренко
ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ ШОТЛАНДИИ
(Научо-аналитический обзор)

Как-то раз в один из эдинбургских баров заходит австралиец, садится и начинает болтать без умолку.

Один из завсегдатаев слушал-слушал его, а потом и спрашивает: «А ты, парень, откуда?» – «Я из лучшей страны мира», – с гордостью отвечает австралиец.

*«Да что ты?» – удивился шотландец.
– А акцент у тебя какой-то не шотландский».*

Одной из важных задач современной социолингвистики является изучение языковой ситуации в разных странах и регионах мира. Необходимость такого изучения обусловлена целым рядом причин, одна из которых – интерес общества к так называемым миноритарным языкам.

Термин «языковая ситуация» был подробно охарактеризован в работе А.Д. Швейцера «Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы» (Швейцер, 1977), в которой сравниваются два определения языковой ситуации: предложенное С. Фергюсоном в работе «Структура языка и его использование» («Language structure and language use») и Л.Б. Никольским (Никольский, 1975). По С. Фергюсону, «термин *языковая ситуация* (language situation)... относится к общей конфигурации использования языка в данное время и в данном месте и включает такие данные, как, сколько языков и какого рода языки используются в данном ареале, сколько человек на них говорит, при каких обстоятельствах, и каких установок и мнений в отношении этих языков придерживают-

ся члены данного коллектива» (цит. по: Швейцер, 2012, с. 131). Л.Б. Никольский трактует языковую ситуацию следующим образом: «Взаимоотношение функционально стратифицированных языковых образований изменяется во времени под воздействием общества и языковой политики и, стало быть, представляет собой некий процесс. Этот процесс распадается на ряд состояний. Каждое такое состояние и есть то, что может быть названо языковой ситуацией» (цит. по: Швейцер, 2012, с. 132). В настоящей статье описывается языковая ситуация в современной Шотландии и показывается, какие исторические события в стране способствовали становлению этой ситуации.

Сложная языковая ситуация, наблюдаемая в начале XXI в. в Шотландии, определяется непростой историей страны и ее жителей, почти всегда, на протяжении всей истории, вынужденных противостоять завоевателям и бороться за свою независимость.

1. Общие замечания

В настоящее время на территории Шотландии в качестве основных языков используются три¹: шотландский английский (т.е. местный вариант английского языка), скотс и гэльский. Существуют также многочисленные диалекты.

Необходимо отметить, что в современной научной и научно-популярной литературе нередко термином «шотландский язык» обозначаются все три языка, использующиеся жителями Шотландии. Иногда используются уточняющие слова: «шотландский гэльский», «шотландский английский» и «литературный шотландский английский». В данной статье мы будем использовать следующие термины:

1) «гэльский язык» – для указания на кельтский по происхождению язык, развившийся из языка, принесенного на территорию Шотландии ирландскими переселенцами;

2) «скотс» – германский по происхождению язык, развившийся из нортумбрийского (северного) диалекта древнеанглийского языка;

3) «шотландский английский язык» – литературный вариант английского языка, функционирующий на территории Шотландии и представляющий собой территориальный вариант английского языка.

¹ В научной литературе не наблюдается единства в использовании терминологии, и иногда под шотландский язык понимается гэльский. – *Прим. авт. (М. Р.)*.

2. Общие сведения о стране

Шотландия – небольшая страна, площадь которой 78,7 тыс. квадратных километров. Она характеризуется неоднородным и разнообразным рельефом, в связи с чем выделяются три основных региона: Южно-Шотландская возвышенность, Средне-Шотландская низменность (Лоуленд) и Шотландское нагорье (Хайленд), к которому исторически тяготеют Внутренние и Внешние Гебридские острова. В стране проживают около пяти миллионов человек, 98% которых являются этническими шотландцами. Для страны характерно неравномерное расселение. Три четверти населения сосредоточено в Лоуленде, где расположены крупнейшие городские и промышленные центры страны. Крупнейшие города Шотландии: Глазго (здесь проживает одна треть всего населения страны, или около 1,7 млн человек), Эдинбург (около 467 тыс. человек), Абердин (около 210 тыс. человек), Данди (около 194 тыс. человек), Перт (около 43 тыс. человек). В Хайленде, на Гебридских островах и в других частях Шотландии проживают около одной тысячи человек (Донскова, 2007; Павленко, 2003).

3. Из истории Шотландии

Историки считают, что первые люди появились на территории современной Шотландии приблизительно восемь тысяч лет назад, а первые постоянные поселения могли возникнуть не ранее шести тысяч лет назад. В середине I тысячелетия нашей эры Шотландия полностью сохраняла кельтский облик. Основную часть территории страны занимали племена, известные под названием «пикты» (так их называли римляне). Считается, что происхождение названия связано с тем, что свои тела они украшали рисунками.

На юге жили группы бриттов, вытесненные из Англии англосаксами.

В конце V – начале VI в. на западные берега современной Шотландии с территории современной Ирландии переселились кельтские племена скоттов. Название их племени постепенно перешло на название всей страны. Этническая принадлежность древних обитателей Шотландии – пиктов, или каледонцев (как их называли римские авторы), до сих пор не выяснена. Некоторые авторы считают, что в основе их были докельтские племена, дру-

гие связывают их формирование с первой волной кельтских переселенцев на Британские острова.

К середине IX в., после завоевания пиктов скоттами, было создано единое королевство, распространившее свое влияние на всю остальную территорию. В начале XI в. районы восточного побережья и равнина Лотиана, заселенные на тот момент племенами англов, вошли в состав этого королевства. В результате этого была установлена граница между Шотландией и Англией в ее современном виде, а также в значительной степени была определена дальнейшая история Шотландии. В частности, включение в состав Шотландии англосаксонских районов, более плодородных и более развитых в экономическом отношении, чем другие районы Шотландии, привело к постепенному распространению там древнеанглийского языка. Однако государственным языком по-прежнему оставался гэльский. Шотландское королевство раздирали междоусобицы феодалов, укрепившихся в неприступных замках, его ослабляли набеги скандинавов, создавших себе базы на Оркнейских и Гебридских островах. Но несмотря на все междоусобицы королевство сыграло первостепенную роль в формировании шотландской нации.

Завоевание Англии норманнами (1066) не коснулось Шотландии непосредственно, поскольку Вильгельм Завоеватель (1027/28–1087) на первых порах удовлетворился тем, что шотландский король признал себя его вассалом. Однако косвенное влияние этого завоевания было весьма значительным, особенно в языковом плане.

Завоевание Англии норманнами в 1066 г. послужило причиной цепи событий, из-за которых Шотландия изменила своей гэльской культурной ориентации. Малкольм III (1031–1093) женился на Маргарите, сестре Эдгара Этлинга, свергнутого англосаксонского претендента на английский трон, который впоследствии получил поддержку со стороны Шотландии. Сама Маргарита сыграла важную роль в снижении влияния кельтского христианства в стране, а ее сын, Давид I (1084–1153), стал англо-норманнским властителем, определившим в значительной степени путь развития страны и много сделавший для укрепления ее позиций: 1) он всячески способствовал введению в Шотландии феодализма, 2) поощрял приток населения с территории, которая сегодня принадлежит Нидерландам, в «бурги», города-крепости, чтобы укрепить торговые связи с континентальной Европой. Его же стараниями к концу XIII в. многие норманнские и англо-норманнские семейства получили в дар шотландские земли.

Последствия политики Давида I, однако, не всегда способствовали сохранению единства языка в королевстве и приводили к постепенной англоизации региона. Приток на шотландскую землю англосаксов, бежавших от норманнов, способствовал дальнейшему распространению их языка на этих землях. Английское влияние в значительной степени усилилось в XII в., после браков между шотландскими и английскими королевскими фамилиями; шотландский королевский двор постепенно англоизировался и становился центром англосаксонской культуры в Шотландии. Проводниками этой новой культуры становились английские феодалы, которых шотландский король приглашал на службу. В южной равнинной части Шотландии стали развиваться ремесла и торговля, выросли города – Эдинбург, Перт, Глазго и другие.

В конце XIII в. Англия пыталась захватить Шотландию, но английские войска были разбиты, и по договору 1328 г. Англия признала независимость Шотландии, что способствовало еще большему национальному сплочению шотландцев. Важными событиями в шотландской истории было создание в конце XIII в. парламента и особенно церковная реформа, благодаря которой в стране с середины XVI в. было утверждено пресвитерианство. В 1560 г. шотландский парламент принял закон о признании пресвитерианской церкви государственной церковью Шотландии, а официальным языком Шотландии был принят язык, образовавшийся на основе языка англосаксонских переселенцев при значительном влиянии местного кельтского (гэльского) языка и получивший название скотс (Scots).

К концу Средневековья Шотландия была разделена на две культурные зоны: 1) равнинную, жители которой говорили на скотс, 2) горную, население которой использовало в качестве языка общения гэльский язык. Несмотря на то что скотс становился все более популярным на территории Шотландии, в удаленных частях юго-запада страны, входивших в графство Галлоуэй, использовался (возможно, до XVIII в.) галовейский гэльский диалект.

В 1603 г., после смерти английской королевы Елизаветы I (1533–1603), не оставившей прямых наследников, король Шотландии Иаков VI (1566–1625), сын Марии Стюарт (1542–1587) и племянник Елизаветы I, унаследовал английский престол и стал королем Англии Иаковом I. За исключением периода существования

Британского содружества наций Шотландия оставалась отдельным государством, но вместе с тем в этот период имели место значительные конфликты между монархом и шотландскими пресвитерианами по поводу формы церковного управления.

После Славной революции и свержения католика Иакова II (1633–1701) Вильгельмом III (1650–1702) и Марией II (1662–1694) Шотландия некоторое время стремилась избрать собственного монарха-протестанта, но под угрозой разрыва Англией торговых и транспортных связей шотландский парламент совместно с английским в 1707 г. принял Акт об унии. В результате объединения было образовано королевство Великобритания. Акт об унии (1707), шотландское Просвещение и промышленная революция превратили Шотландию в мощную европейскую страну.

После Второй мировой войны Шотландия испытала резкий спад производства, но в последние десятилетия XX в. происходит культурное и экономическое возрождение региона за счет развития сферы финансовых операций и производства электроники, а также доходов от добычи нефти и газа на шельфе Северного моря. В 1999 г. были проведены выборы в парламент Шотландии, учреждение которого было закреплено в «Шотландском акте» в 1998 г.

С начала 2000 г. в Шотландии усиливается влияние националистов. В 2007 г. Национальная партия Шотландии выиграла выборы в шотландский парламент, а ее лидер объявил, что будет добиваться проведения в 2010 г. референдума о независимости Шотландии. Осенью 2014 г. референдум прошел, но жители Шотландии предпочли остаться частью Соединенного Королевства.

4. Языки в Шотландии

Когда говорят о языковой ситуации в Шотландии, то в первую очередь рассматривают регион, который принято называть «равнинной Шотландией», или Лоулендом, поскольку именно здесь, в долинах рек Форд и Клайд, сосредоточено около трех четвертей населения страны, расположены промышленные и культурные центры. Однако жители Шотландии проживают и в горных районах, и на принадлежащих стране островах.

4.1. Гэльский язык

Гэльский язык¹ – язык, по преимуществу, жителей горной части Шотландии и островов, ей принадлежащих. Гэльский язык (самоназвание Gàidhlig; англ. Gaelic, или Scottish Gaelic) относится к гойдельской ветви кельтских языков, носители которого – кельтская народность гэлы – традиционно проживали в горной части Шотландии, а также и на Гебридских островах.

На гэльском языке сегодня говорит часть населения западных регионов северной Шотландии и Гебридских островов (Dorian, 1981; Withers, 1984). По данным на 1961 г., говорящих на гэльском языке насчитывалось 81 тыс. человек, в 1971 г. говорящие на гэльском языке составляли 88 тыс. человек (по другим данным – 89 тыс.), из них только 1,5 тыс. человек были одноязычными. В 1981 г. численность говорящих несколько уменьшилась – до 79,5 тыс. человек, из них 3 тыс. могли только читать и писать. Число носителей гэльского языка в Шотландии, согласно переписи 2001 г., составляло 58 652 человека².

Говорящие на гэльском языке расселены на территории современной Шотландии неравномерно: около 30% проживают в автономной области Западных островов (т.е. Внешних и Внутренних Гебридов), 21 – на материке в горной Шотландии и 31,5% – в районе г. Глазго, остальные рассредоточены по стране.

Считается, что гэльский язык развился из языка ирландских поселенцев, переселившихся из северо-восточной Ирландии в юго-западные области Шотландии в V–VI вв. н.э. Как свидетельствуют анналы и саги, около 500 г. н.э. большая часть племени дал риада во главе со своим вождем Фергусом Великим (около 434–501), сыном Эрка (? – 474), по не вполне ясным причинам переселилась из района нынешнего графства Даун в северо-восточном Ольстере на земли нынешнего графства Аргайл (западная Шотландия). После длительной борьбы с различными княжествами и королевствами

¹ В научной литературе встречаются следующие варианты названия данного языка: шотландский, гаэльский, гельский, эрский, горношотландский. – *Прим. авт. (М. Р.).*

² Небольшие сообщества носителей гэльского языка сохранились на территории США, в Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканской Республике. Общее количество носителей языка в мире составляет, по разным оценкам, от 60 тыс. до 90 тыс. человек, при этом 500–1000 носителей языка проживают в Канаде (провинция Новая Шотландия, преимущественно на острове Кейп-Бретон). – *Прим. авт. (М. Р.).*

пиктов только Кеннету МакАльпину (ок. 810 – 858/859) удалось объединить в 848 г. большую часть Северной Шотландии. В X–XI вв. гэльским королям удалось покорить бриттские королевства в Стратклайде и англское королевство с центром в Эдинбурге, куда они перенесли свою столицу. Однако для функционирования гэльского языка перенос столицы королевства в Эдинбург имел драматические последствия: королевская династия, двор и армия быстро англизировались, гэльский язык постепенно терял свои позиции, и к XV в. этот язык полностью потерял свой официальный статус, будучи сначала вытесненным англошотландским языком (скотс), а затем стандартным английским. До начала XIII в. исследователи языка не фиксируют каких-либо существенных отклонений от ирландского языка в литературных памятниках. Лишь с середины XIII в. фиксируется появление признаков особого, отличного от ирландского, гэльского языка: «Судя по имеющимся данным, начало расхождения между ирландским и шотландским¹ языками следует отнести к довольно позднему времени – не ранее XIII в., т.е. только к началу новоирландского периода» (Калыгин, Королёв, 2006, с. 189). Тексты в «Дирской книге» (середина XII в.), изученные исследователями гэльского и ирландского языков, свидетельствуют о том, что период 950–1200 гг. следует рассматривать скорее как «среднеобщегэльский», а не просто как «среднеирландский».

Говорить о восточногэльском языке, из которого впоследствии развились гэльский и мэнский языки, можно только после 1200 г.

Изучение гэльского языка осложняется отсутствием необходимого количества письменных источников на этом языке, поскольку вплоть до XVIII в. шотландцы в качестве письменного использовали почти исключительно новоирландский литературный язык, который лишь в незначительной степени обладал местными особенностями. Древнейшие памятники на гэльском языке появляются только с начала XVI в. и представляют собой сборники традиционных поэм и баллад. И только в рукописи «Книга настоятеля из Лисмора» («The Book of the Dean of Lismore»), датируемой 1520 г., и в Фернаигской рукописи 1690 г. был зафиксирован «почти чистый шотландский язык» (Калыгин, Королёв, 2006, с. 190). «Лисморская книга» уникальна еще и тем, что представляет собой первую и последнюю попытку в Шотландии отказаться от традиционной ирландской орфографии;

¹ Под шотландским языком в цитируемой работе понимается гэльский язык. – *Прим. авт. (М. Р.)*.

писцы использовали видоизмененную орфографию англошотландского языка¹» (Калыгин, Королёв, 2006, с. 190).

Самые серьезные испытания на долю гэльского языка выпали в XVIII в., в результате второго якобитского восстания 1745 г., которое повлекло за собой сначала размывание, а затем и полное разрушение клановой системы и эмиграцию многих вождей и рядовых членов кланов. Мелкие арендаторы лишились своих земель. Этот процесс растянулся с конца XVIII в. до 80-х годов XIX в. и привел к очень малой плотности населения в горной Шотландии и большой разобщенности носителей языка при одновременно усилившемся притоке англоязычного населения.

Гонению подверглась древняя кельтская культура – было запрещено носить национальную одежду, запрещена была даже шотландская волынка, причисленная к «орудиям войны». Шотландские власти пытались искоренить и гэльский язык. Он был запрещен и в церкви, и в школах, однако трудности обучения гэльских детей были настолько велики, что в 1766 г. было принято решение разрешить употребление гэльского языка наряду с английским. В 1767 г. в Шотландии вышло Евангелие на гэльском языке, а в начале XIX в. – Библия, но это не привело здесь, как, например, в Уэльсе, к возрождению литературного языка. Гэльский язык сохранился лишь как разговорный.

Современный литературный гэльский язык начинает оформляться в конце XVIII – начале XIX в. на основе юго-восточных диалектов, при этом он продолжает сохранять много консервативных черт, которые уже исчезли в диалектах к XVIII в., как в орфографии, так и в лексике, и в морфологии.

В появляющихся в этот период изданиях фольклорных текстов авторы пытаются как можно полнее и адекватнее передать особенности живых диалектов. Письменный гэльский язык, развившийся в таких условиях, стал синтезом некоторых черт старого (ирландского) языка с особенностями западно-центральных шотландских диалектов.

Гэльский язык долгое время не имел никакого официального статуса и в отдельные периоды истории страны даже подвергался преследованиям (так, Акт об образовании 1872 г. запрещал преподавать на гэльском языке и даже просто говорить на нем). Однако в конце XX в. ситуация изменилась, и с образованием шотландского парламента он был провозглашен официальным языком

¹ Имеется в виду язык скотс. – *Прим. авт. (М. Р.).*

Шотландии. В 2005 г. в стране была открыта первая средняя школа, где преподавание идет только на гэльском языке. Тем не менее данные переписи 2001 г. показали 11%-ное сокращение численности носителей этого языка по сравнению с 1991 г., так что гэльский язык находится в серьезной опасности и причислен к языкам, которым грозит исчезновение. Тем не менее, на нем ведутся теле- и радиопередачи, издаются газеты и книги. В настоящее время в стране существует движение за более широкое использование гэльского языка в общественной жизни. Однако несмотря на активно предпринимаемые меры по сохранению и поддержке гэльского языка, в Шотландии пока сохраняется ситуация, когда самые сильные позиции гэльский язык удерживает на Гебридах, среди пожилого населения, численность которого с каждым годом уменьшается.

Исследователи отмечают, что «классификация шотландских диалектов до сих пор точно не разработана, поскольку все они связаны перекрещивающимися пучками изоглосс, хотя наиболее удаленные друг от друга географические диалекты расходятся до почти полного отсутствия взаимопонимания их носителей» (Калыгин, Королёв, 2006, с. 190). Однако наиболее принятое деление включает в себя: 1) еверо-западные диалекты (Гебридские острова); 2) юго-западные (Аргайл, о. Арран); 3) центральные и восточные (Перт, восточный Сатерленд). Более всего различия между диалектами выявляются на фонетическом и морфологическом уровнях.

Как уже было сказано выше, число говорящих на гэльском языке постоянно сокращается. Исключением стал период с 1961 по 1971 г., когда число говорящих увеличилось с 81 тыс. до 89 тыс., но исследователи склонны рассматривать это увеличение как следствие некоторых экстралингвистических обстоятельств. Еще в 1891 г. около 40% жителей горной части Шотландии говорили по-гэльски, а 1921 г. (спустя всего 30 лет) показатель упал до 16%. Причиной такого резкого падения следует считать миграцию жителей Горной Шотландии в крупные города Нижней Шотландии и на территорию Англии, а также дальнейшую эмиграцию в Канаду, США, Южную Африку, Австралию и Новую Зеландию, что почти всегда сопровождалось полной языковой ассимиляцией.

4.2. Скотс¹

С VI в. н.э. на равнинной части Шотландии (Лоуленд) вследствие особых исторических условий сосуществуют два языковых ареала – германский и кельтский. Именно сюда, в южную часть Лоуленда – территории к северу и югу от гор Чевиот-Хилс и реки Твид – стали переселяться англы (германское племя), войдя в состав королевства Нортумбрии. В конце X в. после нескольких войн между англосаксонскими и кельтскими королями эта часть Нортумбрии отошла шотландскому королю Кеннету III (997–1005), но по условиям договора англосаксонскому населению данного региона было разрешено сохранить свои законы и свой язык – северную ветвь нортумбрийского диалекта древнеанглийского языка. До конца XI в. в данном регионе использовался и гэльский язык, однако после того как на трон объединенного Шотландского королевства взошел Малькольм III Кенмор (ок. 1031–1093), сын короля Данкена и нортумбрийки из знатного рода, шотландская династия стала фактически англосаксонской, что способствовало дальнейшему распространению северной разновидности древнеанглийского языка за счет вытесняемого гэльского.

В XIV в. на базе языковой нормы эдинбургского королевского двора и университета г. Сент-Эндрюс сформировался общенациональный языковой стандарт Шотландии того времени, получивший название *Inglis*. Во второй половине XV в. этот язык стал именоваться *Scottis*, а название *Inglis* стало использоваться исключительно для обозначения близкородственного языку *Scottis* среднеанглийского языка, который был распространен на территории Англии.

В 1603 г. произошло объединение корон Шотландии и Англии, и *Scottis* стал постепенно утрачивать статус государственного языка. В 1707 г., после объединения английского и шотландского парламентов, национальный английский язык того времени, развившийся на основе лондонского диалекта, полностью и окончательно утвердился в качестве языка политики, образования и религии на территории Шотландии. Еще в течение долгого времени *Scottis* оставался среди шотландцев языком повседневного, домашнего общения, но доминирование английского языка в официальной среде постепенно привело к размыванию и в конечном счете к фактической утрате единой нормы языка, сложившейся в

¹ Подробнее о языке скотс см.: (Бубенникова, 1980; Бубенникова, 1996; Бродович, 1988; Денисова, 2010). – *Прим. авт. (М. Р.)*.

XIV–XV вв. Таким образом, Scottis сохранился только как совокупность территориальных диалектов. Но на протяжении XVII и даже XVIII в. иностранцы продолжали воспринимать Scottis как самостоятельный язык, автономный по отношению к английскому.

Первым письменным памятником, созданным на языке скотс, считается поэма «Брюс» шотландского поэта Джона Барбура (1316–1395), представляющая собой рифмованную хронику и описывающая историю Шотландии при Роберте Брюсе (1286–1329).

XVIII век был временем национального подъема в Шотландии, и язык скотс пережил своеобразное возрождение в художественной литературе: на нем создавали свои произведения шотландские поэты Роберт Фергюсон (1750–1774) и Роберт Бёрнс (1759–1796).

В последующем столетии возрождение языка также продолжилось. В 1808 г. Дж. Джемисон¹ опубликовал «Этимологический словарь шотландского языка» (Jamieson, 2010). В этот же период шотландские писатели создавали художественные произведения, персонажи которых говорили на языке скотс. В других сферах использование языка скотс не поощрялось.

В 1889 г. А. Эллис (A. Ellis) (1814–1890) зафиксировал девять отчетливо выделяемых территориальных шотландских диалектов, т.е. разделил Шотландию по диалектным признакам на следующие территориальные образования: 1) Шетландские и Оркнейские острова; 2) Кейтнес; 3) Нейрн, Элджин, Бэнфф, Абердин; 4) Восточный Форфар, Кинкардайн; 5) Западный Форфар, большая часть территории Перта, часть Файфа и Стерлинга; 6) Южный Айр, Западный Дамфриз, Керкубри, Вигтон; 7) Юго-восточный Арджайл, Северный Айр, Ренфью, Ланарк; Кинросс, Клакмэннан, Линлитгоу, Эдинбург, Хэддингтон, Бервик, Пиблз; 9) Восточный Дамфриз, Селкирк и Роксбург (Ellis, 1890). В то же время У. Грант и Дж. Диксон выделяли три группы шотландских диалектов – северную, центральную и южную, но признавали, что каждая из них имеет свои подгруппы (Grant, Dixon, 1929).

К концу XIX – началу XX в. скотс стал восприниматься как язык низших слоев населения. Однако интерес к языку возникает вновь в 20-е годы XX в., в период так называемого «Шотландского возрождения». В этот период была создана Шотландская национальная партия. У истоков современного шотландского нацио-

¹ Преподобный Джон Джемисон (англ. *John Jamieson*), доктор богословия (3 марта 1759 г. (Глазго) – 12 июля 1838 г.) – шотландский лексикограф, сын священника. – *Прим. авт. (М. Р.)*.

нального движения стоял общественный деятель, писатель и поэт Хью Макдермид¹ (1892–1978), который в языке своих художественных произведений стремился к синтезу шотландских диалектов начала XX в. с элементами языка шотландской литературы более ранней эпохи.

Однако стремления укрепить позиции языка скотс в 20–30-е годы XX в., а также после Второй мировой войны особого успеха не имели. Это в значительной мере объясняется тем, что все более широкое распространение получает теле- и радиовещание на литературном английском языке.

Сегодня парламент Шотландии имеет полномочия по так называемым «переданным вопросам», т.е. вопросам здравоохранения, жилья и языковой политики.

В 2001 г. правительство Соединенного Королевства ратифицировало Европейскую хартию региональных языков или языков меньшинств, утвержденную Советом Европы в 1992 г. Правительство Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии признает язык скотс как региональный язык, указывает на необходимость сохранения языка Scottis как элемента культурного наследия, но не оказывает ему практической поддержки. При парламенте Шотландии после его утверждения в 1997 г. была создана межпартийная группа по вопросам Scottis; в стране функционирует Центр языка скотс (Scots Language Centre²), одной из задач которого является издание словарей. Финансированием проектов занимается правительство Шотландии.

Важнейшая проблема современного языка скотс состоит в отсутствии у него литературного стандарта, что не позволяет языку получить статус официального в Шотландии. Однако важная роль языка скотс в общественной жизни страны постоянно подчеркивается (MacKinnan, 1977; Aitken, 1981, 1984; McClure, 1997; Mac it new... 1995; McClure, 1979, 1997; The Scots language... 1998; McKay, 2007). Попытки создания наддиалектного литературного варианта языка скотс, широко известного сейчас как лалланс, были предприняты еще Хью Макдермидом, который полагал, что успешное распространение лалланса может способствовать укреплению статуса языка скотс.

¹ На английском языке его имя пишется как Hugh MacDiarmid, поэтому можно встретить и другой русскоязычный вариант его имени: Хью Мак Диармид. – *Прим. авт. (М. Р.).*

² У организации есть собственный сайт. – Mode of access: <http://www.scotslanguage.com> – *Прим. авт. (М. Р.).*

Уровень развития литературного языка скотс в XX в. продолжал повышаться, однако диалектные формы также развивались (Grant, Dixon, 1921; Wilson, 1926). На сегодняшний день большое количество диалектов языка скотс по-прежнему сохраняется. В 2011 г. в Шотландии состоялась перепись населения, на которой впервые был задан вопрос о владении языком скотс. В том же 2011 г. Языковой центр скотс создал интернет-сайт с образцами речи на различных диалектах Scottis (Scots), чтобы говорящие сами могли определить, каким именно диалектом языка они владеют. Однако, как отмечает А.Е. Павленко, далеко не всегда бывает просто определить диалект говорящего (Павленко, 2005), поскольку даже на равнинной территории Шотландии языковая ситуация «имеет континуальный характер и для нее характерно огромное количество переходных вариантов, широкое многообразие отдельных идиолектов и зачастую непоследовательное использование говорящими языковых средств» (Павленко, 2005, с. 175).

В мае 2011 г. члены шотландского парламента от набравшей большинство голосов Шотландской национальной партии давали присягу Елизавете II на языке скотс.

Учрежденная шотландским правительством Рабочая группа по вопросам языка скотс (The Scots Language Working Group) выступила с инициативой введения в программу начальной и средней школы предмета Scottish Studies, который сочетал бы в себе сведения о шотландской истории, литературе, культуре, современной обстановке в Шотландии, истории языков скотс и гэльского. 21 марта 2013 г. был открыт интернет-ресурс «Studying Scotland».

По результатам опроса, проведенного среди населения Шотландии в 2009–2010 гг., около 64% шотландцев считают, что скотс, называемый прошотландскими общественными деятелями «mither tongue», т.е. «родным языком», языком не является; 85% опрошенных говорят на скотс; 67% считают, что скотс должен продолжать использоваться в Шотландии. В научной литературе также до сих пор не сложилось единого мнения относительно того, как следует относиться к языковому феномену «скотс». Некоторые исследователи настаивают на том, чтобы считать его диалектом английского языка, частью парадигмы форм существования английского языка, другие – самостоятельным языком, близкородственным современному английскому. В пользу последнего указываются следующие исторические факты: 1) в период XIV–XVI вв. скотс фактически играл роль государственного языка Шотландии; 2) утрата статуса государственного языка с последующей потерей единой нормы

была вызвана экстралингвистическими факторами (потерей страной независимости); 3) богатая литературная традиция на языке скотс восходит к XIV в.; 4) существует разветвленная диалектная парадигма языка скотс (известно, по крайней мере, пять групп диалектов).

Характеризуя современную ситуацию, сложившуюся вокруг языка скотс в равнинной Шотландии, где проживает подавляющее число жителей страны, А.Е. Павленко отмечает, что «в реальной действительности наиболее распространенный в настоящий момент... речевой тип демонстрирует сравнительно низкую частотность лексических и грамматических шотландизмов и получил поэтому эпитет “thin Scots” (т.е. буквально “жидкий” или “разреженный” скотс» (McClure 1979, 29–31). Этот диалект представляет собой, скорее, вариант английского языка с большим количеством разноуровневых черт, восходящих к скотс. Он крайне непоследователен в использовании лексических и прочих языковых средств и разительно отличается в этом отношении от синтетического диалекта современной шотландской литературы – лаланс» (Павленко, 2005, с. 175).

Однако ученые, в первую очередь шотландские исследователи Э. Игл (Eagle, 2005) и Н. Маккаллум и Д. Первес (MacCallum, Purves, 1995), указывают на то, что определение статуса языка скотс зависит не столько от сугубо лингвистических, сколько от политических факторов, среди которых будущее Шотландии как государства и его языковой политики. Таким образом, изменения в политической жизни страны способны привести к повышению престижа и возрождению языка скотс, а также переоценке его лингвистического статуса.

4.3. Шотландский английский язык

Шотландский английский язык (Scottish English) начал формироваться примерно после XVII в. на почве взаимодействия языка скотс и британского английского. Считается, что через значительный промежуток времени местное кельтоязычное население было практически полностью англоизировано, причем происходило это не через естественную языковую среду – через семью, а в порядке принуждения – через церковь и школу. Шотландский английский язык всегда отличался повышенной нормативностью речи и ролью литературной нормы.

Шотландский английский считается территориальным диалектом, в отличие от канадского и австралийского английского, которые имеют статус «региональных вариантов».

Выводы

На территории современной Шотландии ведущую роль в качестве языка, принятого в данном коммуникативном сообществе, выполняет литературный шотландский английский, использующийся во всех сферах общественной жизни, включая административно-законодательную, информационную, образовательную, культурную.

Скотс и лалланс также проникают в эти сферы, однако их использование носит чаще декларативно-идеологический характер и не становится нормой речевой практики в соответствующих сферах. В последние годы скотс получает все большее внимание в учебном процессе, например при выполнении творческих заданий, во внешкольной деятельности, например в театральных постановках учащихся. В периодической печати публикуются статьи, в основном юмористического характера, и заметки на скотс, описывающие национальные праздники шотландцев. В художественных произведениях скотс используется для создания местного колорита, т.е. также используется фрагментарно.

Население сельских районов Шотландии и небольших городков говорит преимущественно на территориальных диалектах скотс. Образованное население Шотландии, говорящее в основном на английском языке, использует в обиходно-разговорной речи шотландизмы, но чем выше социальный статус говорящего и его уровень образования, тем меньший процент шотландизмов представлен в его речи.

В соответствии с типологией языковых ситуаций, разработанной А.Д. Швейцером и Л.Б. Никольским, языковую ситуацию в современной Шотландии можно отнести к экзогlossной несбалансированной разновидности с трехкомпонентным составом (Швейцер, Никольский, 1978). Ситуация подобного типа характеризуется бытованием в регионе трех идиомов, один из которых – язык-макропосредник (в случае с Шотландией это шотландский английский) – принят в качестве средства официальной коммуникации, а другие два (гэльский язык и скотс) функционируют в обиходной сфере.

Список литературы

- Бродович О.И.* Диалектная вариативность английского языка: Аспекты теории. – М., 1988. – 194 с.
- Бубенникова О.А.* Актуальные проблемы исторической морфологии диалектов английского языка. – М., 1996. – 206 с.
- Бубенникова О.А.* Лексические особенности письменного языка Шотландии: (На материале художественной литературы XIX–XX веков). Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1980. – 196 с.
- Денисова Е.А.* Язык Шотландии Scots как продукт внешних и внутренних взаимодействий: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2010. – 22 с.
- Донскова И.И.* Шотландия: Мистическая страна кельтов и друидов. – М., 2007. – 320 с.
- Калыгин В.П., Королёв А.А.* Введение в кельтскую филологию. – М., 2006. – 272 с.
- Королёв А.А.* Шотландский язык // Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. – М., 2000. – С. 460–462.
- Никольский Л.Б.* Очерки по теории социолингвистики. – Л., 1975. – 337 с.
- Павленко А.Е.* На каком языке написан текст? Еще раз к проблеме близкородственного двуязычия // Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. – СПб., 2005. – С. 175–182. – (Индоевропейское языкознание и классическая филология; 9).
- Павленко А.Е.* Региональный язык и его статус: (На материале языковой ситуации в равнинной Шотландии). – М., 2003. – 243 с.
- Швейцар А.Д., Никольский Л.Б.* Введение в социолингвистику. – М., 1978. – 215 с.
- Aitken A.J.* Scots and English in Scotland // Language in the British Isles. – Cambridge etc., 1984. – P. 517–532.
- Aitken A.J.* The good old Scots tongue: Does Scots have an identity? // Minority languages today. – Edinburgh, 1981. – P. 72–90.
- Dorian N.C.* Language death: The cycle of a Scottish Gaelic dialect. – Philadelphia, 1981. – 206 p.
- Eagle A.* Wir Ain Leid: An Innin tae modren Scots. – 2005. – 300 p.
- Ellis A.J.* English dialects: Their sounds and homes. – L., 1890. – 703 p.
- Grant W., Dixon M.J.* Manual of modern Scots. – Cambridge, 1921. – 500 p.
- Mac it new: An anthology of twenty years of writing in Lallans / Ed. by MacCallum N.R., Purves D. – Edinburgh, 1995. – 178 p.
- MacKinnan K.* Language, education and social progress in a Gaelic community. – L., 1977. – 222 p.
- McClure J.D.* Scots and its range of uses // Languages of Scotland. – Edinburgh, 1979. – P. 26–48.
- McClure J.D.* Why Scots matters. – Edinburgh, 1997. – 78 p.

- McKay G.* The Scots tongue. – New Carolina, 2007. – 232 p.
- The Scots language: Its place in education / Ed. by Niven L., Jackson R. – Dundee, 1998. – 232 p.
- Wilson J.* The dialects of central Scotland. – L., 1926. – 276 p.
- Withers Ch.W.J.* Gaelic in Scotland, 1698–1981: The geographical history of a language. – Edinburgh, 1984. – 352 p.

Н.Н. Трошина

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ (Научно-аналитический обзор)

1. Национальная вариативность немецкого языка как фактор европейской языковой ситуации

Языковая ситуация в немецкоязычных регионах Европы обусловлена действием целого ряда политических, экономических и социокультурных факторов. Для рассмотрения этой проблемы с позиций социолингвистики (а именно в этом состоит цель настоящего обзора) важен учет специфики немецкого языка как полицентричного (*plurizentrische Sprache*), т.е. используемого в качестве официального более, чем в одной стране / одном регионе и обладающего в каждой / каждом из них своей национально-специфической кодифицированной литературной нормой¹. В сегодняшних условиях интенсивного международного сотрудничества немецкий язык активно взаимодействует с другими европейскими языками, прежде всего с английским. Существенно, что и немецкий, и английский языки – это коммуникативно мощные языки, т.е. «разработанные языки с высоким коммуникативным рангом и значительным числом говорящих, имеющие давнюю письменную традицию и функционирующие в экономически и культурно развитых европейских странах» (Кирилина, 2015, с. 77).

Сегодня немецким языком владеют 185 млн человек, 105 млн из которых – носители (ср.: английским владеют 1, 5 млрд человек, 375 млн из них – носители) (*Das Statistik-Portal*). Немецкий язык – это официальный язык семи наций в: 1) Германии, Австрии, Лихтенштейне (единственный официальный язык на общегосударст-

¹ К полицентричным европейским языкам относятся также английский, французский, испанский и португальский языки. – *Прим. авт. (Н. Т.)*.

венном уровне); 2) Швейцарии (наряду с французским, итальянским и ретороманским), Люксембурге (наряду с французским и летцебургским); 3) Восточной Бельгии (региональный официальный язык (при субсидиарном использовании французского языка в немецкоязычной общине), Южном Тироле (региональный официальный язык наряду с итальянским в автономной провинции Больцано).

По данным Википедии за 2015 г., население перечисленных стран и регионов составляет: в Австрии – 8,5 млн человек, в Швейцарии¹ – 8 млн, в Германии – 80 млн, в Лихтенштейне – 37 тыс., в Люксембурге – 0,5 млн, в немецкоязычной общине Восточной Бельгии² – 71 тыс., в Южном Тироле – 0,5 млн человек. В «Словаре национальных вариантов немецкого языка» (Variantenwörterbuch, 2004) приводятся данные о процентной доле немецкоязычного населения в этих странах: в Австрии – 98%, в Швейцарии – 63,7, в Германии – 91,1, в немецкоязычной общине Восточной Бельгии – близко к 100%. Данные по Лихтенштейну³ и Люксембургу⁴ в этом словаре отсутствуют. Согласно же Википедии, немецкоговорящих в Лихтенштейне 86%, в Люксембурге на летцебургском языке (в основе которого лежит один из мозельско-франкских диалектов немецкого языка) говорят 95% населения (см. также: Смирницкая, 1988; Языки и диалекты Люксембурга, 1993; Домашнев, Копчук, 2001).

В специальной литературе различаются национальные языковые центры и полуцентры. О языковых центрах (Vollzentren einer plurizentrischen Sprache) можно говорить лишь в случае кодифицированности национальной литературной нормы в словарях и грамматиках (что имеет место в Австрии, немецкоязычной Швейцарии и Германии). В других случаях речь может идти только о национальных полуцентрах полицентричного языка (Halbzentren einer plurizentrischen Sprache). Такая языковая ситуация сложилась в Лихтенштейне, Люксембурге, Восточной Бельгии и Южном Тироле.

¹ В Швейцарии проживают носители также других языков: французского – 19,2%, итальянского – 7,6, ретороманского – 0,6, остальных языков – 8,9% (Variantenwörterbuch, 2004, S. XXXVIII; см. также: Языки и диалекты Швейцарии, 1990).

² Данные по Восточной Бельгии приведены по «Словарю национальных вариантов немецкого языка: Литературный язык в Австрии, Швейцарии и Германии, а также в Лихтенштейне, Люксембурге, Восточной Бельгии и Южном Тироле» (Variantenwörterbuch, 2004).

³ В Лихтенштейне 34% населения составляют иностранцы (швейцарцы, австрийцы и немцы) (Variantenwörterbuch, 2004, S. XLVIII).

⁴ В Люксембурге 37% населения составляют иностранцы (Variantenwörterbuch, 2004, S. XLVIII).

Особенности речевой практики в национальных центрах и полуцентрах немецкого языка выражены не настолько сильно, чтобы можно было говорить о различных языках: при наличии общего грамматического ядра наблюдаются некоторые различия в лексике, грамматике и просодии. Важно, что варианты немецкого языка, кодифицированные в национальных центрах, не являются отклонениями от литературной нормы: они представляют собой именно равноправные параллельно существующие национальные варианты немецкого языка¹.

2. Немецкий язык и глобализация: Усиление позиций английского языка

В настоящее время условия существования немецкого языка в вышеперечисленных странах и регионах в значительной степени определяются сильным влиянием английского языка, т.е. изменилась среда обитания немецкого языка.

Проблемами среды обитания языков занимается молодая наука эколингвистика², которая делает акцент не на истории развития конкретных языков, а на реалиях их существования и выживания. Концепция экологии языка по Э. Хаугену (Haugen, 1972) была развита в социолингвистических исследованиях. Так, Х. Хаарманн (Haarmann, 1980) пишет о существовании «лингвоэкологических переменных» (*sprachökologische Variablen*), т.е. этнографических, социальных, политических, культурных и языковых показателей, которые определяют речевое поведение говорящих.

¹ Немецкий существует в Европе и как миноритарный язык, вследствие чего подпадает под действие Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств (Европейская хартия, 1992; Ларина, 2015). Сегодня в Европе (прежде всего в Центральной и Восточной) проживают более трех млн человек, принадлежащих к немецкоязычным меньшинствам, из них в России около 600 тыс. человек (Troshina, 2013, S. 479), в Украине – 33 тыс. (*Deutsch als Minderheitensprache*), в Киргизии – 15 тыс., в Польше – 148 тыс., в Венгрии – 132 тыс., в Румынии – 50 тыс. человек (так называемые трансильванские саксы) (Википедия). Румыния представляет собой особый случай, так как после Второй мировой войны немецкое население не было изгнано из страны, как это произошло в других странах Центральной и Восточной Европы. – *Прим. авт. (Н. Т.)*.

² Термин «экология» применительно к языку был впервые использован в 1970 г. в докладе Э. Хаугена «Экология языка». Этот доклад был опубликован в 1972 г. в сборнике статей того же автора (Haugen, 1972). – *Прим. авт. (Н. Т.)*.

Сегодня лингвоэкологи встревожены не только вымиранием многих миноритарных языков, но и уходом некоторых коммуникативно мощных языков (немецкого, французского) из ряда важных коммуникативных сфер – научной, бизнеса, международной политики и т.д. под натиском английского языка. Эта тенденция определена в специальной литературе как «сокращение языка» (*submergence*). А. Филл, известный австрийский эколингвист, предвидит возникновение во многих странах в недалеком будущем ситуации двуязычия: английский язык будет считаться престижным (*high variety*), местный – непрестижным (*low variety*). Следует также ожидать возникновения во многих странах (и это заметно уже сегодня) вариантов английского языка с субстратом – местным языком (Fill, 1993; Трошина, 1997).

Социокультурная и политическая ситуация, угрожающая статусу немецкого языка как коммуникативно мощного, сложилась также из-за того, что в Конституции ФРГ (Основном законе ФРГ) ничего не говорится о том, что немецкий язык является официальным (государственным) языком страны. Специалисты в области социолингвистики приводят следующие аргументы в пользу того, что такой статус немецкого языка должен быть зафиксирован в Конституции:

- 1) язык – базис культурной идентичности;
- 2) язык – элемент, объединяющий все слои немецкого общества;
- 3) юридическое урегулирование статуса немецкого языка может быть воспринято в обществе как подтверждение важности сохранения немецкого языка и необходимости противостоять «медленной утрате его значимости» (*schleichender Bedeutungsverlust der deutschen Sprache*) (Lüdi, 2013);
- 4) упоминание немецкого языка в Основном законе укрепило бы позиции немецкого языка в Европейском союзе и «сделало бы его действительно равноправным с английским и французским языками» (Lüdi, 2013, S. 276).

Эта юридическая мера была бы полезна для защиты немецкого языка как национального на трех уровнях, считает Г. Люди: 1) на формальном – как способ сохранения его чистоты и противодействие его порче; 2) на национальном – как инструмент для создания единого экономического и коммуникативного пространства; 3) на международном – как противодействие падению привлекательности немецкого языка как иностранного.

В научно-аналитическом обзоре Н.Н. Трошиной и М.Б. Раренко (Трошина, Раренко, 2005) характеризуются «волны американиза-

ции немецкого языка». Первая волна пришлась на послевоенные годы, когда усиливалось экономическое и политическое влияние США на Западную Германию, где были размещены американские войска и началась «одержимость Америкой», позволившая, в частности, значительно увеличивать объемы продаж американских товаров. При этом далеко не всегда покупатели-немцы понимали (и не понимают сегодня!) англоязычные этикетки на товарах и англоязычную рекламу. Так, рекламный слоган фирмы «Douglas» «Come in and find out!» «Заходи и выбирай!» многими был понят как «Komm rein und finde wieder raus!» «Заходи и убирайся обратно!». Вторая, еще более мощная, волна англоязычных заимствований обрушилась на немецкий язык в 90-е годы XX в. – после объединения Германии. По времени это совпало с цифровой революцией в информационной сфере, в телекоммуникации и в Интернете.

По силе воздействия на различные сферы жизни компьютер можно сравнить с Библией и ее переводом на различные языки, в частности на немецкий. Освоение интернет-культуры немецким языковым сообществом сопровождается появлением ключевых когнитивных метафор, отражающих функциональные, пространственные и социальные характеристики Интернета и дают ключ к пониманию того или иного явления, задавая аналогии и ассоциации между различными системами понятий. Функционально Интернет сопоставляется с общественной памятью (ein gigantisches gesellschaftliches Gedächtnis), в контексте социальной метафорики – с глобальной деревней (das globale Dorf), которая должна жить согласно интернет-этикету (Online-Knigge¹: Etikette fürs Web). А. Глогер уже в 1999 г. имел все основания для вывода: «Повседневный немецкий язык уже никогда не будет таким, как в докомпьютерную эру. Он навсегда вбирает в себя неологизмы из языка Интернета, причем сразу же по их появлении» (Gloger, 1999).

Изменения немецкого языка, прежде всего его словаря, оказались настолько ощутимыми, что это дало М. Фуксу, члену Трехсторонней комиссии (Trilaterale Kommission) (США – Европа – Япония), повод выступить с предложением: ввести до 2010 г. в Германии английский язык как второй равноправный официальный

¹ Адольф фон Книгге – автор широко известного учебника правил хорошего тона; этот учебник 1780 г. впоследствии много раз переиздавался. Сегодня в Интернете существует специальный сайт «Хорошие манеры – одним кликом». Режим доступа: <http://www.zeno.org/Literatur/M/Knigge,+Adolph+Freiherr+von/Schriften/%C3%9Cber+den+Umgang+mit+Menschen> – *Прим. авт. (Н. Т.)*.

язык. Это предложение было подвергнуто критике со стороны общественности и не принято. В этом плане обращает на себя внимание готовность маленькой Швейцарии защищать немецкий язык как один из своих официальных языков. 18 марта 2004 г. швейцарский парламент обратился в правительство Швейцарии с предложением разработать комплекс мер, направленных на ограничение неоправданного использования англицизмов / американизмов федеральными органами, если существуют соответствующие немецкие, французские и итальянские обозначения. Парламент потребовал также запретить использование звучащих на английский манер названий федеральных учреждений и программ (например: Fedpol вместо das Bundesamt für Polizeiwesen «Федеральное полицейское управление»). Швейцарская общественность потребовала от своего правительства ясной позиции по указанной проблеме, пока оно само не превратилось из Bundesrat «Федерального собрания» в Federal Executive Committee. Ведь швейцарцы уже говорят не о Skifahren «катании на лыжах», а о Carving. Поэтому коренное население призывает правительство к принятию мер по защите главного культурного наследия страны – ее национальных языков: ведь статья 18 Конституции Швейцарии обязывает Федеральный совет, т.е. правительство Швейцарии, гарантировать свободу национальных языков – немецкого, французского, итальянского и ретороманского.

Тем не менее усиление позиций английского языка в немецкоязычных странах налицо, и еще одна причина этого состоит в том, что политическая, экономическая и культурная элита ФРГ придает английскому языку исключительно важное значение, оценивая его явно выше, чем родной немецкий и способствуя не адаптации заимствований в системе немецкого языка, а сохранению их в исконном виде. Английский язык рассматривается в высших слоях общества как средство подчеркивания собственного престижа. На этот тревожный феномен обращает внимание А.В. Кирилина: «Экспансия английского языка считается естественным процессом, отражающим новую глобальную идентичность носителей передовых взглядов. Наднациональное выражается английским языком, престижность которого высока в том числе и потому, что он, как принято считать, выражает передовые тенденции современности, олицетворяет успех. Английские названия товаров и рекламные стратегии репрезентируют глобальную эстетику, которая утверждается в повседневности через англицизмы. Тем самым создается новая система ценностей и социальных поведенческих образцов» (Кирилина, 2013). Отметим, что такой позиции сегодня далеко не всегда противостоят немецкие

германисты. Если в своих публикациях 1945–1965 гг. западногерманские ученые с сожалением отмечали нарастающее количество англоамериканизмов во всех сферах речевой коммуникации, то в современной германистике такие высказывания встречаются значительно реже. Причина таких перемен заключается в сильном влиянии, которое американская лингвистика оказала на послевоенную немецкую лингвистику, языковую критику и культуру речи: произошел отказ от принципа историзма в оценке языковых явлений, которому были привержены в течение столетий нормализаторы немецкого языка (Ю.Г. Шоттель, Й.Х. Готшед, Й.Х. Аделунг). По мнению современного лингвиста П. фон Поленца, заимствованная лексика должна оцениваться только в плане соответствия ее коммуникативной функции, т.е. эффективности языковой коммуникации (Polenz, 1977). Эта ставшая почти догматической точка зрения принципиально уравнивала в статусе синонимы Computer и Rechner «компьютер», happy и glücklich «счастливый», Ticket и Fahrkarte «проездной билет»: для языковой критики происхождение этих синонимов не играет никакой роли. Важна лишь их коммуникативная эффективность. При этом «совершенно не принимается во внимание, что коммуникация – это не только обмен информацией, но и обмен чувствами, эмоциями, традиционными ценностями, ведь речевое общение – это способ подтверждения своего происхождения, национальной принадлежности, обладания определенным культурным наследием» (Трошина, Раренко, 2005).

Усиливающееся влияние английского языка на немецкий вызывает также усиление противодействия этому со стороны носителей немецкого языка, в том числе – и даже прежде всего – самых обычных людей со средним уровнем образования. Налицо стихийный рост тревоги за судьбу немецкого языка, развитие «народной рефлексии» о немецком языке (Кирилина, 2013), ведь навязываемые унифицирующие модели далеко не всегда воспринимаются положительно или просто терпимо. Они вызывают как стихийный, так и организованный протест. Весьма эмоциональное высказывание по этому вопросу принадлежит Р. Леттау, который, получив после Второй мировой войны образование в Германии, стал преподавателем высшей школы в Америке, а в 1978 г. приехал на свою бывшую родину: «После того, как этот народ предал все, что было в нем прекрасного, достойного любви и тонкого, он теряет и свой язык. Сейчас вся Германия – не что иное, как один непрерывный курс английского языка» (цит. по: Schmitz, 2004, S. 81). С тех пор прошло еще 25 лет, пишет Х.-Г. Шмитц, и анг-

лоамериканское влияние в Германии еще более усилилось. В такой ситуации Институт немецкого языка констатирует, что «сохранение и нормальное развитие немецкого языка, как и других европейских языков в долгосрочной перспективе не гарантировано» (Memorandum). Л. Гётце даже говорит в этой связи о «лингвоциде» (Linguozid) (Götze, 2004, S. 33). В сложившейся языковой ситуации в Германии активизируется деятельность давно существующих институтов и организаций по защите немецкого языка, а также создаются новые (Кирилина, 2014).

3. Немецкий язык в сфере международных отношений

Согласно распространенному мнению, ставшему почти стереотипным, немецкий язык – это язык мудрости, английский – язык коммерции, французский – язык дипломатии. У. Аммон, ведущий немецкий социолингвист, объясняет, почему немецкий – один из коммуникативно мощных языков – не стал языком международной политики и языком дипломатии: для упрочения языка в какой-либо сфере коммуникации (в том числе и в сфере международной политики) важно, чтобы «данный язык был признан этой сферой добровольно, а не только вынужденно в соответствии с расстановкой политических сил» (Ammon, 2014, S. 707). Сегодня в международной коммуникации однозначно доминирует английский язык, за ним со значительным отрывом следует французский. По мнению У. Аммона, выбору в пользу английского языка способствовало и то, что американские президенты и главы Федерального правительства США не владели иностранными языками (исключение составлял лишь Ф. Рузвельт).

Выбор языка общения в международных политических организациях фиксируется в их Уставах, что усиливает позиции соответствующего языка и страны, где он является государственным. Возможности немецкого языка в этой сфере были изначально подорваны тем, что обе важнейшие международные политические организации были созданы после войн, которые Германия проиграла: Лига Наций (1919–1946) была создана после Первой мировой войны, Организация Объединенных Наций (ООН) – после Второй мировой войны (в 1945 г.). Официальными языками (Amtssprachen) Лиги Наций стали английский и французский, официальными языками ООН – английский, французский, испанский, русский, китайский. С 1973 г. к ним присоединился арабский.

В Европейский союз (Евросоюз, ЕС), статус которого был юридически закреплён Маастрихтским договором 1992 г., сегодня входят 28 европейских государств: Австрия, Бельгия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швеция, Эстония.

Официальными языками ЕС¹ считаются государственные языки всех стран-участниц, т.е. английский, болгарский, венгерский, греческий, датский, ирландский, испанский, итальянский, латышский, литовский, мальтийский, немецкий, нидерландский, польский, португальский, румынский, словацкий, словенский, финский, французский, хорватский, чешский, шведский, эстонский (24 языка). Это означает, что все официальные документы ЕС должны переводиться на эти языки, а граждане стран – участниц ЕС могут общаться на своих языках с институтами ЕС.

Как отмечает У. Аммон, одна из языковых особенностей Европы состоит в том, что гражданам европейских стран свойственно сильно развитое чувство национальной идентичности и, соответственно, привязанности к родному языку. Поэтому неудивительно, что уже одним из первых документов Совета Европейского экономического сообщества (15 апреля 1958 г.) был Регламент об установлении языкового режима в ЕЭС (Council Regulation № 1, 1958), в котором были сформулированы положения, регулирующие использование языков стран – основательниц ЕЭС, т.е. немецкого, французского, итальянского и нидерландского в деятельности институтов ЕЭС. Но уже тогда в ст. 6 этого Регламента оговаривалось, что в конкретных ситуациях (*in special cases*) органы ЕЭС могут выбирать языки для использования их в качестве рабочих. Этот регламент действует и сегодня, когда перечень официальных языков ЕС расширился. В реальности чаще всего выбирается английский, в результате чего бундестаг ФРГ, например, получает значительную часть документов из институтов ЕС на английском языке. Об этом пишет Я. Крузе в статье «I do not understand the EU-Vorlage: Прак-

¹ Необходимо отметить, что в институтах Европейского союза (ЕС) и Совета Европы (СЕ) в термины «официальный язык» (*Amtssprache*) и «рабочий язык» (*Arbeitssprache*) вкладывается различное статусное содержание: в ЕС статус рабочего языка (на него осуществляется как письменный, так и устный перевод) выше, чем статус официального языка (на него переводятся письменные документы). В СЕ ситуация обратная: официальные языки используются во всех функциях, рабочие – только в некоторых функциях. – *Прим. авт. (Н. Т.)*.

тические последствия языковой политики в институтах ЕС для немецкого Бундестага – результаты одного квантитативного исследования»: 43% этих документов не переводятся на немецкий язык, так как не все сотрудники Комитета по делам ЕС свободно (или достаточно) владеют английским языком. В результате многие входящие документы ЕС не просматриваются / не читаются и содержащаяся в них информация и рекомендации не учитываются при подготовке документов, рассматриваемых бундестагом, что значительно ограничивает право немецкого национального парламента на участие в законодательстве Европейского союза (*Mitwirkungsrecht an der Rechtsetzung der Europäischen Union*), зафиксированное в статье 20 Лиссабонского соглашения от 9 мая 2008 г. (Kruse, 2013).

У. Аммон (Ammon, 2014) обращает внимание на различия в использовании языков в европейских международных организациях, легитимированные ст. 6 вышеназванного Регламента: 1) в Европейском совете и Европарламенте используются все 24 официальных языка ЕС; 2) в Совете министров ЕС – все 24 языка, но преимущественно английский и французский языки; 3) в Еврокомиссии – преимущественно английский и французский языки (в меньшей степени – немецкий); 4) в Европейском суде по правам человека – французский язык; 5) в Европейском Центральном банке – английский язык. Как иронически заметила «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг», «в Брюсселе Шекспир и Вольтер вытесняют Гёте» (цит. по: Ammon, 2014, S. 742).

Статус языка в ЕС стал важным фактором для определения статуса государства в целом. Поэтому неудивительно, что страны – участницы ЕС хотят повысить статус своих государственных языков. Так, Франция стремилась в 70-е годы XX в. к признанию французского языка единственным официальным языком ЕС (*Einsprachenregelung*), пока английский не стал явно доминировать в ЕС. Теперь же, в этой новой ситуации, пишет П. Шрайнер, Франция настаивает на признании в ЕС равноправия, по крайней мере, основных европейских языков и поддерживает усилия Германии и Австрии по упрочению позиций немецкого языка (Schreiner, 2006, S. 46.).

Германия и Австрия протестуют против вытеснения немецкого языка как рабочего из использования в ЕС. Согласно распоряжению правительства ФРГ от 1984 г., немецкие официальные лица могут принимать участие в мероприятиях и встречах в институтах ЕС только в том случае, если на них предусмотрен устный перевод на немецкий язык (Ammon, 2002; Schreiner, 2006). У. Аммон считает, что квалификация немецкого языка только как

одного из официальных языков ЕС неправомерна: «Его скорее можно отнести к рабочим языкам ЕС. Этим статусом немецкий язык обладает особенно в Еврокомиссии, хотя и значительно уступает в практическом использовании английскому и французскому языкам» (Ammon, 2014, S. 728). «В Совете Европы немецкий язык имеет статус рабочего языка так же, как и итальянский и русский языки, но фактически является только официальным языком. Действительно рабочими языками являются в Совете Европы английский и французский языки (на основании Резолюции № 52 Совета Европы от 11.12.1970)» (Ammon, 2014, S. 728). Вследствие этого немецкий язык не является рабочим языком ни в Европейском суде по правам человека, ни в Европейском центре современных языков в Граце (Австрия), хотя обе эти организации являются органами Совета Европы. Такое отношение к немецкому языку У. Аммон считает тем более необоснованным, что немецкоязычные страны-участницы вносят самый большой вклад в бюджет Совета Европы¹. Тем не менее обращение немецкоязычных стран по поводу придания немецкому языку статуса рабочего языка Совета Европы было отклонено по причине отсутствия у Совета необходимых для этого финансовых средств.

4. Немецкий язык в экономической сфере

В современной ситуации экономической и коммуникативной глобализации немецкий язык стоит перед необходимостью сохранить свою привлекательность как язык крупнейшей в Европе страны и самой сильной экономики. В связи с этим У. Аммон ввел понятие экономической силы языка (*ökonomische Stärke der Sprache*) (Ammon, 1997), обозначив так возможность использовать язык в качестве «мягкой силы» (*soft power*). Влияние английского языка на немецкий оказалось настолько интенсивным, что специалисты-филологи задают вопрос: насколько все же можно считать такое влияние естественным? Иначе говоря, поставлен вопрос о возможном спланированном, целенаправленном воздействии на немецкий язык, т.е. о широкой языковой манипуляции.

¹ Интересно в связи с этим замечание В.В. Кочеткова: «Уйти от чувства вины за нацистское прошлое немцы пытаются, растворив собственную идентичность в общеевропейской. Это одна из причин, почему современная Германия является главным локомотивом Евросоюза» (Кочетков, 2015, с. 69).

О своих наблюдениях в этой ситуации пишет М. Шрёдер: «Немецкий язык более, чем какой-либо другой, находится в опасности. Он подвергается манипуляции и американизируется, и делает это не народ, а маленькая группа заинтересованных лиц в рекламе, экономике, банках, спорте, политике. Это осуществляется с помощью СМИ, которые обладают широкой сферой воздействия через молодежные, специальные, иллюстрированные журналы и т.д.» (Schröder, 2004, S. 82). М. Шрёдер цитирует заявление американского политического деятеля Т. Фридмана, которое последний сделал газете «Интернешенл Джеральд Трибьюн»: «Глобализация – это мы» («Globalisation is us»). Т. Фридман имел в виду, что главную роль в процессе глобализации играют США. Современная коммуникация и массмедиа являются способом и средством продвижения американского английского и американских культурных норм и правил по всему миру. В этой же статье М. Шрёдер цитирует Д. Роткопфа, высокопоставленного чиновника Госдепартамента США эпохи Клинтона, заявившего изданию «Форейн полиси»: «Культурные различия, существующие в современном мире, – это досадная помеха; их устранение было бы прогрессивным шагом. Языки, культуры и религии во всем их разнообразии – это разрушительные элементы (subversive elements)» (цит. по: Schroeder, 2004, S. 83). Д. Роткопф сам определяет такую позицию как «культурный империализм» (Rothkopf, 1997); об этом же пишет У. Аммон (Ammon, 2002). Более того, Д. Роткопф признает, что выдвигание английского языка на первый план, его возвышение над другими языками есть процесс искусственный, обусловленный политикой США, направленной на насаждение своей культуры по всему миру.

В целях обеспечения надежности коммуникации транснациональные корпорации, играющие ведущие роли на мировом рынке, ввели английский язык в качестве обязательного по крайней мере для особо важных информационных потоков. Одновременно реклама, менеджмент, взаимодействие с клиентами и общественностью также постепенно переводились на английский язык, поскольку рекламная кампания на одном языке обходится значительно дешевле.

Эксперты в области экономики Х. Зимон и М. Отте констатируют в статье «Трансатлантика. Начало атлантического века» (Simon, Otte, 2000) формирование новой структуры – экономического суперконтинента «Трансатлантика». Конкретно он реализуется в трансатлантических фирмах, например, в немецко-американском концерне DaimlerChrysler и в совместном банке

Deutsche Bank / Bankers Trust. Даже совсем молодые, только что созданные фирмы обнаруживают этот элемент трансатлантизма. Так, например, немецкая фирма LHS, успешный производитель компьютерных программ для телекоммуникации, вскоре после своего основания переместилась в США, пережила там период быстрого развития и успеха на бирже, затем вернулась на немецкий рынок. Фирмы, занимающие в равной степени прочные позиции и в Европе, и в США, обладают явными преимуществами перед теми фирмами, которые развивают бизнес только по одну сторону океана.

5. Немецкий язык в сфере науки и образования

К концу XX – началу XXI в. лидирующее положение в мировой науке прочно занял английский язык. Этот результат, однако, нельзя считать спланированным, считает американский исследователь Р. Каплан (Kaplan, 2001): это, скорее всего, – результат экономического доминирования в мире США.

Утрата немецким языком своих позиций в сфере науки и образования вызывает особую тревогу и у немецких специалистов, и у широкой немецкой общественности. В конце 90-х годов У. Аммон провел специальное исследование на эту тему, подчеркнув, что сфера науки охватывает множество различных институтов, организаций и органов, статус и функции языка в которых могут различаться. Функция какого-либо языка как международного языка науки определяется тем, на скольких территориях и в каких институтах он используется как *lingua franca* (Ammon, 1998, S. 810; см. также: Földes, 2005).

Как международный язык науки немецкий занимает различные позиции в зависимости от отрасли знания. Часто повторяемое утверждение, что в целом ряде научных дисциплин немецкий язык все еще сохраняет лидирующие позиции, должно отойти к сфере преданий и мифов, пишет У. Аммон (Ammon, 1998, S. 814). На немецком языке публикуется больше работ по социальным наукам, чем по естественным; ср. долю в процентах: социология – 5,7; экономика – 9,6; политология – 12,4; антропология – 10,1; химия – 5,5; биология – 2,5; физика – 3,9; медицина – 5,5; математика – 3,6. Что же касается разделения научных дисциплин на теоретические и прикладные, то немецкий язык используется чаще во вторых, чем в первых: 1) биология: 12% нем. яз. – 88% англ. яз; 2) общая меди-

цина: 34,2% нем. яз. – 74,2% англ. яз.; 3) геология: 72,5% нем. яз. – 26% англ. яз.; 4) клиническая медицина: 78,6% нем. яз. – 20% англ. яз. (Ammon, 1998, S. 815). Первые два направления (биология и общая медицина) ориентированы преимущественно теоретически, в то время как два последних направления (геология и клиническая медицина) – практически. При этом разделение научных исследований на теоретические и практические легче провести в естественных науках, чем в гуманитарных и социальных. Последние, так же, как и прикладные науки, предполагают более свободное владение иностранным языком, чем это необходимо для теоретических естественных наук с их развернутым аппаратом формул. Этим и объясняется нежелание многих ученых-гуманитариев и прикладников перейти с хорошо освоенного ими немецкого языка на английский.

Английский язык все более активно используется в качестве языка обучения в немецких и австрийских университетах, чтобы привлечь студентов и ведущих мировых специалистов из разных стран мира. В связи с этим О. Рёш, профессор Высшей технической школы в Вильдау (Германия), ставит вопрос о том, как это сказывается на вербальном общении в академической сфере. При этом англоязычные учебные курсы квалифицируются как «маркетинговый инструмент» (Rösch, 2015, S. 20), применяемый в университетской практике с 90-х годов XX в., что свидетельствует о наличии развитого международного общения в данной сфере. Германия занимает в этом отношении второе место после Нидерландов, хотя процент иностранных студентов в немецких университетах снизился с 9 в 2000 г. до 7 в 2009 г. По результатам опроса 2009 г. о причинах выбора иностранными студентами немецкого университета «наличие программ на английском языке» называется в предпоследнюю очередь, что противоречит логике международного общения в высшей школе. Только высокое качество образования и хорошие условия для учебы и занятий научными исследованиями, равно как и политика, направленная на укрепление престижа немецкого языка как языка высшего образования, действительно привлекают иностранных студентов в немецкие вузы.

Однако вытеснение немецкого языка из учебного процесса в высшей школе Германии – это факт, на который невозможно закрывать глаза. В связи с этим в 2009 г. была принята совместная декларация президентов фонда Александра фон Гумбольдта, Немецкой службы академических обменов, Гёте-института и Конференции ректоров высшей школы «О немецком языке как языке науки», в которой подчеркивалось, что английский и немецкий

языки должны не конкурировать в учебном процессе, а дополнять друг друга. Это же акцентировалось и в «Меморандуме Немецкой службы академических обменов» 2010 г. В 2011 г. Конференция ректоров высшей школы разработала рекомендации по языковой политике для немецкой высшей школы, указывая на ряд негативных последствий «вынужденного использования английского языка» (Rösch, 2013, S. 71) в этих учебных заведениях:

1) снижение эффективности и результативности научной коммуникации в результате отказа от использования в ней родного языка;

2) смещение акцентов при оценке результатов конкурсов (Wettbewerbsverzerrungen) из-за того, что мало учитываются публикации не на английском языке;

3) недостаточный уровень знания английского языка как у студентов, так и у преподавателей, что снижает языковой и культурный уровень научных дискуссий и ограничивает познавательные возможности участников;

4) осложнение интеграции иностранных исследователей и студентов в культуру принимающей страны.

В дискуссии о снижении роли немецкого языка в академической сфере подчеркивается, что эта ситуация подрывает основы немецкой языковой и культурной идентичности, создает «научно-языковую безъязыкость» (wissenschaftliche Sprachlosigkeit) и «безъязыкое моновязычие» (sprachlose Einsprachigkeit) (Rösch, 2013, S. 71–72). Признавая, что лидирующая роль английского языка в мире – это свершившийся и необратимый факт, О. Рёш считает, что следует признать также и то, что это – проблема не столько прагматическая, сколько культурная: вытеснение родного языка из сферы высшего образования означает обеднение национальных культурных традиций. Сложившаяся ситуация квалифицируется как незаметно совершившийся культурный перелом, который может привести к снижению престижа науки в немецком обществе и к усилению социальных противоречий в нем.

6. Немецкий язык в России

Сегодня в России немецким языком владеют около 2% населения, т.е. около 3 млн человек (Какими языками владеют россияне). В это число входят не только лица, владеющие немецким как иностранным, но и российские немцы, для которых немецкий язык является родным.

Востребованность немецкого языка в России прослеживается на протяжении нескольких столетий прежде всего в деловой сфере, так как деловые отношения русских и немцев начались совсем не в XVIII в. (как часто думают), т.е. не с появлением здесь немецких колонистов, прибывших по приглашению Екатерины Второй для освоения земель в южных регионах России. Первые письменно зафиксированные свидетельства российско-германских экономических контактов относятся к началу X в., т.е. к эпохе Киевской Руси: уже тогда был подписан «Раффельштеттенский таможенный устав» (Raffelstettener Zollordnung), в котором «ругам», т.е. купцам из Киевской Руси, предоставлялись некоторые привилегии для транспортировки грузов по Дунаю (Раффельштеттен – городок на Дунае, который находится недалеко от современного австрийского города Линца). «Устав», изданный между 904 и 906 гг. королем Людовиком IV, также регулировал пошлины в так называемой Баварской восточной марке, т.е. в маркграфстве Австрия.

Начиная с XII в. в России обосновываются немецкие ремесленники, купцы, знахари, а в XVIII в. и колонисты. Последние появились здесь в соответствии с екатерининскими Манифестами 1762 и 1763 гг., предоставлявшими колонистам пахотные земли, а также привилегии, и сохранявшими привычный уклад жизни и вероисповедание. Если учесть также развитие контактов в области науки и образования, то становится понятна востребованность немецкого языка в России на протяжении столетий.

Однако несмотря на такой благоприятный исторический фон, немецкий язык сдает свои позиции в сегодняшней России под натиском английского языка и занимает второе место после него во многих сферах экономики: в банковской сфере, аудите, машиностроении, медицине и фармацевтике, логистике, юриспруденции и т.д.

Востребованность знания определенных иностранных языков обуславливает и количество подготавливаемых по ним специалистов. В 2011 г. на эту тему было проведено социологическое исследование, результаты которого изложены в книге С.С. Соловьева и Н.В. Минаковой «Состояние и основные тенденции рынка переводческих услуг в современной России: Социологический анализ» (Соловьев, Минакова, 2012). Результаты говорят о том, что в 2011 г. немецким языком владели 48,9% выпускников языковых вузов, английским же – 96,8%! Интересно и другое явление, которое было отмечено авторами этого же проекта и которое относится уже непосредственно к деловой сфере: количество документов на немецком языке продолжает расти, и «значительная часть переводов для не-

мецких фирм с немецкого на русский язык и с русского на немецкий выполняется сегодня в России, благодаря чему рынок немецких переводов в Москве даже более благоприятный, чем рынок английских переводов» (Соловьев, Минакова, 2012, с. 41). Складывается интересная ситуация: рынок переводов с немецкого и на немецкий растет, а специалистов с немецким языком подготавливается меньше!

Немецкий язык востребован сегодня, в первую очередь, как второй иностранный (после английского) или как важное дополнение к профессиональным знаниям в какой-либо другой сфере деятельности. Эта особенность применения немецкого языка сегодня была официально отмечена в «Резолюции о признании владения немецким языком как квалификационным признаком в международном деловом общении», которая была принята на 10-м съезде Международного союза германистов в Вене в 2010 г. (Akten des X. Internationalen Germanistenkongresses Wien 2000, 2002, S. 167). Если в России в описании вакансии указывается, что требуется знание какого-либо иностранного языка помимо английского, то «на первом месте стоит немецкий язык (25%), на втором – французский (22%) и на третьем – китайский (19%) языки» (Соловьев, Минакова, 2013, с. 11). С.С. Соловьев и Н.В. Минакова утверждают, что в 2002 г. «английский язык уверенно знало около 5% россиян», но «за истекшие 10 лет это количество увеличилось» (Соловьев, Минакова, 2012, с. 12). Этому во многом способствовало возрастающее влияние информационных технологий на повседневную жизнь и профессиональную среду, на общение путем использования ресурсов компьютерно-опосредованной коммуникации, а также участие в международных конференциях, усиление партнерских отношений и т.п.

Таким образом, языковая ситуация в России в плане востребованности немецкого языка как иностранного во многом сходна с ситуацией в других европейских странах, где также, в первую очередь, востребован английский язык. Однако именно в силу своей распространенности в разных сферах коммуникации английский язык перестает быть достаточным критерием для профессиональной коммуникации, что является ресурсом для усиления позиций немецкого языка. Поэтому не стоит удивляться убеждению преподавателей немецкого языка в российских вузах, что английским сегодня владеет почти каждый, а немецкий знают куда меньше людей. А он нужен! (Voronina, 2011).

Список литературы

- Болонский процесс. – Mode of access: [http:// www.ehea.info](http://www.ehea.info)
- Домашнев А.И., Копчук Л.Б. Типология сходств и различий языковых состояний и языковых ситуаций в странах немецкой речи. – СПб., 2001. – 165 с.
- Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств. – Mode of access: <http://conventions.coe.int/Treaty/RUS/Treaties/Html/148.htm>
- Какими языками владеют россияне. – Mode of access: <http://www.liveinternet.ru/users/maksimo/post102019260/>
- Кирилина А.В. Лингвофилософская рефлексия в эпоху глобализации // Вопр. психолингвистики. – М., 2013. – № 2 (18). – С. 36–45.
- Кирилина А.В. Немецкий язык и дискурс глобализации // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. – М., 2014. – Т. 11: Языковая системность и дискурсивные практики. – С. 11–22.
- Кирилина А.В. Сходства в развитии коммуникативно мощных европейских языков в эпоху глобализации // Вопр. психолингвистики. – М., 2015. – № 2 (24). – С. 77–89.
- Кочетков В.В. Идентичность и культура в современных международных отношениях. – М., 2015. – 317 с.
- Ларина Ю. Большинство меньшинств // Московская немецкая газета = Moskauer deutsche Zeitung. – М., 03.06.2015. – С. 1.
- Романо-германская контактная зона: Языки и диалекты Люксембурга / Отв. ред. Домашнев А.И. – СПб., 1993. – 254 с.
- Романо-германская контактная зона: Языки и диалекты Швейцарии / Отв. ред. Домашнев А.И. – Л., 1990. – 224 с.
- Смирницкая С.В. Ареальная специфика рейнско-мозельского региона. – Л., 1988. – 189 с. – (Романо-германская контактная зона).
- Соловьев С.С., Минакова Н.В. Состояние и основные тенденции рынка переводческих услуг в современной России: Социологический анализ. – М., 2012. – 143 с.
- Трошина Н.Н. Востребованность немецкого языка в академической сфере // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: Теория и практика обучения и перевода: Материалы 3-й Международной науч.-метод. конф., Уфа, 17–18 дек. 2014. – Уфа, 2014. – Т. 2. – С. 216–225.
- Трошина Н.Н. Востребованность немецкого языка в современном российском деловом мире // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: Теория и практика обучения и перевода: Материалы Международной науч.-метод. конф., Уфа, 5–6 дек. 2013. – Уфа, 2013. – С. 405–410.
- Трошина Н.Н. Филл А.: Проблемы экологической лингвистики: Науч.-аналит. обзор // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание: РЖ / РАН. ИНИОН. Центр. гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. – М., 1997. – № 3. – С. 41–57.

- Трошина Н.Н., Раренко М.Б.* Немецкий язык в эпоху глобализации // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. Ежегодник / РАН. ИНИОН. Центр. гуманит. науч.-информ. иссслед. – М., 2005: Теории истины. Язык в контексте глобализации. – С. 131–164.
- Akten des X. Internationalen Germanistenkongresses, Wien 2000. – Wien, 2002. – Bd 1. – S. 167.
- Ammon U.* Die deutsche Sprache in Deutschland, Österreich und der Schweiz: Das Problem der nationalen Varietäten. – B.; N.Y., 1995. – 575 S.
- Ammon U.* Die Stellung der deutschen Sprache in Europa und Modelle der Mehrsprachigkeit // Die sprachliche Zukunft Europas: Mehrsprachigkeit und Sprachenpolitik. – Baden-Baden, 2002. – S. 19–36.
- Ammon U.* Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt. – B.; N.Y., 2014. – XVIII, 1296 S.
- Ammon U.* English as an academic language in Europe: A survey of its use in teaching. – Frankfurt a. M. etc., 2002 a.–204 p.
- Ammon U.* Heutige Fachsprachen im interkulturellen Austausch. 1: Die Stellung der deutschen Wissenschaftssprachen außerhalb des deutschen Sprachgebiets // Fachsprachen: Languages for special purposes. – B.; N.Y., 1998. – Hbd 1. – S. 809–819.
- Ammon U.* Schwierigkeiten bei der Verbreitung der deutschen Sprache heute // Muttersprache. – Wiesbaden, 1997. – N 1. – S. 17–34.
- Council regulation № 1 // Official j. of the Europ. Union. – Brussels, 06.10.1958. – N 17. – P. 0385–0386.
- Das Statistik-Portal. – Mode of access: [http://de.statista.com/statistik/daten/studie/150407/umfrage/die-zehn-meistgesprochenen-sprachen-weltweit/Deutsch als Minderheitensprache](http://de.statista.com/statistik/daten/studie/150407/umfrage/die-zehn-meistgesprochenen-sprachen-weltweit/Deutsch%20als%20Minderheitensprache); <http://www.dw.com/de/deutsch-als-minderheitensprache/a-18061337>
- Fill A.* Ökologuistik: Eine Einführung. – Tübingen, 1993. – 151 S.
- Földes Cs.* Wissenschaftssprachen und Wissenschaftskommunikation im Spannungsfeld zwischen Deutsch als Nationalsprache und Englisch. – München, 2005. – S. 258–272.
- Gloger A.* Do you speak Internet? // Die Welt. – B., 1999. – 22.12.
- Götze L.* Ökonomische Globalisierung – kulturelle Verwahrlosung // Germ. Studien. – Tbilissi, 2004. – N 4. – S. 28–35.
- Haarmann H.* Multilingualism: Elemente einer Sprachökologie. – Tübingen, 1980. – 234 S.
- Haugen E.* The ecology of language // Haugen E. The ecology of language / Essays by Einar Haugen. – Stanford, 1972. – S. 325–339.
- Heinemann G.W.* Reden und Interviews. – Bonn, 1973. – S. 138–150.
- Kaplan R.B.* English – the accidental language of science? // The dominance of English as a language of science: Effects on other languages and language communities. – B.; N.Y., 2001. – P. 3–26.
- Kruse J.* «I do not understand the EU-Vorlage»: Folgen der sprachpolitischen Praxis in den Institutionen der EU für den Deutschen Bundestag – Ergebnisse einer quantita-

- tiven Untersuchung // Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache. – B.; Boston, 2013. – S. 309–323.
- Lüdi G. Ist Englisch als *lingua franca* eine Bedrohung für Deutsch und andere Nationalsprachen? // Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache. – B.; Boston, 2013. – S. 275–292.
- Memorandum des Instituts für deutsche Sprache. – Mode of access: <http://www.ids-mannheim.de/aktuell/sprachpolitik/me010403.html>
- Online-Knigge: Etikette fürs Web. – Mode of access: http://praxistipps.chip.de/online-knigge-etikette-fuers-web_19559
- Polenz P. v. Deutsche Sprachgeschichte vom Spätmittelalter bis zur Gegenwart. – B.; N.Y., 1999. – Bd 3. – 757 S.
- Rösch O. Internationalisierung der Hochschulbildung – und was ist mit Kultur? // Die neue Hochschule. – Bonn, 2013. – S. 70–74.
- Rösch O. Internationalisierung der Hochschulbildung – was sind *unsere* Ziele? // Die neue Hochschule. – Bonn, 2015. – S. 18–24.
- Rothkopf D. In praise of cultural imperialism? // Foreign policy. – 1997. – N 107, summer. – P. 38–53.
- Schmitz H.-G. Anglizismen in der deutschen Gegenwartssprache, in der deutschen Sprachwissenschaft und im Deutschunterricht // Germ. Studien. – Tbilissi, 2004. – N 4. – S. 66–81.
- Schreiner P. Deutsch im Konzert europäischer Sprachen: Über die Sprachpolitik der EU und die Situation der deutschen Sprache auf europäischer Ebene // Der Sprachdienst. – Wiesbaden, 2006. – H. 4 / 5. – S. 41–51.
- Schroeder M. Die deutsche Sprache angesichts der Globalisierung // Germ. Studien. – Tbilissi, 2004. – S. 82–84.
- Simon H., Otte M. Transatlantica: Das atlantische Jahrhundert beginnt // Internationale Politik. – Bonn, 2000. – N 3. – S. 11–18.
- Troshina N. Betrieblicher Deutschunterricht in Russland // Die deutsche Sprache in Russland: Geschichte, Gegenwart, Zukunftsperspektiven. – München, 2011. – S. 225–233.
- Troshina N. Nachfrage nach Deutschkenntnissen im heutigen Russland // Vielfalt, Variation und Stellung der deutschen Sprache. – B.; Boston, 2013. – S. 477–488.
- Variantenwörterbuch des Deutschen: Die Standardsprache in Österreich, der Schweiz und Deutschland sowie in Liechtenstein, Ostbelgien und Südtirol / Ammon U., Bickel H., Ebner J. et al. – B.; N.Y., 2004. – LXXV, 954 S.
- Voronina G. Motive der Wahl von Deutsch an Schule und Hochschule // Die deutsche Sprache in Russland: Geschichte, Gegenwart, Zukunftsperspektiven. – München, 2011. – S. 275–286.

А.В. Кирилина

ЛИНГВОФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ¹

*Московский городской педагогический университет,
Московский институт лингвистики
alkira@list.ru*

В статье критически рассмотрены некоторые аспекты формирования новой философии языка на рубеже XX–XXI вв. – концепция фрагментарного, усеченного и мобильного языка Й. Бломмаэрта; интерпретация языка как культурного конструкта; апология ослабления коммуникативно мощных европейских языков. Сделан вывод о новой философии языка как идеологическом обеспечении глобализации.

Ключевые слова: глобализация, социолингвистика, лингвофилософия.

THE LINGUOPHILOSOPHICAL REFLEXION IN THE AGE OF GLOBALIZATION

*Alla V. Kirilina
The Moscow Pedagogical University,
The Moscow Institute of Linguistics
alkira@list.ru*

¹ Опубликовано: Кирилина А.В. Лингвофилософская рефлексия в эпоху глобализации // Вопросы психолингвистики. – М., 2013. – № 2 (18). – С. 36–45. Перепечатано с исправлениями и дополнениями под ред. Трошиной Н.Н.

Исследование проведено в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы (Мероприятие 1.1. «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров»). – *Прим. авт. (А. К.).*

The article deals critically with some new aspects of language philosophy at the turn of XX – XXI century: the conception of fragmentary, truncated, mobile language (J. Blommaert); language as a cultural construction; an apology of the submergence of communicative powerful European languages. The conclusion about the new language philosophy as the ideological support of globalization is being formulated.

Key words: globalization, sociolinguistics, linguophilosophy.

С осознанием глобализационных тенденций и накоплением данных о функционировании языка в новых условиях стали появляться инновации в осмыслении сущности языка. Отчасти они вызваны стремлением согласовать понимание языка с глобализацией и с понятием *потоков*, широко распространенным в интерпретации глобального. С другой стороны, усиливающаяся вариативность и фрагментированность языка отражают усиление локальных процессов, в определенной мере противодействующих глобализации (Globalization and the future of German, 2004).

Не имея возможности в рамках одной статьи осветить все стороны вопроса, мы остановимся главным образом на идеологическом аспекте философии языка эпохи глобализации.

1. Концепции языка эпохи глобализации¹

Глобализация исследуется с точки зрения ее импликаций для использования языка; рассматриваются язык как социальная деятельность и его изменение под воздействием меняющихся социальных условий.

Социолингвистическую теорию эпохи глобализации предлагает Й. Бломмаэрт (Blommaert, 2010), отмечая, что языки все больше используются «фрагментами», связанными с одной – очень узкой – областью. Репертуар такого «фрагмента» Бломмаэрт предлагает называть *усеченным* (*truncated*) использованием языка.

Бломмаэрт считает, что большинство социолингвистических теорий рассматривает язык как принадлежность определенных территориальных рамок – города / населенного пункта, однако сегодня вследствие мощных миграционных процессов и новых коммуникационных технологий языковой мир вышел за их пределы, и необ-

¹ Более подробно см.: Раздел Языки и глобализация // Вопр. психолингвистики. М., 2013. – № 1, 2013 – С. 29–47. – *Прим. авт. (А. К.)*.

ходима новая теория. В качестве решения Бломмаэрт предлагает пересмотреть соссюрианскую модель языка и призывает видеть в языке набор мобильных транслокальных оперативных ресурсов, а не локализованные и привязанные к месту («sedentary») социолингвистические модели (Blommaert, 2010). Свою концепцию автор называет социолингвистикой ресурсов, а не языков; центральным теоретическим понятием является *мобильность* – «смещение языка и языковых событий с фиксированных позиций во времени и пространстве, атрибутируемых им более традиционной лингвистикой и социолингвистикой (соссюрская синхрония), что влечет за собой смену парадигмы» (Blommaert, 2010, 21).

Наряду с рассмотрением языка как потока, как мобильной сущности, в научной литературе обсуждаются частотная для языков с высоким коммуникативным рангом тенденция, названная *сокращением языка* (*submergence*) – уход языков из ряда важных общественных сфер – научного дискурса, международной коммуникации, бизнеса и др. под влиянием глобального английского (Ammon, 2010), а также ряд общих черт, которые проявляют коммуникативно мощные языки стран Европы.

Язык рассматривается и как важнейшая составляющая глобализационного дискурса (Трошина, Раренко, 2005; Fairclough, 2006; Гриценко, Кирилина, 2010).

Объективные изменения в функционировании и научном осмыслении языков приобретают, однако, идеологизированное звучание при рассмотрении проблемы с точки зрения взаимосвязи языка и этнической / национальной идентичности.

2. Интерпретация понятия *национальный язык* в связи с критическим переосмыслением понятия «нация» и разработкой социальной философии «постнационального мира»

К концу первого десятилетия XXI в. стало ясно, что глобализационные процессы более сложны и противоречивы, чем это представлялось на рубеже веков (Coupland, 2010). Например, усилилась фрагментация общества, и на территории одной страны можно обнаружить и области наднациональной метроэтничности, т.е. «облегченной», игровой, изменчивой, гибкой этнической идентификации, присущей жителям современных мегаполисов (Maher, 2005; Maher, 2010), и локусы традиционные, слабо затронутые глобализацией.

Растет, воздействуя на местные идиомы, число «гибридных форм» языка, что связано с мощными миграционными процессами. Интерпретация этих процессов в гуманитарном знании не свободна от идеологической ангажированности. Еще более значим тот факт, что сегодня со всей очевидностью происходит создание новой модели человека и ее внедрение в массовое сознание. Это означает и политизацию обсуждения вопроса о языке. Так, уже примерно с 80-х годов XX в. происходит активизация конструктивистских идей (эпистемологического подхода, согласно которому субъект не отражает мир, а активно его интерпретирует при действенном участии общества) (*Einführung in den Konstruktivismus*, 1992), и в их свете ширится критическое осмысление сущностей, связанных с миром национальных государств.

Важную роль в этой дискуссии играет критика понятия «национальный язык». Здесь мы отметим явное оживление полемики универсалистов (конструктивистов) и лингводетерминистов (нередко стоящих на примордиалистских позициях (примордиализм – взгляд на этническую группу как на изначально данное и неизменное объединение людей «по крови» с четко проявленными постоянными признаками). Достаточно вспомнить дискуссию Анны Вежбицкой с С. Пинкером, И. Валлерштайном и др. (Вежбицкая, 1999). Так, на взгляд И. Валлерштайна, «расы, культуры и народы не представляют собой сущностей. Они не имеют фиксированных очертаний. Таким образом, каждый из нас является членом многочисленных – на самом деле несчетного числа – “группировок”, пересекающихся, частично совпадающих и вечно развивающихся» (Vallerstein, 1994 – цит. по: Вежбицкая, 1999, с. 286).

Эта полемика продолжается и по сей день: см. дискуссию в журнале «Политическая лингвистика» (Аникин, Чудинов, 2011; Серио, 2011; Павлова, Безродный, 2011; Шмелев, 2011; Дементьев, 2012), а также отзыв Д.Б. Гудкова о лекции П. Серио, прочитанной в МГУ в марте 2010 г. (Гудков, 2010). Эта дискуссия принимает подчас весьма ожесточенный характер¹.

Универсалисты, отрицающие взаимосвязь языка и мышления, лингвокультурную самобытность народов, сближаются в этом от-

¹ Одна из броских черт дискуссии – обвинение российских и восточно-европейских лингвистов, многие из которых в той или иной мере разделяют лингводетерминистские воззрения, в ненаучности (см.: <http://discoursforum.forum24.ru>). Однако этот важный и требующий отдельного обсуждения вопрос мы вынуждены пока оставить без рассмотрения.

рицании с радикальными конструктивистами. Те же вслед за Б. Андерсоном (Anderson, 1983) объявляют нации воображаемыми сущностями, а национальные языки (со ссылкой на М.М. Бахтина) – сконструированными артефактами. Так, М. Биллиг считает: «Понятие ‘языка’, по крайней мере в том смысле, который кажется ‘нам’ столь банально очевидным, само может быть изобретенной непреложностью, созданной в эпоху национального государства. Если дело обстоит именно так, то не столько язык создает национализм, сколько национализм создает язык; или, скорее, национализм создает ‘наше’ обыденное представление о том, что существуют ‘естественные’ и бесспорные вещи, называемые различными ‘языками’, на которых мы говорим» (Биллиг, 2005, с. 77).

При формировании политической, культурной и этнической идентичности сообществ язык всегда играет центральную роль (Gardt, 2004), поэтому разрушение понятий *нация*, *культура*, *национальная идентичность*, *этничность* влечет за собой и ревизию понятия *национальный язык*, который признается конструктом – и ненужным: «Пока язык не будет так же четко отделен от государства, как религия в Соединенных Штатах по американской Конституции, он будет оставаться постоянным и, вообще говоря, искусственным источником междоусобиц» (Хобсбаум, 2005, с. 58).

Подобные концепции отрицают идею культурной обусловленности языка и мышления и дезавуируют понятия «нация», «народ», «национальный язык». Более того, некоторые лингвисты связывают универсализм с демократией, а в лингводетерминизме усматривают путь к нацизму, как это сделал Патрик Серио, выступая в 2010 г. в МГУ.

«Наднациональный взгляд» меняет и интерпретацию местных языков: теоретически обосновывается их автономность от породивших их культур.

Проблема владения / невладения местным языком также рассматривается в ключе отрыва языка от культуры его носителей и права мигрантов обращаться с языком по своему усмотрению. Так, обсуждая языковую ситуацию в Германии, Я. Ылдыз отмечает, что «сосредоточенность на глобализации и английском имплицитно предполагает, что сам немецкий остается неизменным, а это не так» (Yildiz, 2004, с. 322). Я. Ылдыз считает: в Германии доминирует мнение, что немецкий язык – собственность только лишь этнических немцев, а другие могут лишь пользоваться, но не владеть им. Я. Ылдыз утверждает, что заявления о порче языка вызваны нежеланием признать, что он не только достояние этниче-

ских немцев и что есть много других говорящих на немецком языке. Я. Ёлдыз настаивает: говоря о будущем немецкого языка, следует переосмыслить *считающуюся сегодня органической взаимосвязь между этническими немцами и немецким языком*. Я. Ёлдыз представляет точку зрения мигрантов. Действительно, чтобы в полной мере понять ситуацию местного языка, надо рассматривать глобализацию как стимул и процесс транснационального взаимодействия. Например, считается, что миграция как транснациональный феномен создала условия для возникновения новых форм немецкого языка (Globalization and the future of German, 2004)¹.

Носителям же языка и культурной традиции свойствен другой взгляд: транснациональная идентичность *не испытывает страха утраты языка* (выделено нами. – А. К.), и ничто не сдерживает ее в экспериментах с языком (Nürrauf, 2004).

Снятие понятий «народ», национальное государство», «этничность» как нельзя лучше сочетается с провозглашаемой глобализацией идеей «свободного передвижения людей и капиталов». При такой постановке вопроса нет народа, нет понятия родной страны, своей земли, а есть лишь территория, на которой (временно) находятся наемные работники, и нет никакого критерия различия между представителями местной культуры и инокультурным мигрантом. Нет, следовательно, и языка, нуждающегося в культивировании. Трудно не увидеть в этом тесную связь лингвофилософии с идеологией и политикой.

Официальная языковая политика Германии, в которой немецкий язык не закреплен конституционно как государственный, способствует названному течению событий. Существует также историческая специфика развития некоторых стран: так, в германском гуманитарном знании по известным историческим причинам весьма распространен отрицательный взгляд на понятия *нация* и *национальный язык*.

Мы привели в пример немецкий язык, однако и на материале русского можно прийти к подобным выводам. И в России официальные меры по поддержке и защите государственного языка недостаточны (это тема для специального обсуждения, и мы ограничимся пока лишь указанием на то, что в настоящее время Закон о

¹ Значительно реже упоминается, что само положение немецкого языка и культуры после 1945 г., отсутствие закона о языке и многое другое, связанное с подавлением национального чувства, также способствовало ослаблению позиций немецкого языка.

языках народов Российской Федерации от 25.10.1991 № 1807–1 (с дальнейшими изменениями в ред. Федеральных законов от 24.07.1998 № 126-ФЗ, от 11.12.2002 № 165-ФЗ) не в полной мере учитывает столь значимое явление, как коммуникативный ранг и статус языка. Русский язык – один из мировых языков и единственный мировой язык из всех языков народов России, язык межнационального общения – хотя и признан в ст. 2 Закона государственным, рассматривается далее наравне с региональными. Между тем, говоря о национальных языках эпохи глобализации, необходимо разграничивать их коммуникативный статус – «малые», нередко бесписьменные, языки с небольшим числом носителей не слишком мешают глобализации и в официальном дискурсе ООН, ЮНЕСКО и подобных организаций рассматриваются как культурное достояние, требующее заботы и сохранения.

Политизация национального самосознания на Украине, в Латвии, Эстонии, Польше и др. странах (преимущественно Восточной Европы) вызывает и жесткую по отношению к неместным языкам политику – отказ в гражданстве для не владеющих государственным языком и т.п. Апология такой дискриминации также политизирована и, как правило, вербализуется в терминах освобождения от советского влияния и «гнета» русского языка (примечательно, что при этом место языка с высоким коммуникативным статусом и социальным престижем занимает не местный национальный, а английский). Коммуникативно же мощные европейские языки – немецкий, русский, французский, итальянский – напротив, встречают иное отношение. На них направлено основное давление глобализации.

Отметим и связанные с отрицанием национальных языков агрессивные выступления против конкретных культур (в первую очередь – русской): так, И.Г. Яковенко, обсуждая русскую культуру, настаивает: «Произошло самое главное – культура критически утратила эффективность. Массы ее носителей не осознают и не формулируют этого. Данная истина табуирована к осознанию и произнесению» (Яковенко, 2012). Названный автор провозглашает «неэффективность» русской культуры: «...что многие российские сказки воспроизводят тупиковые установки. Необходимо разрушение установки на чудо, которое дает все и сразу некоторым волшебным образом. Ковер-самолет, гусли-самогуды, скатерть-

самобранка, неразменный пятак¹ и прочие радости магического мира, в котором не надо сеять, жать и класть в закрома, для того чтобы сытно кушать, фундаментальным образом противостоят позитивной жизненной позиции» (Яковенко, 2012).

После провозглашения вредоносности русской культуры уже не удивляют пассажи вроде «Выход из **гетто русского языка**» (там же. – Здесь и далее выделено нами. – А. К.) и даже призыв фактически искоренять носителей русской культуры: «Российская традиция есть традиция социоцентричного общества. Необходимо трансформировать этот комплекс и сформировать персоноцентристскую целостность... **Следование изживаемым ценностям должно быть связано со смертельной опасностью**» (там же. Выделено нами. – А. К.).

Еще одна причина интенсивной лингвофилософской рефлексии – формирование оппозиции английский язык / неанглийские языки и снижение значимости «неанглийских» языков в мире.

Экспансия английского языка считается естественным процессом, отражающим новую глобальную идентичность носителей передовых взглядов. Наднациональное выражается английским языком, престижность которого высока в том числе и потому, что он, как принято считать, выражает передовые тенденции современности, олицетворяет успех. Английские названия товаров и рекламные стратегии репрезентируют глобальную эстетику, которая утверждается в повседневности через англицизмы. Тем самым создается новая система ценностей и социальных поведенческих образцов. Важнейшим результатом этого становится не языковое воздействие англицизмов само по себе, а возникновение социальных групп, ориентирующихся на глобализацию, ее культурное отчуждение и возникающую вследствие этого социальную поляризацию (Augustyn, 2004). Именно поэтому, считает П. Аугустин, усилия пуристов не приносят ощутимых результатов – они направлены не на первопричину языковых заимствований. При этом никто не называет глобальный английский идеологическим конструктом. Напротив, как отмечает Д. Камерон (Cameron, 2002), по всему миру интенсивно распространяется англоамериканский коммуникативный стиль, представляемый как универсальный набор коммуникативных норм.

¹ Тот факт, что подобные образы в большинстве случаев – часть или проекция бродячих сюжетов, во внимание не принимается.

Д. Камерон рассматривает обучение иностранному языку и «коммуникативным навыкам» как повод для рефлексии о роли языка в новом глобализирующемся мире. Автор отмечает: «Полагаю, на наших глазах происходит формирование нового важного дискурса о языке и коммуникации, имеющего значимые импликации как для обучения языкам, так и для обсуждения политики такого обучения» (Cameron, 2002, с. 68).

Насаждение единых норм общения, жанров и стилей речи *сквозь* все языки проводится под предлогом того, что они дают максимальный «эффект» в «коммуникации» (Cameron, 2002, с. 69). Вместе с языком насаждаются чужой взгляд, чужая система оценок, чужое определение того, что есть приемлемо или желаемо в нашем собственном языке. В соответствии с этой идеей проблема состоит «не в различии языков – а в различии воплощаемых ими разных, иногда несоизмеримых картин мира. В этом и проявляется глубинное различие, которое необходимо устранить для эффективности глобальной коммуникации. Так происходит превращение каждого языка в средство укоренения сходных ценностей и средство разыгрывания всеми говорящими сходной социальной идентичности и роли» (Cameron, 2002, 69). Д. Камерон указывает, что ей не известен ни один случай, когда эксперты в качестве образца рекомендовали бы нормы незападного и неанглосаксонского общества.

Английский теснит коммуникативно мощные национальные языки и служит также выражению отчуждаемого: подобная философия языка весьма часто явочным путем превращается в основу для языковой политики, даже если таковая не провозглашается. Наглядным примером может служить следующий материал СМИ:

МОСКВА, 13 марта (2012) – РИА «Новости». Центризбирком РФ счел невозможным проведение в стране референдума о присоединении России к ВТО, согласившись с отрицательным заключением на соответствующую инициативу экспертной группы комиссии...

В заключение также говорится, что протокол о присоединении РФ к ВТО подписан на официальных языках Всемирной торговой организации: английском, французском и испанском. Приложения составлены на английском языке.

«На русском языке – государственном языке России – протокол не подписывался, так как он не является официальным языком ВТО. В связи с изложенным, в настоящее время **гражданин РФ не имеет возможности ознакомиться с положениями указанных условий и обязательств в целях совершения**

осознанного выбора, таким образом, действительная воля народа РФ в ходе референдума может быть искажена», – отмечается в заключении.

(<http://www.ria.ru/economy/20120413/624990579.html> (дата доступа 14 апреля 2012)) – выделено нами. – А. К.)

Английский тем не менее может служить не только выражением глобальной идентичности, но и олицетворять чужое, не лояльное к стране, разрушительное для нее, как демонстрирует следующий текст.

*На сегодняшний день в индексе FTSE-100 присутствуют две когда-то российские компании: «Евраз» и «Полиметалл». Сегодня они называются соответственно **EVRAZ pic** и **Polymetal International pic** (pic – это аналог нашего ОАО). Прописавшийся в Лондоне **EVRAZ pic** – это сталелитейные заводы и горно-обогатительные комбинаты, расположенные преимущественно в России. Производство за 2011 г. – 16,8 млн тонн стали. Выручка за 2010 г. – 13,4 млрд долларов. **Polymetal International pic**, с регистрацией на о. Джерси, владеет золотыми, серебряными и медными рудниками в пяти регионах России. Добыча в 2011 г. составила около 23 тонн в золотом эквиваленте. И все это теперь не российское.*

Представим ситуацию, когда, к примеру, РЖД, «РусГидро» и «Роснефть», пройдя горнило новой приватизации, превращаются в RZhD, Rusgidro и Rosneft pic. Наши железные дороги, гидроэлектростанции и половина всей нефти будут практически сразу переведены под чужую юрисдикцию. Синостранными советами директоров. С консолидированной финансовой отчетностью, налогообложением и чужим госрегулированием. Что останется тогда от суверенитета России?

<http://www.novayagazeta.ru/politics/52177.html>

Вновь заметим, что упрек в сконструированности касается не всех языков, а лишь тех, которые имеют высокий коммуникативный статус, т.е. функционируют в сильных национальных государствах. Так, нам не встретились научные рассуждения о сконструированном характере, например, казахского или чеченского языка, хотя для них также создавалась письменность, проводилось нормирование, разрабатывался литературный язык – все то, что Э. Хобсбаум (Хобсбаум, 2005) считает признаками сконструированности. Как правило, дезавуируются русский язык, французский, немецкий и некоторые другие разработанные языки с высо-

ким коммуникативным статусом, в той или иной мере противостоящие экспансии английского или сдерживающие ее.

Не случайным кажется нам и сам факт совпадения во времени (80-е годы XX в.) роста глобализационных тенденций и усиления споров универсалистов и лингводетерминистов, а также рост влияния в научной среде радикальных конструктивистских идей. Конструктивистские теоретики полемизируют с лингводетерминистами / примордиалистами, взгляды которых университетская академическая среда считает ненаучными и не свободными от идеологии (Фишман, 2005, с. 137–138). Однако и универсалисты идеологизированы, что проявляется, в частности, в «нападках» не на все языки и культуры, а лишь на определенные.

Нельзя не отметить и предостережения социальных философов в связи с размыванием понятия национальных языков: «Народы, утратившие свой исторический язык и традиционно связанную с ним этнокультуру, испытывают на себе мучительный опыт пребывания ‘между жизнью и смертью’. Они утрачивают свои сложившиеся представления о нравственности, добродетельной жизни, преемственности поколений, значимости прошлого, настоящего и будущего, заслуженного места в более важном замысле. Такая утрата происходит задолго до того, как происходит полное изложение, усвоение, установление и осуществление нового самостоятельного образа действий и нормативных ожиданий. Но несмотря на этот печальный сценарий, конструктивисты не устают предсказывать приход дивного нового мира единых рынков и тесно связанных мегаценностей, мегакультур и мегаязыков» (Фишман, 2005, с. 136). Наглядная иллюстрация к словам Дж. Фишмана – так называемый *Kanak Sprak*¹ (Zaimoglu, 2004) – стилизация гибридного языка, включающего диалектизмы, тюркзмы, вкрапления идиша и английского – все это далекий от нормы немецкий, выражающий агрессивное и циничное отношение к жизни. Именно такая литература демонстрирует влияние миграции на немецкий язык, одновременно поднимая вопрос о сущности европейских языков как таковых в эпоху миграции.

Обобщая данные о современной лингвофилософской рефлексии, можно заключить, что взгляды на язык связаны с приятием или неприятием глобализации и ее социальных последствий, важнейшее из которых – размывание наций. Лингвисты – апологеты глобализма предлагают изменить модель лингвистического описания и по-

¹ В переводе *Kanak Sprak* может звучать как «язык чурок».

нимать под языком фрагментированный, усеченный, сокращающийся и гибридный конструкт, не являющийся более принадлежностью нации, а связанный со стилизацией поведения и индивидуальной идентичностью. Английский язык при этом символизирует прогресс глобализации и высокий социальный престиж.

Противники глобализации провозглашают взаимосвязь языка и этнокультуры, акцентируют рост этнизации и национального самосознания как протест против «катка глобализации». Для них неанглийские языки находятся в опасности и требуют защиты и заботы.

При этом и те и другие не свободны от идеологической ангажированности, хотя и не признают этого (Фишман, 2005, 137–138).

Наконец, важным показателем становится во многих странах стихийный рост тревоги за жизнь и судьбу национальных языков. «Народная» рефлексия о языке, многочисленные неинституциональные и личные инициативы по сохранению неанглийских языков Европы сегодня составляют одну из важных черт глобализации и особенность современной жизни языка – образуются союзы по защите языков, открываются сайты, возникают дискуссии в прессе и в Интернете, растет число научно-популярных изданий, посвященных жизни языка. С научной точки зрения анализ стихийной, народной философии языка также весьма значим: «Наблюдение изнутри имеет продолжительную и плодотворную историю и в антропологии, и в феноменологической психологии. Оно требует, чтобы исследователи культивировали ‘эмическое’ состояние, позволяющее рассматривать, изучать и оценивать народы в соответствии с их представлениями о самих себе. В этом отношении бесценным материалом служат взгляды писателей, поэтов, священников, фольклористов, журналистов и философов. «Этнокультурам необходимо значительно больше знать о том, какими их видят другие, но им также необходимо знать о том, какими они видят самих себя и какими они видят других» (Фишман, 2005, с. 139).

Рост интереса к родному языку и осознание опасности, в которой он находится, показывают, что национальный язык остается ценностью для большинства его носителей, что эти носители никак не готовы принять подход официальной лингвистики – простую регистрацию факта сокращения языка.

Подведем итог. Сегодня мы наблюдаем беспрецедентное изменение условий существования языков с высоким коммуникативным рангом. Их функционирование меняется, меняется их социально-философская интерпретация, да и сами языковые сообщества.

Очевидно также, что приходится пересматривать интенсивность влияния на язык социальных факторов, так как это влияние значительно усилилось и ускорилось.

Новая же глобалистская философия языка со всей очевидностью доказывает наличие социального заказа – идеологического обеспечения глобализации.

Список литературы

- Аникин Е.Е., Чудинов А.П. Дискуссия о русской языковой картине мира: Абсолютный универсализм и крайний релятивизм (неогумбольдтианство) // Полит. лингвистика. – Екатеринбург, 2011. – № 1 (35). – С. 11–14.
- Биллиг М. Нации и языки / Пер. с англ. // Логос. – М., 2005. – № 4 (49). – С. 60–86.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков: Пер. с англ. – М., 1999. – 780 с.
- Гриценко Е.С., Кирилина А.В. Язык и глобализация: Задачи и направления социолингвистического анализа // Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. Филология – Минск, 2010. – № 6. – С. 14–21.
- Гудков Д.Б. Лекция П. Серию. – Mode of access: <http://discoursforum.forum24.ru/?1-3-0-00000003-000-0-0-1267873166>
- Дементьев В.В. Об оценочности и абсолютизации в лингвистических исследованиях: К дискуссии А.Д. Шмелева с А.В. Павловой и М.В. Безродным о «лингвонарциссизме» // Полит. лингвистика. – Екатеринбург, 2012. – № 1 (39). – С. 11–16.
- Павлова А.В., Безродный М.В. Хитрушки и единорог: Из истории лингвонарциссизма // Полит. лингвистика. – Екатеринбург, 2011. – № 4 (38). – С. 11–20.
- Серию П. Оксюморон или недопонимание? Универсалистский релятивизм универсального естественного семантического метаязыка Анны Вежбицкой / Пер. с фр. // Полит. лингвистика. – Екатеринбург, 2011. – № 1 (35). – С. 30–40.
- Трошина Н.Н., Раренко М.Б. Немецкий язык в эпоху глобализации // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты: Ежегодник. Теории истины. Язык в контексте глобализации. – М., 2005. – С. 131–164.
- Фишман Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: Связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни: Пер. с англ. // Логос. – М., 2005. – № 4 (49). – С. 132–140.
- Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная Идентичность: Пер. с англ. // Логос. – М., 2005. – № 4 (49). – С. 49–59.
- Шмелев А.Д. Всегда ли научное изучение русского языка является проявлением «лингвонарциссизма»? // Полит. лингвистика. – Екатеринбург, 2011. – № 4 (38). – С. 21–33.

- Яковенко И.Г. Что делать?: Публичные лекции, 15.03.2012 // Новая газета. – 15 марта 2012. – Mode of access: <http://www.novayagazeta.ru/profile/8892/> *Ammon U.* World languages: Trends and futures // The handbook of language and globalization. – Hoboken, New Jersey, 2010. – P. 101–122.
- Anderson B.* Imagined communities: Reflections on the origin and spread of Nationalism – Rev. ed. – L.; N.Y., 1983. – 224 p.
- Augustyn P.* The seductive aesthetics of globalization: Semiotic implications of anglicisms in German // Globalization and the future of German. – B., 2004. – P. 307–318.
- Blommaert J.A.* The sociolinguistics of globalization. – Cambridge; N.Y., 2010. – 230 p.
- Cameron D.* Globalization and the teaching of «communication skills» // Globalization and the language teaching. – N.Y., 2002. – P. 67–82.
- Coupland N.* Introduction: Sociolinguistics in the global era // The handbook of language and globalization. – N.J., 2010. – P. 1–27.
- Einführung in den Konstruktivismus / Foerster H., von, Glasersfeld E., von., Peter M. et al. – München, 1992. – Bd 5. – 187 S.
- Fairclough N.* Language and globalization. – N.Y., 2006. – 167 p.
- Gardt A.* Language and national identity // Globalization and the future of German. – B., 2004. – P. 197–209.
- Globalization and the future of German. – B., 2004. – 375 p.
- Hüppauf B.* Globalization – threats and opportunities // Globalization and the future of German. – B., 2004. – P. 3–25.
- Maher J.C.* Metroethnicity, language, and the principle of cool // Intern. j. of the sociology of lang. – B., 2005. – Vol. 175/176. – P. 83–102.
- Maher J.C.* Metroethnicities and metrolanguages // The handbook of language and globalization. – N.J., 2010. – P. 575–591.
- Yildiz Y.* Critically «Kanak»: A reimagination of German culture // Globalization and the future of German. – B., 2004. – P. 319–340.
- Zaimoglu F.* Kanak Sprak: 24 Misstöne vom Rande der Gesellschaft. – B., 2004. – 141 S.

Е.М. Солнцев

ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ (Научно-аналитический обзор)

Французский язык – один из наиболее распространенных мировых языков. По данным Международной организации франкофонии за 2014 г., французским языком владеют 274 млн жителей нашей планеты; при этом родным французский язык является для 76–77 млн человек. Не менее 212 млн человек пользуются им ежедневно в различных сферах жизни и деятельности (в это число включены упомянутые носители французского как родного). 62 млн человек владеют французским в качестве иностранного языка. Таким образом, французский язык по числу говорящих занимает пятое-шестое место в мире (La langue française, 2014, p. 5–7).

Странами и регионами, в которых носители французского языка как родного составляют большинство населения, являются, помимо Франции и некоторых ее заморских территорий, Княжество Монако, бельгийские регионы Валлония и Брюссель, западная часть Швейцарии и канадская провинция Квебек.

Во Франции политика централизации, достигшая своего апогея в XIX в., привела к практически полному вытеснению региональных языков и диалектов из общественной жизни и из образовательного пространства. Отдельные попытки их возрождения предпринимались коллаборационистским режимом Петена в 1940–1944 гг., что должно было нивелировать общепатриотические чувства, но после Второй мировой войны эта тенденция вновь угасла. Новая волна интереса к региональным языкам и диалектам наблюдается с 1981 г., когда после прихода к власти Ф. Миттерана была провозглашена политика «регионализации» (Harguindéguy, Cole, 2009, p. 940–946). В настоящее время официальный статус в качестве региональных языков имеют бретонский,

баскский, каталанский, окситанский и корсиканский, причем статус последнего в качестве отдельного языка / диалекта итальянского языка продолжает оставаться спорным.

В Княжестве Монако французский язык является единственным официальным.

В Бельгии французский язык является единственным официальным в регионе Валлония, одним из двух официальных (наряду с нидерландским) – в Брюссельском столичном регионе (Région de Bruxelles-Capitale). При этом языковая ситуация в Брюсселе радикально изменилась в течение XX в.: если в 1910-е годы французский язык был родным для 10% населения, то в начале XXI в. франкофонами было около 90% брюссельцев. В некоторых муниципалитетах региона Фландрия французский язык имеет особый статус (*communes à facilités pour les francophones*). Языковой вопрос продолжает оказывать значительное влияние на внутривнутриполитическую ситуацию в Бельгии, причем языковые конфликты в этой стране переплетены с социальными (*L'Etat belge; La langue française dans le monde*, 2010, p. 331–336).

Швейцария разделена относительно четкими языковыми границами на четыре зоны (немецкоязычную, франкоязычную, италийскоязычную и зону ретороманского языка), причем языковые границы не всегда совпадают с административными (из 26 кантонов Швейцарии четыре – Женева, Во, Невшатель и Юра – полностью франкоязычные, три – Фрибур, Вале и Берн – частично франкоязычные).

В Бельгии и в Швейцарии на французском языке говорит относительное меньшинство населения (в Бельгии – около 40%, в Швейцарии – примерно 20%). При этом на французский язык в этих странах оказывает серьезное влияние язык большинства (соответственно, фламандский вариант нидерландского языка и швейцарский диалект немецкого языка), а также местные диалекты (в Бельгии – валлонский и пикардийский, в Швейцарии – франко-провансальские).

В Люксембурге французский язык преобладает в общественной жизни и в сфере образования, не являясь при этом родным для большинства населения. В последние годы наблюдается приток иммигрантов-европейцев, не владеющих люксембургским (летцебургским) языком, что еще более усиливает позиции французского языка в стране (Hansen, 1996, p. 8–9).

В автономной области Валле-д'Аоста (Италия) французский язык имеет официальный статус наряду с итальянским во всех сферах, кроме правоохранительной и судебной.

Сложная языковая ситуация сложилась в Канаде. После того как вся территория страны стала британской колонией, франкоязычное население оказалось более чем на 150 лет фактически изолировано от Франции. В 1960–1970-е годы франкоязычное население провинции Квебек вело энергичную борьбу за свои права в рамках так называемой «тихой революции», в результате чего были приняты законодательные акты, провозглашающие французский язык единственным официальным языком провинции. Впоследствии законодательство было смягчено, и английский язык получил в Квебеке ограниченные права. Официально двуязычной является также канадская провинция Нью-Брансуик, в которой по-французски говорят примерно 32% населения. Особый статус имеет французский язык и в англоязычной провинции Онтарио. Для канадского варианта французского языка характерно большое количество лексических и фонетических архаизмов, так как он испытал определенное влияние английского языка и языков американских индейцев (Клоков, 2005, с. 229–239).

Специфическая языковая ситуация сложилась в африканских странах, бывших колониях Франции или Бельгии. В некоторых странах Африки к югу от Сахары (Бенин, Буркина Фасо, Габон, Гвинея, Республика Конго, Демократическая Республика Конго, Кот-д'Ивуар, Мали, Нигер, Того) французский язык является единственным официальным языком, не будучи при этом родным для большинства населения. В других странах французский язык является официальным и преобладает в общественной и культурной жизни, однако официальный статус на общенациональном уровне имеет и один из местных языков, которым в той или иной степени владеет не менее половины населения (в Сенегале – волоф, в Мали – бамана, или бамбара, в Центральноафриканской Республике – санго, в Бурунди – рунди). На Мадагаскаре наблюдается ситуация диглоссии: как французским, так и малагасийским языком владеет подавляющее большинство населения. В Камеруне французский и английский языки равноправны в качестве официальных языков, однако говорящих на французском языке больше (им владеют до 80% населения). В Экваториальной Гвинее двумя равноправными официальными языками признаны испанский и французский, однако французским языком владеет меньшинство населения, испанским – более 80%. В Чаде и Джибути официальными языками являются арабский и французский, причем в Чаде официальными языками владеет лишь небольшая часть населения. На Коморских островах, где официаль-

ными языками также являются арабский и французский, в 2002 г. местный коморский язык был провозглашен национальным языком.

Особый случай представляет собой Руанда. До 2003 г. официальными языками были киньяруанда и французский. Затем, добавив к списку официальных языков английский, власти страны начали проводить политику постепенного вытеснения французского языка из всех сфер жизни общества, что объясняется напряженными отношениями с Францией, а также возвращением из Уганды сотен тысяч беженцев-тутси, выросших в англоязычном окружении. В 2010 г. было объявлено о полной замене французского языка английским в образовательных учреждениях Руанды.

Следует отметить, что в некоторых странах Африки к югу от Сахары существует небольшая прослойка постоянных жителей, считающих французский язык родным (например, потомки эмигрантов-европейцев и ливанцев в Габоне).

В Республике Гаити официальными языками являются гаитянский креольский (на французской лексической основе), являющийся родным для всего населения страны, и французский, которым владеют до 40% жителей. Функцию официального французский язык делит с местным креольским (а также английским) и на Сейшельских островах: здесь французским языком владеет около половины населения. В Республике Вануату, расположенной в Океании, официальными языками являются английский, французский и бислама – креольский язык на английской лексической основе.

В странах Магриба (Алжире, Тунисе, Марокко и Мавритании), а также в Ливане французский язык не имеет статуса официального, однако сохраняет прочные позиции в образовательных учреждениях и в СМИ. Представители властей этих стран активно пользуются французским языком во время международных контактов. В странах Индокитая, также являвшихся французскими колониями (во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже), владение французским языком гораздо менее распространено.

Французский язык продолжает играть значительную роль в качестве **языка мировой дипломатии, международного и межнационального общения**. Он является одним из шести официальных языков ООН и одним из двух рабочих языков ее Секретариата (наряду с английским). С французского языка и на французский переводятся все официальные документы ООН, отчеты о заседаниях и сообщения, поступающие в центральные учреждения ООН. В ходе большинства мероприятий ООН обеспечивается синхронный перевод на французский язык. Французский язык активно

используется в специализированных учреждениях ООН, тем более что штаб-квартиры многих из них находятся во франкоязычных странах (ЮНЕСКО – в Париже, Всемирная организация здравоохранения, Международный союз электросвязи, Всемирная организация интеллектуальной собственности, Всемирная метеорологическая организация – в Женеве).

Французский язык является также рабочим языком некоторых глобальных и региональных межправительственных организаций, не входящих в систему ООН, в частности: 1) Организации экономического сотрудничества и развития (штаб-квартира – в Париже); 2) Европейского банка реконструкции и развития; 3) Африканского банка развития (штаб-квартира – в Абиджане, Кот-д’Ивуар), 4) Международной гидрографической организации (штаб-квартира – в Монако); 5) Европейского центра ядерных исследований (ЦЕРН) (штаб-квартира – в Женеве) и других. Французский – один из двух рабочих языков (наряду с английским) Международного комитета Красного Креста (штаб-квартира – в Женеве).

Важную роль играет французский язык в европейских и евроатлантических структурах. Несмотря на то что в Европейском союзе и Совете Европы официальными языками считаются все государственные языки стран – членов этих организаций, рабочими языками секретариатов постоянных органов ЕС и СЕ являются английский и французский. В НАТО два рабочих языка – английский и французский. Французский язык является одним из шести официальных языков Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (*Le français, une langue à apprivoiser*, 2002, p. 13–18).

Велика роль французского языка в функционировании Международного олимпийского комитета (МОК) (штаб-квартира – в Лозанне, Швейцария) и международных спортивных федераций (в большинстве федераций французский язык является одним из рабочих). В МОК установлено, что в случае несоответствия текста Олимпийской хартии на французском и английском языках и любого другого документа МОК текст на французском языке имеет преимущество, если не оговорено иное (см. сайт Национального олимпийского комитета Франции: *Comité national olympique et sportif français*).

Несмотря на формально прочные позиции французского языка в международных организациях, в конце XX столетия наметился фактический отход от принципов многоязычия в пользу доминирования английского языка, в том числе и по экономическим соображениям (снижение расходов на функционирование

служб языкового обеспечения). Наблюдатели отмечают, что такое положение дел ущемляет права носителей других языков и способствует генерированию устных и письменных текстов низкого качества на английском языке. Это, в свою очередь, снижает уровень культуры международного общения, затрудняет взаимопонимание, а в ряде случаев и порождает дополнительные расходы, т.е. создает эффект, прямо противоположный ожидавшейся экономии. (*La langue française dans le monde*: 2014; Leopold, p. 23). Кроме того, фактическое одноязычие способствует стандартизации мышления, что недопустимо в быстро меняющихся условиях современных международных отношений, которые требуют комплексного, многостороннего подхода к решению возникающих проблем.

В 1970 г. франкоязычные страны основали **Международную организацию франкофонии (МОФ)**, призванную способствовать развитию многовекторного сотрудничества между странами, в жизни и культурных традициях которых французский язык занимает значительное место. В настоящее время полноправными членами МОФ являются 54 государства и региона, три страны (Гана, Кипр и Катар) являются ассоциированными членами и 23 – наблюдателями. Критериями приема в организацию является не количество говорящих на французском языке в данной стране (хотя это и важный фактор), а степень вовлеченности страны в орбиту международной франкофонии.

Слово *francophonie* впервые было употреблено в 1880 г. французским географом Онезимом Реклю и в настоящее время обозначает:

1) совокупность говорящих на французском языке; 2) совокупность территорий, население которых говорит на французском языке; 3) международные институты, ставящие своей целью укрепление связей между франкоязычными странами, развитие и распространение французского языка.

Прием в МОФ некоторых нефранкоязычных стран в качестве полноправных членов (Албания, Гвинея-Бисау, Мозамбик), ассоциированных членов (Катар) или наблюдателей (Косово) явно объясняется экономическими и политическими причинами различного характера и является поводом для дискуссий. В то же время Алжир, занимающий третье место в мире после Франции и Демократической Республики Конго по числу владеющих французским языком (более 12 млн человек), не является членом МОФ. Политический аспект вообще занял значительное место в деятельности МОФ, особенно после начала регулярных (один раз в два года) встреч на высшем

уровне, первая из которых прошла в 1986 г. Так, в 2013 г. после государственного переворота в Центральноафриканской Республике членство страны в организации было немедленно приостановлено.

МОФ ведет мониторинг использования французского языка во франкоязычных странах и международных организациях. В частности, на каждых Олимпийских играх присутствует делегация этой организации, наблюдающая за тем, чтобы выполнялись языковые процедуры, предусмотренные документами Международного олимпийского комитета и соглашениями МОК со страной-организатором: перевод на французский язык на церемониях и мероприятиях, обеспечение перевода указателей и литературы и т.п. Делегация МОФ на зимних Олимпийских и Паралимпийских играх в Сочи под руководством постоянного секретаря Французской академии Элен Каррер д'Анкокс в целом высоко оценила усилия Оргкомитета по обеспечению перевода с французского языка и на него. Вместе с тем ею были сформулированы некоторые рекомендации по устранению выявленных недостатков (*Conclusions remises...* р. 19–30).

Основными образовательными организациями, поддерживающими изучение и распространение французского языка в мире, являются:

1) Университетское агентство франкофонии (*Agence universitaire de la francophonie, AUF*) со штаб-квартирой в Монреале, объединяющее более 800 вузов и научно-исследовательских учреждений в 98 странах мира; 2) «Альянс Франсез» (*Alliance Française*) – французская некоммерческая организация, координирующая при поддержке посольств Французской Республики работу культурно-языковых центров в 137 странах мира; 3) Французский Институт (*Institut Français*) – французская государственная компания, содержащая сеть образовательных учреждений в 161 стране мира.

По данным МОФ, в 2010 г. в мире насчитывалось приблизительно 116 млн человек, изучавших французский язык в качестве иностранного. При этом наблюдалось крайне неравномерное распределение обучаемых по регионам мира: в странах Европы и СНГ – 27,2 млн, в Северной Африке, на Ближнем и Среднем Востоке – 26,4 млн, в Африке к югу от Сахары – 51,3 млн, в Северной и Южной Америке – 8,7 млн, в странах Южной, Юго-Восточной, Восточной Азии и Океании – не более 2,4 млн (*La langue française dans le monde 2010*, р. 103–113).

Несмотря на многочисленные попытки гармонизации **языковой политики**, франкоязычные страны придерживаются различных подходов в области языкового регулирования. Так, во Франции после

определенной стабилизации и институционализации региональных языков и диалектов (1980-е годы) внимание властей переключилось на борьбу с влиянием английского языка. В 1994 г. был принят Закон об использовании французского языка, известный как «закон Тубона» (по фамилии его автора – консервативного министра культуры и Франкофонии Жака Тубона). Этот закон содержит ряд положений, направленных на обеспечение использования французского языка в различных сферах общественной жизни, а также на развитие системы терминов французского происхождения. Закон касается не только государственных и муниципальных учреждений, но и предприятий розничной торговли (например, им регулируется нанесение надписей на вывесках и этикетках), а также внутренней коммуникации на предприятиях, в том числе и частных. Так, ряд предприятий с участием иностранного капитала был оштрафован за распространение среди своих сотрудников документации на английском языке без перевода на французский, а также за использование программного обеспечения на английском языке без согласия сотрудников.

Практическую работу по выполнению положений закона ведут в сотрудничестве с Французской академией, а также с различными государственными учреждениями и учебными заведениями:

1) Комиссия по вопросам французского языка и других языков Франции (*Délégation générale à la langue française et aux langues de France*), являющаяся подразделением Министерства культуры; 2) Генеральная комиссия по терминологии и неологии (*Commission générale de terminologie et de néologie*) при премьер-министре, члены которой работают на добровольной основе. Списки терминов, утвержденных этими органами, публикуются в «Журналь офисьель» (*Journal officiel*) – официальном издании Французской Республики, а также приводятся в базе данных «France Terme» (<http://www.culture.fr/franceterme>). Следует отметить, что некоторые термины, предложенные Генеральной комиссией, прижились во французском языке и полностью вытеснили соответствующие английские (*baladeur* вместо англ. *player* `портативный плеер`), тогда как другие, несмотря на значительные усилия по их распространению, фактически не употребляются (такая ситуация сложилась со словосочетанием *diffusion pour baladeur*, призванным заменить англ. *podcasting* «подкастинг»)¹.

В Квебеке вопросами языкового регулирования занимается Управление по делам французского языка (*Office québécois de*

¹ Подробнее о терминологической работе и лингвокреативной деятельности во Франции см.: Гулинов, 2014. – *Прим. авт. (Е. С.)*.

la langue française). Оно ведет большую лексикографическую работу, поддерживает терминологическую базу данных по адресу www.granddictionnaire.com – один из крупнейших в мире многоязычных терминологических ресурсов – и активно способствует замене английских терминов французскими. Так, утвержденный Управлением термин *baladodiffusion*, заменивший в Квебеке англ. *podcasting*, употребляется здесь повсеместно, а во Франции воспринимается как специфически квебекская единица. Жители Квебека воспринимают свой вариант французского в целом как не зависящий от французского языка во Франции и подлежащий регулированию собственными силами. При этом, несмотря на жесткие меры по защите французского языка, в частности его лексического уровня, язык франкоканадцев продолжает испытывать давление со стороны английского, в частности, на грамматическом и фонетическом уровне. Для канадского французского характерно сохраняющееся расхождение между письменной и устной речью, причем последняя остается недостаточно нормализованной (допускаются, например, вариации в грамматическом роде и в написании существительных: *un sandwich – une sandwich* «сэндвич», *un job – une jobe* «временная работа») (Клоков, 2005, с. 240–247).

В Бельгии усилия в области языкового регулирования в основном концентрируются на разграничении использования французского, нидерландского и немецкого языков на определенных территориях, при этом нередко возникают конфликтные ситуации. Особенности бельгийского варианта французского языка воспринимаются в стране скорее как ошибки, подлежащие нивелированию или (в случае грамматических особенностей) безусловному искоренению (Doppagne, Hanse, Bourgeois-Gielen, 1995, p. 8–16).

В Швейцарии после урегулирования языкового конфликта 1970-х годов, закончившегося выделением из состава двуязычного кантона Берн нового франкоязычного кантона Юра, был найден консенсус в языковом вопросе, языковая проблема в целом потеряла остроту.

Современный мир характеризуется усилением соперничества не только в политической и экономической, но и в языковой сфере. В ряде областей французскому языку удалось достичь значительных успехов. Так, по данным МОФ, усилилось присутствие французского языка в Интернете (по числу пользователей французский язык занимает четвертое место в мире, по числу авторов блогов – третье место). По данным медиахолдинга «Bloomberg», в качестве языка делового общения французский язык занимает третье место в

мире (после английского и китайского). Наконец, доля франкоязычных стран в общемировом экспорте продукции культурного назначения (включая авторские права на фильмы, телепередачи и интернет-контент) превышает 10% (цит. по: *La langue française dans le monde: 2014: Synthèse*, p. 18–21).

Франкоязычное сообщество при поддержке правительств и общественных организаций продолжает борьбу за сохранение и укрепление роли французского языка в мире.

Список литературы

- Гулинов Д.Ю. Лингвокреативная деятельность в аспекте языковой политики Франции // Филол. науки. Вопр. теории и практики. – М., 2014. – № 42 (34). – С. 82–87.
- Клоков В.Т. Французский язык в Северной Америке. – Саратов, 2005. – 400 с.
- Comité national olympique et sportif français. – Mode of access: http://franceolympique.com/art/8311e_francais_langue_olympique.html (Дата обращения: 02.07.2015 г.)
- Conclusions remises à Son Excellence Monsieur Abdou Diouf, Secrétaire général de la Francophonie, par Madame Hélène Carrère D'Encausse, Grand Témoin de la Francophonie, sur l'usage de la langue française aux Jeux Olympiques et Paralympiques de Sotchi 2014. – 78 с. – Mode of access: http://www.francophonie.org/IMG/pdf/oif_rapport_dencausse2014.pdf (Дата обращения: 06.07.2015 г.)
- Doppagne A., Hanse J., Bourgeois-Gielen H. Nouvelle chasse aux belgicisms. – Bruxelles, 1995. – 160 p.
- Hansen J. L'enseignement secondaire au Luxembourg. – Strasbourg, 1996. – 77 p.
- Harguindéguy J.-B., Cole A. La politique linguistique de la France à l'épreuve des revendications ethnoterritoriales // Rev. fr. de science politique. – P., 2009. – N 5. – Vol. 59. – P. 939–966.
- L'Etat belge: Données démolinguistiques. – Mode of access: http://www.axl.cefanelulaval.ca/europe/belgiqueetat_demo.htm (Дата обращения: 02.07.2015 г.)
- La langue française dans le monde: 2010. – P., 2010. – 384 p.
- La langue française dans le monde: 2014: Synthèse. – Mode of access: http://www.francophonie.org/IMG/pdf/oif_synthese_francais.pdf (Дата обращения: 25.06.2015 г.)
- Le français, une langue à apprivoiser. – Québec: Presses univ. Laval, 2002. – 111 p.
- Leopold E. Does French stand a chance against the global English-language tsunami? // The world post. – Mode of access: http://www.huffingtonpost.com/evelynleopold/post_4847_b_3383183.html (Дата обращения: 02.07.2015 г.)

А.В. Нагорная
СОВРЕМЕННАЯ ИСЛАНДИЯ:
ЯЗЫКОВОЙ ПУРИЗМ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ
(Научно-аналитический обзор)

Американский поэт Билл Холм описывал исландский как язык, «в котором нет индустриальной революции, пастеризованного молока, кислорода и телефона, а есть лишь овцы, рыба, молоко и водопады»¹. В этих строках Холм пытался выразить сущность языка своих предков, который на протяжении всей своей тысячелетней истории тщательно оберегался носителями от любых нововведений. Разумеется, слова поэта нельзя понимать буквально, поскольку язык благополучной и прогрессивной Исландии не может не откликаться на те нововведения, которые затрагивают экономику, политику, торговлю, технологию и другие сферы жизни современного человека. Однако, эволюционируя под влиянием экстралингвистических факторов, исландский остается образцом «чистого» скандинавского языка, и языковая ситуация в современной Исландии единодушно признается уникальной.

Эта уникальность обнаруживается в нескольких сферах языкового бытия. Первое, на что обращают внимание исследователи, – это устойчивость языковой традиции, позволяющая современному исландцу без труда понимать тексты, датируемые началом прошлого тысячелетия. Исландский язык традиционно описывается как «консервативный», «замерший во времени», а сами исландцы гордятся тем, что говорят на классическом языке древних саг. Некото-

¹ In this language, no industrial revolution; no pasteurized milk; no oxygen, no telephone; only sheep, fish, horses, water falling. The middle class can hardly speak it. Bill Holm. – Mode of access: <https://www.goodreads.com/quotes/5698308-icelandic-language-in-this-language-no-industrial-revolution-no-pasteurized>

рые лингвисты говорят об иллюзорности подобных представлений и указывают на существенные изменения, произошедшие в языке. Эти изменения, однако, касаются, главным образом, фонетической системы и неочевидны для рядовых носителей языка, поскольку они не повлекли за собой пересмотра орфографических норм и внешне современные тексты не отличаются от классических. Что касается морфологической и синтаксической структуры языка, она была кодифицирована еще в древних текстах и действительно осталась практически неизменной (Árnason, 2003).

Уникальным признается и отсутствие диалектной вариативности. Эту особенность нельзя объяснить малыми размерами территории государства или небольшим количеством носителей (по разным оценкам – от 240 до 300 тыс.), поскольку на соседних Фарерских островах, занимающих гораздо меньшую площадь и имеющих меньшую численность населения (менее 50 тыс. человек), обнаруживается выраженное диалектное членение. Обычно ситуация языковой однородности наблюдается в тех случаях, когда население активно перемещалось по стране и происходило так называемое выравнивание диалектов в результате интенсивных языковых контактов. В Исландии, однако, этот фактор оказывается нерелевантным. Исландцы традиционно проживали не в деревнях, как норвежцы и фарерцы, а на отдельных фермах, и языковая социализация детей осуществлялась в семьях. Свободное перемещение по стране было запрещено на законодательном уровне. В X–XIX вв. в Исландии действовал закон, известный как *vistarband* («обязательство трудоустройства на ферме»), согласно которому лица, не имеющие возможности обзавестись собственным фермерским хозяйством, были обязаны наниматься на крупные фермы в качестве сезонных рабочих либо арендаторов. Практически отсутствовали процессы урбанизации. Первые города, в условиях которых могло бы произойти смешение и выравнивание диалектов, появились лишь в XVIII–XIX вв. По мнению историков, все перечисленные обстоятельства должны были создать ситуацию «умеренной языковой вариативности». В действительности же такая вариативность отсутствует. Единственное логическое объяснение этой уникальной ситуации С.П. Леонард видит в том, что смешение диалектов произошло еще до заселения острова (Leonard, 2012, р. 76–88). Однако эта гипотеза не объясняет, почему диалектные различия в языке так и не появились на протяжении его более чем тысячелетней истории.

Особенность современной языковой ситуации заключается также в том, что в стране законодательно закреплено использование

двух официальных языков: собственно исландского и исландского языка жестов (Act No 61 / 2011, Articles 1–3, 2011). Кроме того, Законом гарантируется возможность использования азбуки Брайля (Act No 61 / 2011, Article 4, 2011). Таким образом, в современной Исландии актуальная задача построения инклюзивного общества является частью не только социальной, но и языковой политики.

Однако наиболее яркой и заметной чертой языковой ситуации в Исландии является этническая однородность лексического состава языка, обеспечиваемая сознательным отказом от заимствования иноязычной лексики.

Лексический пуризм является неотъемлемой частью исландской идеологии языка и языковой практики (Kristinsson, Hilmarsson-Dunn, 2015). Первые инициативы по поддержанию чистоты исландского языка были выдвинуты еще в период Реформации в XVII в., когда классическая литература была признана языковой моделью (Ottósson, 2009), на основе которой должна выстраиваться вся речевая практика. В контексте пуристского движения часто упоминаются работы Арнгримура Йоунссона (известного в Европе как Ангримур Ученый – Arngrímur the Learned, 1568–1648), в частности его труд *Срutmogaa*, в котором он впервые эксплицитно сформулировал идею чистоты языка и неодобрительно высказался о влиянии языков торговцев на исландский (Jensson, 2008).

Важную роль в укреплении пуристских тенденций сыграл Раскус Раск, известный датский лингвист, который жил и работал в Исландии в 1813–1815 гг. Занимаясь вопросами языковой генеалогии, Раск закрепил за исландским статус скандинавского праязыка. В предисловии к своей книге «Vejledning til det Islandske eller gamle Nordiske Sprog» («Руководство к исландскому или древнесеверному языку»), опубликованной в 1811 г., он прямо называет исландский «языком праотцов» и полагает, что он играет ключевую роль в понимании датского языка и старейших сохранившихся древних датских документов (Rask, 1811, X, LV). Сетую на загрязненность датского языка, замусоренного немецкими заимствованиями, Раск прилагает немалые усилия для того чтобы внушить исландцам мысль о значимости родного языка для их национальной идентичности. В 1816 г. он стал одним из основателей Исландского литературного общества (Hip íslenzka Bókmenntafélag), которое имело два отделения (в Рейкьявике и в Копенгагене) и преследовало цель сохранения и защиты исландского языка.

Призыв к сохранению исландского языка нашел живой отклик у представителей романтизма, которые провозгласили его

«североевропейской латынью» и «матерью» всех скандинавских языков (Hauksdóttir, 2013, p. 80).

Укреплению позиций исландского языка и пуристских тенденций в немалой степени способствовала активная переводческая деятельность. Так, в 1584 г. был выполнен перевод Библии на исландский язык, благодаря чему он стал официальным языком церкви и образования, и граждане страны были избавлены от необходимости обращения к латыни и современным европейским языкам (Hauksdóttir, 2013, p. 69).

Интересно отметить, что с самого начала задачи пуристского движения формулируются в подчеркнuto экологических терминах. Иноязычные заимствования признаются «загрязнением» языка; иностранные слова сравниваются с «сорняками, отравляющими его» (Hauksdóttir, 2013, p. 86). В современном исландском языке существует слово *sletta* (букв. «грязное пятно»), которым обозначаются неоправданные, нецелесообразные заимствования, особенно в ситуациях, когда говорящий употребляет их лишь для того, чтобы продемонстрировать свое знание иностранных языков (Kvaran, 2002).

Пуристское движение не только не утратило актуальности, но и укрепило свои позиции в современной Исландии. В 1965 г. специальным Указом Министерства образования, науки и культуры была создана Исландская языковая комиссия, задача которой заключается в выработке рекомендаций по сохранению единства и целостности исландского языка. В состав комиссии входят 16 человек, представляющих Национальную корпорацию теле- и радиовещания, Национальный театр, Ассоциацию учителей исландского языка, Объединение писателей Исландии, Союз журналистов Исландии, Общество профессиональной терминологии, Ассоциацию переводчиков Исландии, Национальное бюро стандартизации, Библиотеку Исландии, Ассоциацию информатики и другие государственные и общественные организации. Председатель и сопредседатель Комиссии назначаются министром образования, науки и культуры. Кроме того, в состав комиссии входит один представитель от иммигрантского сообщества (Act No 61 / 2011, Article 6). Такое обширное и разностороннее представительство обеспечивает комплексный и высокопрофессиональный подход к решению вопросов языковой политики, которые в условиях глобализации требуют принятия взвешенных и гибких решений.

Основная проблема, которая остро стоит перед многими европейскими государствами, заключается в выработке четкой позиции в отношении статуса английского языка в структуре нацио-

нального дискурсивного пространства. В условиях глобализации английский язык становится не просто *lingua franca*; он активно проникает в структуру национальных языков, вытесняя исконные слова и занимая те ниши, которые по каким-то причинам оставались незаполненными.

Следует отметить, что, в отличие от многих других, исландский язык не впервые сталкивается с угрозой вытеснения. Поскольку на протяжении более 500 лет своей истории вплоть до 1944 г. Исландия была датской колонией, исландский язык вынужденно соседствовал с датским и находился под его влиянием. Датский был не просто средством общения. В XIX в., например, владение датским языком выполняло функцию социального маркера: оно считалось признаком утонченности и указывало на принадлежность говорящего к датско-исландской элите. Многие исландцы, однако, считали, что датский представляет угрозу для родного языка. Датские заимствования вызывали неодобрение, а «данизированная» речь государственных деятелей подвергалась критике. Многие выступали и против преподавания датского языка в начальной школе, полагая, что раннее двуязычие вредит формированию разговорных навыков на родном языке (Hauksdóttir, 2013, p. 72).

Интересно отметить, что в XIX в. влияние датского было настолько велико, а его социальный престиж настолько высок, что Расмус Раск в частной переписке высказал опасения относительно будущего исландского языка: «По правде говоря, я думаю, что исландский вскоре вымрет, я полагаю, что мало кто будет понимать его в Рейкьявике через 100 лет, и мало кто в стране еще через 200, если все будет продолжаться так, как сейчас, и не будут установлены жесткие барьеры. Каждое второе слово даже у самых лучших людей – датское; среди простых людей язык продержится дольше всего» (Rask, 1941, p. 164).

Однако опасения Раска не оправдались, и датский не только не вытеснил исконный исландский, но даже не оставил в нем сколько-нибудь выраженных следов своего присутствия. Причину этого Г. Кваран видит в том, что датская лексика имела хождение преимущественно или исключительно в устной речи, и не находя фиксации в письменной форме языка, быстро устаревала и выходила из употребления. Так, исследования показывают, что в настоящее время слова датского происхождения используются лишь в разговорной речи представителей старшего поколения и совершенно не обнаруживаются в письменных источниках (Kvaran, 2002, p. 144).

Языковая ситуация в Исландии существенно изменилась во второй половине XX в., когда на мировой арене укрепились позиции английского языка. Если до этого времени главными воротами во внешний мир для исландцев была Дания, а основным иностранным языком – датский, то после Второй мировой войны главным языком-посредником стал английский.

Исследования, проведенные А. Сваварсдоттир, показывают, что исландцы, родившиеся после 1945 г., лучше владеют английским, чем датским, и чаще его используют. В ходе проведенного ею опроса 90% респондентов заявили, что обладают, по крайней мере, минимальным знанием английского, и несмотря на то что количество говорящих на английском приблизительно одинаково во всех возрастных группах, среди молодых людей их все же несколько больше. Различия в показателях становятся более значительными, если речь идет о беглом владении языком. Около 64% респондентов заявили, что хорошо знают английский язык, но среди молодых людей (моложе 29 лет) этот показатель составил 96%, а среди более старших (старше 50 лет) – лишь 68%. Интересно отметить, что при опросе об уровне владения датским языком наблюдается прямо противоположная картина. Всего 16% опрошенных заявили, что хорошо владеют датским, хотя этот язык занимает второе место по количеству говорящих, и большинство из них принадлежат к самой старшей возрастной группе, т.е. они родились во время Второй мировой войны или ранее. Та же картина наблюдается с немецким и шведским языками (Svavarsdóttir, 2004).

Повышение уровня «англоязычной грамотности» объясняется действием нескольких факторов.

Во-первых, начиная с 1999 г., когда были введены новые образовательные стандарты, английский язык является первым иностранным языком, изучаемым в школе (раньше им был датский). В настоящее время английский язык является обязательным предметом с пятого по десятый класс (Himarsson-Dunn, 2007, p. 43).

Во-вторых, современные исландцы подвергаются все более активному воздействию со стороны английского языка в своей повседневной жизни. Как отмечает А. Сваварсдоттир, английский язык является своеобразным «фоновым шумом»: он звучит в песнях, в фильмах и телевизионных программах, большая часть которых транслируется на английском с исландскими субтитрами. В условиях, когда исландцы постоянно слышат английский язык, они естественно усваивают его лучше, чем те языки, которые изучают исключительно за школьной партой (Svavarsdottir, 2004, p. 156).

Немаловажным фактором является и увеличение количества контактов с иностранцами. Начиная с 90-х годов прошлого века Исландия становится все более и более популярным туристическим направлением. По официальным данным, в 2012 г. Исландию посетили 673 тыс. туристов (цифра, более чем в два раза превышающая численность населения острова), а учитывая тот факт, что ежегодный прирост составляет 7,3%, в 2020 г. страна может рассчитывать на прием 1 млн иностранных гостей (Óladóttir, 2013). Основным языком общения с иностранными туристами, разумеется, является английский, и дальнейшее развитие туристической отрасли, приносящей государству существенную прибыль, требует высокого уровня англоязычной компетенции населения.

За последнее десятилетие в Исландии увеличилось и количество иностранцев, которые проживают в стране длительное время. Значительную их часть составляют так называемые временные резиденты. К ним относятся, например, иностранные специалисты, которые работают в компаниях, занятых в высокотехнологичных производствах. В таких компаниях, как правило, английский язык активно используется для общения.

Другую немалочисленную группу составляют студенты. Участие Исландии в программах студенческого обмена, таких, например, как Erasmus, вынудило многие университеты организовать специальные учебные курсы на английском языке, чтобы удовлетворить потребности иностранных студентов¹.

Неудивительно, что в таких условиях постоянно растет мотивация к изучению английского языка, а это является самым мощным фактором развития языковой компетентности. В рамках упомянутого выше опроса выяснилось, что более 96% респондентов считают английский самым важным иностранным языком, владение которым обязательно, в то время как у них отсутствует общее мнение относительно второго важнейшего языка, на роль которого претендуют немецкий, испанский и датский (каждый из них упоминается приблизительно 23–25% опрошенных) (Svavarsdóttir, 2004, p. 156).

В связи с этим естественным образом возникает вопрос о том, как обеспечить выполнение двух первостепенных задач языковой политики, сформулированных Министерством образования, науки и культуры в 2001 г.: 1) сохранения языка (грамматической системы и базового лексического состава); 2) развития языка. Пер-

¹ См., например: <http://en.ru.is/international/> – *Прим. авт. (А. Н.)*.

вое связано с проведением жесткой пуристской политики, в то время как второе предполагает учет новых лингвистических и экстралингвистических реалий и определенную гибкость в решении вопросов о приемлемости заимствований.

Исландия вновь проявила себя как уникальное языковое пространство, предложив сложное, но весьма остроумное решение проблемы. Языковая комиссия подбирает для каждого иноязычного слова некое соответствие, состоящее из исконно-исландского языкового материала, и организует широкое публичное обсуждение возможных вариантов. Эта практика не нова; она использовалась уже для подбора исландского эквивалента слова «телефон». Вместо общепринятого интернационального слова исландцы называют соответствующий прибор *Sími*, что в древнеисландском языке означало «нить». I-Phone, соответственно, именуется *i-Sími*. Электричество обозначается словом *rafmagn*, буквальное значение которого – «сила янтаря». Для компьютера было придумано сложное слово *tölva*, в состав которого входят *tala* («номер») and *völva* («пророчица»). Соответственно электронная почта (email) обозначается словом *tölvupóstur*. Экран телевизора обозначается словом *skjar*, исходное значение которого – «овечья плацента» (материал, который фермеры когда-то вставляли в оконные рамы). Реактивный самолет именуется *thota* – слово, производное от глагола «*thjota*» («издавать гул»). Даже слово «видео», которое вошло практически во все национальные языки без попыток адаптации под их нормы, было заменено на *myndband* (букв. «полоса картинок»).

Широкую известность приобрела история с поиском исландского эквивалента англоязычной аббревиатуре AIDS (СПИД) в конце 80-х годов прошлого века. Профессор Бальдур Джонссон, член Языковой комиссии, составил двухстраничный список возможных вариантов, два из которых в результате широкого обсуждения вышли в финал – *alnaemi* (букв. «полная уязвимость») и *eudni* (букв. «полное разрушение») (Eliason 1987). Итоговый выбор был сделан в пользу *eudni*, поскольку это слово имеет более исландское звучание.

Именно этот критерий – соответствие фонетическим нормам исландского языка – является одним из основных при решении вопроса о том, можно ли включить слово в его словарный состав. Кроме того, слово должно соответствовать морфологическим нормам исландского языка, иметь ударение на первом слоге, при написании должны использоваться буквы исландского алфавита и произношение слова должно соответствовать его написанию (Kvaran, 2002, p. 146).

Заметим, что эти принципы применяются ко всем без исключения словам, включая имена собственные. В связи с этим заслуживает отдельного упоминания небезызвестная исландская Комиссия по именам, созданная в 1991 г. Согласно исландским законам в случае, если хотя бы один из родителей является гражданином страны, имена рожденных детей должны выбираться из специально утвержденного списка, который включает 1853 женских и 1712 мужских имен. Если родители не желают выбрать имя из готового списка, они обязаны обратиться в Комиссию и запросить ее согласие на предлагаемое имя. Комиссия получает в среднем 100 заявлений в год и отвергает приблизительно половину заявок. Один из последних громких отказов широко обсуждается в мировых средствах массовой информации. Родители не смогли получить документы на дочь Гарриетту (Harriet) и сына Дункана (Duncan), поскольку эти имена не только не являются традиционными для Исландии, но и не могут склоняться по правилам исландского языка (в случае с *Harriet*) и содержат буквы, отсутствующие в исландском алфавите (буква *c* в случае с *Duncan*) (Saul, 2015).

На рубеже XX и XXI вв. Исландия столкнулась с новой языковой угрозой. Повсеместное распространение Интернета послужило дополнительным толчком к популяризации английского языка. Противостояние этому процессу потребовало беспрецедентных усилий и экономических вливаний. В 2001 г. правительство страны запустило проект по «исландизации» программных продуктов для компьютеров, включая операционные системы, офисные программы, интернет-браузеры и т.д. Был заключен специальный договор с компанией *Microsoft* по переводу всех выпускаемых ею продуктов на исландский язык. Заметим, что компания сначала отказалась от его заключения, мотивировав это малой численностью населения, а следовательно, и потенциальных покупателей, при значительных денежных затратах. Однако в итоге перевод все же был выполнен. Потребовались значительные усилия и для того, чтобы в список шрифтов были включены буквы исландского алфавита, а также для создания систем поиска, которые распознавали бы исландский язык (Hilmarsson-Dunn, Kristinson, 2007; Gislason, 2005).

В связи с этим возникает правомерный вопрос об экономической целесообразности жесткой пуристской политики. Из-за малой численности населения потребительский рынок в Исландии небольшой, и расходы на перевод и адаптацию не оправдываются. Чрезвычайно дорогим оказывается «исландизированный» продукт

и для рядового потребителя (Rögnvaldsson, 2005). Кроме того, наблюдаются определенные изменения в массовом сознании относительно приемлемости англоязычных заимствований. Так, согласно данным опроса, представленным в (Kristinsson, Hilmarsson-Dunn, 2015, p. 55), исландцы считают неприемлемым использование «чужой» лексики лишь в текстах так называемых формальных престижных жанров, таких как монография и диссертация, однако считают вполне возможным и уместным ее использование в интернет-блогах, чатах, частной переписке и т.п.

Последнее обстоятельство вызывает определенную настороженность. Дело в том, что пуристские усилия всегда были направлены на сохранение чистоты именно *письменных* текстов, и заимствования, неизбежно проникающие в *устную* речь, не рассматривались как глобальная угроза. Они естественным образом выходили из употребления, сменяясь новой, более актуальной лексикой. Так, многие англицизмы, получившие распространение в годы Второй мировой войны, в современном исландском языке не употребляются. К ним относятся такие единицы, как *kar* (англ. «car» – «машина»), *görl* (англ. «girl» – «девочка, девушка»), *sjúr* (англ. «sure» – «конечно») и *monningur* (англ. «money» – «деньги») (Kress, 1966, p. 15–17).

Несмотря на выраженный неформальный характер, блоги, чаты и переписка являются все же образцами письменных текстов, и вопрос о том, насколько необходимо применять к ним общие пуристские меры, остается открытым.

Неясна и судьба пуристской политики в целом. Современная исландская молодежь в массе своей бегло и достаточно грамотно говорит по-английски, и именно эта молодежь в недалеком будущем будет определять политику страны, в том числе и языковую. Не исключено, что новое поколение политиков сочтет нецелесообразной дальнейшую защиту родного языка от любых иностранных влияний. Даже при наличии политической воли, активной поддержки всех государственных структур, финансовых возможностях и необходимых экспертных ресурсах противостоять «глобальному» языку очень нелегко. Именно поэтому некоторые специалисты прогнозируют развитие в Исландии ситуации умеренного билингвизма (Hilmarsson-Dunn, Kristinsson, 2007, p. 45). В условиях глобализации жители страны будут вынуждены прибегнуть к объединению глобальных и местных языковых ресурсов для создания нового типа языковой личности. Как показывают исследования ученых из университета Рейкьявика, ситуация, которая уже складывается в совре-

менной Исландии, – это не просто «локальное использование глобального языка» (Реннускоок, 2007). Специалисты регистрируют начало этапа гибридизации, которая неизбежно приведет к созданию новых языковых форм (Ingvarsdóttir Arnbjörnsdóttir, 2013). И возможно, уже в недалеком будущем исландский перестанет быть «языком без индустриальной революции, пастеризованного молока, кислорода и телефона» и пойдет по пути сближения и интеграции с английским – языком глобализации.

Список литературы

- Act No 61 / 2011 On the status of the Icelandic language and Icelandic sign language. – Mode of access: <http://eng.menntamalaraduneyti.is/media/MRN-pdf/Icelandic-Language-Act-tr-260711.pdf>
- Árnason K. Perennial purism: The case of Icelandic // International conference: Linguistic purism in the Germanic languages: Abstracts. – University of Bristol, 2007. – Mode of access: <http://www.bris.ac.uk/german/events/conferences/lingconfabstracts.html>
- Eliason M. For 1,000 years, last word on language in Iceland Has Been That Foreign Is Out // Los Angeles Times. – 1987. – 31.05.
- Gíslason H. Spurl launches an Icelandic search engine. – 2005. – Mode of access: <http://hjalli.com/?p+5>
- Hauksdótti A. Language and the development of national identity: Icelander's attitudes to Danish in turbulent times // KULT 11: Made in Denmark. – Madison, 2013. – P. 65–94.
- Hilmarsson-Dunn A., Kristinsson A.P. Iceland's language technology: Policy versus practice // Proceedings of the BAAL conference 2007. – L., 2007. – P. 43–45.
- Ingvarsdóttir H., Arnbjörnsdóttir B. ELF and academic writing: A perspective from the expanding circle // J. of Engl. as a lingua franca. – N.Y., 2013. – Vol. 2(1). – P. 123–145.
- Jensson G. The Latin of the North // Humanist discoveries of the Scandinavian Past: Renaissanceforum 5. – 2008. – Mode of access: <http://www.renaissanceforum.dkGottskálk>
- Kress B. Anglo-Amerikanisch und Isländisch // Nordeuropa: Jb. für Nordische Studien. – Greifswald, 1966. – N 1. – P. 9–22.
- Kristinsson A.P., Hilmarsson-Dunn A. Implications of language contact: Evaluating the appropriateness of borrowings in written Icelandic // New trends in Nordic and general linguistics / Ed. by Hilpert M. et al. – B., 2015. – P. 55–67.
- Kvaran G., Svavarsdóttir A. Icelandic // English in Europe / Ed. by Görlach M. – Oxford, 2002. – P. 82–107.
- Leonard S.P. Language, society and identity in early Iceland. – L., 2012. – 198 p.

- Óladóttir O.* Tourism in Iceland in figures, April 2013. – Mode of access: <http://www.ferdamalastofa.is/static/files/ferdamalastofa/talnaefni/tourism-in-iceland-in-figures-april-2013.pdf>
- Ottósson K.G.* Íslensk málhreinsun: Sögulegt yfirlit, Íslensk málnefnd. – Reykjavík, 2009. – 168 p.
- Pennycook A.* Global Englishes and transcultural flows. – L., 2007. – 189 p.
- Rask R.K.* Vejledning til det Islandske eller gamle Nordiske sprog. – Schuboth, 1881. – 282 p.
- Rask R.K.* Breve fra og til Rasmus Rask // Det Danske sprog og litteraturselskab and Ejnar Munksgaards forlag / Ed. by Hjelmslev L. – Copenhagen, 1941. – 330 p.
- Rögnvaldsson E.* The status and prospects of Icelandic language technology: A presentation at the conference Dialogues of cultures, Reykjavík, April 15 th, 2005. – Mode of acces: <http://www.tungutaekni.is/news/status.pdf>
- Saul H.* Iceland parents told children cannot be called Harriet or Duncan because they are not government approved names // The Independent, 2015. – March 5.
- Svavarsdóttir A.* English in Icelandic: A comparison between generations // Nordic j. of English studies. Spec. issue. – Oslo, 2004. – Vol. 3, N 2. – P. 153–165.

II. РЕФЕРАТ

Аммон У.

ЯЗЫКОВЫЕ КОНФЛИКТЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: К ВОПРОСУ О ПОИСКЕ ПРИЕМЛЕМОГО РЕШЕНИЯ, УДОВЛЕТВОРЯЮЩЕГО РАЗНООБРАЗНЫМ ИНТЕРЕСАМ СТРАН – УЧАСТНИЦ ЕС

Rec. ad op. Ammon U. Language conflicts in the European Union:
On finding a politically acceptable and practicable solution
for EU institutions that satisfies diverging interests // Intern. J.
of applied linguistics. – N.Y., 2006. – Vol. 16, N 3. – P. 319–338.

В статье анализируется текущее состояние проблемы и критикуется предложение¹, согласно которому для неформального устного общения в рамках Европейского союза, в частности для устных консультаций, предлагается использовать один рабочий язык – английский.

Описывая историю вопроса, У. Аммон упоминает, что и на момент создания Европейского союза в 1957 г., когда в его состав входило всего шесть государств, языковой вопрос был не менее значимым, чем в настоящее время. В 2006 г., когда была опубликована данная статья, число стран-участниц составляло уже 25. В соответствии с Европейской хартией региональных языков или языковых меньшинств (принята в 1992 г. в Страсбурге), каждая страна-участница имеет право подать запрос о том, чтобы ее официальному государственному языку присвоили статус официального языка Европейского союза (Council Regulation № 1, т.е. Регламент Совета Европы об установлении языкового режима

¹ Van Els T. Multilingualism in the European Union // Intern. J. of applied linguistics. – N.Y., 2005. – Vol. 15, N 3. – P. 263–281.

Европейского союза № 1 от 15 апреля 1958 г.). Кроме прочих возможностей, этот статус предоставляет возможность составления всех законодательных материалов Европейского союза для общего пользования и их перевода на данный официальный государственный язык. Любой официальный язык Европейского союза может использоваться в процессе парламентских дебатов, при составлении документов заседаний Совета Европы с соответствующим переводом в каждом случае на все официальные языки Европейского союза. Официальные языки Европейского союза также используются в процессе коммуникации между институтами Европейского союза, правительствами-участниками и между институтами стран-участниц. Постановление Совета Европы также рассматривает официальные языки Европейского союза как рабочие языки в рамках деятельности своих комитетов. Основанием для данного подхода выступает идея о том, что все официальные языки Европейского союза имеют равные возможности. Однако воплощение этой идеи далеко от реальности, поскольку статья 6 вышеназванного Регламента, провозглашая **юридическое равенство** языков всех стран – участниц Европейского союза, не обеспечивает их **реальное равенство**, так как разрешает выбор языка для коммуникации в институтах этой европейской структуры. Большинство государственных учреждений стран Европейского союза использует при составлении документов определенные рабочие языки, – как правило, английский и французский, иногда немецкий язык, изредка итальянский и испанский. Негласно именно вышеперечисленные языки *фактически используются* как рабочие языки Европейского союза, что влечет за собой определенные проблемы, а именно: большинство других официальных языков ЕС автоматически зачисляются в разряд языков, *только именуемых* рабочими языками ЕС. В связи с этим в рамках Европейского союза выстраивается определенная языковая статусная иерархия, основанная на частоте и порядке использования того или иного официального языка. Разрыв в статусе фактически используемых и так называемых рабочих языков только растет с присоединением к Европейскому союзу большого числа новых стран-участниц.

Еще одним важным аспектом языковой проблемы для стран – участниц Европейского союза является наличие большого числа языков, которые не относятся к официальным государственным или рабочим языкам Европейского союза. К этой категории можно отнести, например, местные говоры, которых в Европей-

ском союзе насчитывается около 70. В постановлениях Европейского союза заявляется о поддержании и развитии всего многообразия языков как фактора культурного богатства Европейского союза, но поскольку на практике Европейский союз столкнулся с трудностью реализации данной установки, сложившаяся ситуация неофициально характеризуется как источник «коммуникативного хаоса» (с. 321).

В то же самое время использование всех официальных языков Европейского союза в коммуникации стран-участниц и на официальных встречах требует письменного и последовательного устного переводов в крупных масштабах. Использование более чем одного рабочего языка в процессе неофициального устного общения без сопровождения переводчика может стать затруднительным. В связи с этим возникло много предложений по сокращению числа используемых языков, в идеале до одного. В список языков-кандидатов были включены эсперанто и латынь, однако среди прочих предложений только английский язык воспринимается всерьез. Более того, языковое разнообразие (*linguistic diversity*) иногда рассматривается как препятствие на пути экономического развития, геополитической интеграции и настоящей демократии. Преодоление данного препятствия Т. ван Эльс, в частности, видит в поддержке идеи о едином официальном рабочем языке Европейского союза, а также о едином *lingua franca* за пределами институтов этого объединения. Эта идея базируется на предположении о последующем развитии контактов между регионами, в том числе в публичной сфере, особенно в среде современных массмедиа.

Актуальное положение дел таково, что не существует абсолютной необходимости в уравнивании понятий «рабочий язык коммуникации» и «*lingua franca*», так как внутригосударственная коммуникация и административная коммуникация в рамках Европейского союза могут рассматриваться как коммуникация в различных сферах, а созданные в этих сферах документы впоследствии могут быть переведены на другие языки. Однако в пределах Европейского союза взаимодействие между странами-участницами (национальный уровень), внутри каждой страны (региональный уровень) и в пределах города (уровень местного сообщества) в экономической среде, медиасфере и между гражданами протекает настолько интенсивно, что функциональное деление на официальный, рабочий языки и *lingua franca* оказывается затруднительным.

Автор не подвергает сомнению тенденцию господства английского языка внутри институтов Европейского союза и за их

пределами. В целом малочисленные языковые сообщества не настроены на абсолютное отрицание использования единого языка. Напротив, это упростило бы им задачу выбора иностранного языка, который необходимо изучать и в дальнейшем использовать. В то же самое время крупные языковые сообщества опасаются нивелирования функций их родного языка на фоне распространения английского языка. Особая озабоченность возникает относительно утраты родным языком статуса рабочего языка и *lingua franca*. Эти опасения высказываются гражданами крупных государств – участниц Европейского союза, чутких к изменениям в языковой политике.

Отмечается, что все страны Европейского союза вносят свою лепту в продвижение английского языка. Так, Германия больше всех стремилась продвигать английский язык как иностранный внутри страны на разных этапах своего исторического развития. В нацистский период позиции английского языка в Германии были серьезно усилены отчасти из-за того, что этот язык относится к германским языкам (как язык «северной расы»), чтобы заменить французский язык как первый иностранный язык в школьном расписании. Дальнейшее укрепление позиций английского языка было неизбежно после Второй мировой войны, когда Западная Германия находилась под контролем США. После объединения страны в 1990 г. роль английского языка как основного иностранного языка в школе распространилась и на территорию Восточной Германии.

Исследователь М. Бёрнс описывает роль английского языка в странах Европейского союза, используя следующую модель (с. 323–324):

1) «внутренний круг» (the inner circle) – это страны, для жителей которых английский язык является родным и выполняет функцию государственного языка и языка межличностного общения (private function); в этом кругу происходит *формирование* норм английского языка (например, в таких странах, как Великобритания и Ирландия);

2) «внешний круг» (the outer circle) – страны, в которых английский язык является вторым государственным языком и выполняет функции языка официального общения; в этом кругу происходит *развитие* норм английского языка (например, в Сингапуре; в Европейском союзе нет ни одной подобной страны);

3) «круг распространения» (the expanding circle) – страны, в которых английский язык изучается как иностранный и используется в международном общении; эти страны *принимают* нормы

английского языка (например, Франция). При этом функция государственного языка и языка межличностного общения предполагает также использование его в официальной и международной сферах. Обратное же неверно.

М. Бёрнс считает, что Германия, Люксембург и Нидерланды в настоящее время ближе к странам «внутреннего круга», точнее, они находятся на пересечении «внешнего круга» и «круга распространения». Исследователь предполагает, что в будущем страны наподобие Германии будут приближаться к «внутреннему кругу» вплоть до возможности формирования собственных норм английского языка, т.е. немецкого варианта английского языка, который будет выполнять национально-идентифицирующую функцию.

Оборотная сторона языкового развития по подобному сценарию довольно долго была вне внимания специалистов и общественности. Параллельно с изменением норм английского языка в процессе использования его на своей территории Германия продвигала немецкий язык за рубежом как средство международного общения.

Однако наряду со все увеличивающейся возможностью коммуникации на английском языке международный вес немецкого языка в настоящее время снижается. У. Аммон утверждает, что если изначально немцы поддерживали использование английского языка на территории современной Германии, то в настоящее время эта позиция повсеместно критикуется. Введение английского языка как учебного предмета в начальной школе ранее обосновывалось необходимостью подготовки младшего поколения к языковому и культурологическому разнообразию Европы. Однако подобная политика отдает предпочтение одному языку и тем самым противоречит идее языкового и культурного многообразия Европы. Опасения высказываются и в контексте утраты лояльности к родному языку и, соответственно, в связи с потерей национальной идентичности. Однако критика языковой политики в отношении английского языка не встретила должной поддержки ни в среде политиков, ни в среде ученых, ни в престижных частных языковых учреждениях. Последние, однако, выразили обеспокоенность по поводу снижения международного веса немецкого языка вследствие возросших объемов обучения английскому языку с самого раннего возраста. Много вопросов остается и в отношении того, будут ли иностранные граждане изучать немецкий язык, зная, что общение, по крайней мере с теми немцами, которые вовлечены в международные связи, будет и далее проходить только на английском языке.

Преподаватели и учителя немецкого (а также других иностранных языков) как первого иностранного языка опасаются потенциальных негативных последствий масштабного изучения английского с самого раннего возраста. Похожие опасения возникают и среди преподавателей университетов, в которых предлагаются программы обучения для иностранных граждан. Первоначально целью введения курсов на английском языке в университетах было предоставление иностранным студентам расширенного доступа в немецкие вузы, для чего в качестве языка обучения использовался иностранный язык, известный большинству учащихся. Эта же программа предоставляла возможность студентам и преподавателям вузов улучшить свои навыки владения английским языком. Однако в скором времени программа попала под шквал критических замечаний. Одни ученые заявляли, что ощущают свое исключение из научного сообщества ввиду недостаточного владения английским. Другие говорили, что иностранный язык (английский) претендует на статус языка науки и обучения. Третьи утверждали, что из-за использования английского языка доля немецких ученых – лауреатов Нобелевской премии уменьшилась. В свою очередь, обучающие программы на английском языке разрушают мотивацию иностранных студентов к изучению немецкого языка. В результате аргументированной критики со стороны Немецкой службы академических обменов немецкие университеты модифицировали языковые требования к обучению иностранных граждан в немецких вузах. Изучение немецкого языка до поступления в вуз и в процессе обучения является необходимым условием для понимания преподаваемых дисциплин, а также для жизни в немецкоязычном окружении. В поддержку данного шага выступило также желание не навредить учебным заведениям, обучающим немецкому языку за границей, а также желание поддержать престиж немецкого языка на международной арене.

В настоящее время основные крупные немецкие компании используют английский как официальный язык компании: некоторые – как единственный официальный язык (например, «Daimler-Chrysler»), другие – как второй официальный наряду с немецким (например, BMW, «Volkswagen»). Наряду с этим более мелкие компании часто используют немецкий язык как единственный официальный язык общения в компании.

Выбор английского как официального языка компании продиктован практическими соображениями и поэтому широко применяется в Германии. В то же время критика последовала со сто-

роны сотрудников, которые опасаются, что если они не будут соответствовать языковой политике компании, их профессиональная квалификация будет недооценена из-за того, что приоритет будет отдан конкуренту с лучшим знанием английского языка.

Жалобы поступают и от немецких компаний, работающих в других странах. Сотрудники таких компаний заявляют, что владение немецким языком обесценивается для соискателей на должности в немецкие компании, если компании отказались от немецкого как официального языка организации. Данная ситуация воспринимается правительством Германии как политически значимая.

В целом из разных уголков Германии поступают критические замечания по поводу стремления поддерживать немецкий язык как язык международного общения, с одной стороны, и усиления роли английского языка – с другой. Такие члены Европейского союза, как Франция, Италия и Испания также столкнулись с подобными противоречиями.

Среди преимуществ своего предложения Т. ван Эльс упоминает и то, что в случае введения одноязычия для коммуникации в Европейском союзе не-носители избранного для этой цели языка не будут вынуждены изучать большое количество иностранных языков. Напротив, со временем один общий рабочий иностранный язык (английский) станет «вторым родным» для не-носителей. Такое положение дел в результате приведет к абсолютному большинству не-носителей в институтах Европейского союза. Вместе с тем подчеркивается, что сферой функционирования единого рабочего языка должна стать устная коммуникация.

Действительно, Европейский союз ежегодно тратит на переводы официальной документации, парламентских дебатов и официальных встреч больше средств, чем любое правительство или политическая организация в мире. Введение единого рабочего языка устной коммуникации привело бы к сокращению подобных расходов. Одновременно сокращение количества *lingua franca* – это насущная потребность внешнего рынка.

Несмотря на всю привлекательность данного предложения, возникает вопрос: почему же в описанных выше условиях на территории Европейского союза продолжает существовать тенденция к сохранению многоязычия? Ведущим основанием, по мнению У. Аммона, является конфликт между интересами малых и крупных языковых сообществ в Европейском союзе: одни хотят с наименьшими затратами интегрироваться в структуру Союза, другие не желают терять в нем свое «языковое присутствие» (*language remaining*).

Ряд высокопоставленных политиков из Центральной и Восточной Европы (Чехии, Словакии и Латвии) предлагают использовать в качестве рабочих три уже существующих языка – английский, французский и немецкий, – заявляя, однако, что при рассмотрении вопроса о введении единственного рабочего языка – любого – они выбрали бы русский язык. С другой стороны, крупные языковые сообщества опасаются, что статус их родных языков на мировой арене будет снижаться параллельно с сокращением их функций в деятельности институтов Европейского союза, что повлечет за собой снижение интереса к этим языкам как к объектам изучения.

Из истории известно, что в свое время Франция пыталась ввести французский язык как единственный рабочий язык Европейского союза. В начале 1970-х годов Франция дважды налагала вето на вступление Великобритании в Европейский союз, причиной чего (наряду с прочими соображениями) было и опасение появления конкурентного рабочего языка.

Германия после объединения в 1990 г. настаивала на включении немецкого языка в перечень основных рабочих языков на тех основаниях, что: 1) немецкоязычное сообщество численно превосходит любое другое государство в составе Европейского союза; 2) экономика Германии самая стабильная; 3) Германия делает самый большой взнос в бюджет Европейского союза. Кроме того, по сравнению с французским языком немецкий язык более распространен как учебная дисциплина в школе. В июне 2000 г. министры иностранных дел Германии и Франции подписали соглашение о языковой кооперации, согласно которому обе страны поддерживают друг друга до тех пор, пока статус немецкого и французского языков как рабочих языков Европейского союза незаслуженно ущемляется. Италия и Испания также «борются» за статус своих языков в перечне рабочих языков Европейского союза.

В сложившейся ситуации эксперты разработали типологию стран – участниц Европейского союза в соответствии с их государственными официальными языками (с. 332):

I тип – страны Европейского союза, в которых государственным языком является английский;

II тип – страны Европейского союза с французским, немецким, испанским или итальянским языками (или другим широко распространенным языком мира) в качестве государственных;

III тип – страны Европейского союза с другими государственными языками (например, с португальским или датским).

Строгое разграничение стран типа II и типа III находится под вопросом. В некоторых случаях язык малочисленных стран III типа широко распространен и изучается (например, португальский). В других случаях язык используется небольшим числом носителей, но до сих пор изучается в некоторых странах (например, датский). В связи с этим страны III типа имеют тенденцию использовать английский язык как язык коммуникации. Страны II типа находятся в ином положении: больше всего опасений высказывают страны, в которых протекает процесс языкового нормотворчества по отношению к английскому языку, внутри Европейского союза (например, Германия).

Усилия, прилагаемые для достижения каким-либо языком статуса рабочего языка Европейского союза и его продвижения за границей, обусловлены следующими открывающимися возможностями (с. 333):

1) развитием международного общения (контактами с иностранцами, владеющими данным языком);

2) интенсификацией международных экономических контактов (с иностранными бизнесменами, владеющими данным языком);

3) формированием позитивного имиджа страны за ее границами (через лиц, изучающих язык и формирующих позитивный образ страны);

4) распространением ценностей и культуры страны (через индивидуумов, владеющих данным языком и обращающихся к массмедиа данной страны);

5) привлечением человеческого капитала (индивидуумов, которые знают данный язык и склонны работать в уважаемой компании или на ее интересы);

6) дальнейшей привлекательностью изучения языка как иностранного;

7) экономическим успехом «языковой индустрии» (рост продаж учебных материалов, сопутствующих товаров и услуг);

8) формированием и поддержанием национальной идентичности и гордости за свою страну и ее культуру.

Возможен ли честный и практичный компромисс между интересами членов Европейского союза и европейских языковых сообществ – компромисс по поводу обеспечения комфортных условий для коммуникации между институтами этого союза? Политики считают решение этого вопроса очень сложным и отдают его на откуп потребностям международного рынка.

При разработке рекомендаций по языковой политике исследователи делают основной упор на необходимости учета основополагающих принципов Европейского союза, которые, однако, зачастую не выдерживают испытания реальностью.

У. Аммон подчеркивает, что взаимовыгодное решение данного вопроса может быть разработано при условии нивелирования потенциальной предвзятости, свойственной тем представителям языковых сообществ, кто участвует в выработке решения по данному вопросу. Более того, любое приемлемое решение должно учитывать компенсацию, в том числе и финансовую, сторонам, находящимся в наименее выгодном положении. Возможным вариантом подобной компенсации предлагается считать возложение расходов на переводческие услуги в странах, чей язык не включен в перечень рабочих языков ЕС, на стран-участниц, чьи языки являются рабочими. Кроме всего прочего, поддержание функционирования нескольких рабочих языков требует:

1) четкой регуляции и контроля над выработкой языковых навыков у сотрудников институтов Европейского союза;

2) обучения персонала и организаторов официальных встреч, так чтобы обеспечивалось равное участие всех рабочих языков;

в) обеспечения устного и письменного переводов с рабочих языков на другие официальные языки Европейского союза, включая устный перевод на неформальных встречах;

г) разработки правил речевого поведения, не позволяющих разговаривать только на родном языке на официальных встречах.

Так или иначе, любое предложение по поводу режима и статуса рабочего языка Европейского союза должно быть тщательно проработано и исследовано.

В заключение У. Аммон предлагает следующие разработанные им критерии для выбора рабочих языков Европейского союза:

а) численное преимущество в рамках Европейского союза (соотношение носителей и не-носителей языка);

б) международный престиж языка за пределами Европейского союза.

С учетом данных критериев автор ранжирует существующие официальные языки Европейского союза следующим образом (с. 336)¹: первое место занимает английский язык (а – 2, б – 1); второе место занимают французский (а – 2, б – 2) и немецкий

¹ Указывается место, занимаемое языком по параметрам (а) и (б), если разделять места отдельно по каждому из данных параметров. – *Прим. реф. (Л. К.)*.

(а – 1, б – 3) языки; третье место занимают итальянский (а – 2, б – 3) и испанский (а – 3, б – 2) языки.

По мнению автора, неудивительно, что в тройку лидеров вошли актуальные рабочие языки Европейского союза. Для совершенствования сложившейся языковой политики предлагается: 1) ввести компенсацию за невключение языка в перечень рабочих языков Европейского союза; 2) регулировать использование рабочих языков; 3) по возможности подписать соглашение между странами Европейского союза по консолидированной языковой политике.

Л.Р. Комалова

III. ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1¹

31 958 R0001

EEC COUNCIL: REGULATION № 1 DETERMINING THE LANGUAGES TO BE USED BY THE EUROPEAN ECONOMIC COMMUNITY

THE COUNCIL OF THE EUROPEAN ECONOMIC COMMUNITY,
Having regard to Article 217 of the Treaty which provides that the rules governing the languages of the institutions of the Community shall, without prejudice to the provisions contained in the rules of procedure of the Court of Justice, be determined by the Council, acting unanimously;

Whereas each of the four languages in which the Treaty is drafted is recognised as an official language in one or more of the Member States of the Community;

HAS ADOPTED THIS REGULATION:

Article 1

The official languages and the working languages of the institutions of the Community shall be Dutch, French, German and Italian.

Article 2

Documents which a Member State or a person subject to the jurisdiction of a Member State sends to institutions of the Community may be drafted in any one of the official languages selected by the sender. The reply shall be drafted in the same language.

¹ <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:31958R0001>

Article 3

Documents which an institution of the Community sends to a Member State or to a person subject to the jurisdiction of a Member State shall be drafted in the language of such State.

Article 4

Regulations and other documents of general application shall be drafted in the four official languages.

Article 5

The Official Journal of the Community shall be published in the four official languages.

Article 6

The institutions of the Community may stipulate in their rules of procedure which of the languages are to be used in specific cases.

Article 7

The languages to be used in the proceedings of the Court of Justice shall be laid down in its rules of procedure.

Article 8

If a Member State has more than one official language, the language to be used shall, at the request of such State, be governed by the general rules of its law.

This Regulation shall be binding in its entirety and directly applicable in all Member States.

Done at Brussels, 15 April 1958.

For the Council

The President

V. LAROCK

Avis juridique important

EUR-Lex – 31 958 R0001 – EN Page 1 of 2

<http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31958R0001:EN:HTML>

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ЕВРОПЕЙСКАЯ ХАРТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ ИЛИ ЯЗЫКОВ МЕНЬШИНСТВ¹

Страсбург, 5 ноября 1992 г.

Пояснительный Доклад
English

Переводы

Charter for Regional or Minority Languages – Website

(Неофициальный перевод)

Преамбула

Государства – члены Совета Европы, подписавшие настоящую Хартию,

Учитывая, что целью Совета Европы является достижение большего единства между его членами, в частности, для сохранения и реализации идеалов и принципов, представляющих их общее наследие;

Учитывая, что защита исторических региональных языков или языков меньшинств Европы, часть которых находится под угрозой возможного исчезновения, содействует поддержанию и развитию культурного богатства и традиций Европы;

¹Приводится фрагмент настоящей Хартии. – Mode of access: <http://conventions.coe.int/Treaty/RUS/Treaties/Html/148.htm> – *Прим. ред.*

Учитывая, что право пользоваться региональным языком или языком меньшинства в частной и общественной жизни является неотъемлемым правом в соответствии с принципами, зафиксированными в Международном пакте о гражданских и политических правах, и согласно духу Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод;

Принимая во внимание работу, проделанную в рамках СБСЕ и, в частности, хельсинкский Заключительный акт 1975 г. и документ Копенгагенского совещания 1990 г.;

Подчеркивая значение взаимного обогащения культур и языкового многообразия и учитывая, что защита и развитие региональных языков или языков меньшинств не должны осуществляться в ущерб официальным языкам и необходимости их изучения;

Сознавая, что защита и поддержка региональных языков или языков меньшинств в различных странах и регионах Европы представляют собой важный вклад в строительство Европы, основанной на принципах демократии и культурного разнообразия в рамках национального суверенитета и территориальной целостности;

Принимая во внимание особые условия и исторические традиции в различных регионах европейских государств,

Согласились о нижеследующем:

ЧАСТЬ I – ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1 – Определения

Для целей настоящей Хартии:

а) «региональные языки или языки меньшинств» означают языки, которые:

- i) традиционно используются на данной территории государства жителями этого государства, представляющими собой группу, численно меньшую, чем остальное население государства; и
- ii) отличаются от официального языка (языков) этого государства;

Они не включают в себя ни диалекты официального языка (языков) этого государства, ни языки мигрантов;

б) «территория, на которой используется региональный язык или язык меньшинства» означает географический район, в котором упомянутый язык является средством общения части населе-

ния, что является основанием для принятия различных мер по защите и развитию, предусмотренных настоящей Хартией;

с) «нетерриториальные языки» означают языки, используемые жителями государства, которые отличаются от языка или языков остального населения государства, но которые несмотря на традиционное использование на территории государства, не могут связываться с каким-либо его определенным районом.

Статья 2 – Обязательства

1. Каждая Сторона обязуется применять положения части II ко всем региональным языкам или языкам меньшинств, на которых говорят на его территории и которые соответствуют определению, содержащемуся в статье 1.

2. В соответствии со статьей 3 в отношении каждого языка, указанного при ратификации, принятии или одобрении, каждая Сторона обязуется применять по меньшей мере тридцать пять пунктов или подпунктов, отобранных из положений части III Хартии, включая по крайней мере по три, отобранных из статей 8 и 12, и по одному, отобранному из статей 9, 10, 11 и 13.

Статья 3 – Практические меры

1. Каждое Договаривающееся государство определяет в своем документе о ратификации, принятии или одобрении каждый региональный язык или язык меньшинства либо официальный язык, который менее широко используется на всей или части его территории, к которым применяются пункты, отобранные в соответствии с пунктом 2 статьи 2.

2. Любая Сторона может в любое время впоследствии уведомить Генерального секретаря о том, что она соглашается с обязательствами, вытекающими из положений любого другого пункта Хартии, который не был указан в ее документе о ратификации, принятии или одобрении либо о том, что пункт 1 настоящей статьи будет ею применяться к другим региональным языкам или языкам меньшинств либо к другим официальным языкам, которые менее широко используются на всей или части его территории.

3. Обязательства, предусмотренные в предыдущем пункте, рассматриваются как неотъемлемая часть ратификации, принятия или одобрения и имеют ту же силу со дня уведомления о них.

Статья 4 – Существующие режимы защиты

1. Ничто в настоящей Хартии не должно толковаться как ограничение или нарушение каких-либо прав, гарантируемых Европейской конвенцией о правах человека.

2. Положения настоящей Хартии не ущемляют более благоприятные положения, касающиеся статуса региональных языков или языков меньшинств либо правового режима в отношении лиц, принадлежащих к меньшинствам, которые могут существовать у какой-либо Стороны или предусматриваться соответствующими двусторонними или многосторонними международными соглашениями.

Статья 5 – Существующие обязательства

Ничто в настоящей Хартии не может толковаться как подразумевающее право на участие в какой-либо деятельности или осуществление каких-либо действий, противоречащих целям Устава Организации Объединенных Наций или другим обязательствам по международному праву, включая принцип суверенитета и территориальной целостности государств.

Статья 6 – Информация

Стороны обязуются следить за тем, чтобы заинтересованные власти, организации и лица были информированы о правах и обязанностях, установленных настоящей Хартией.

ЧАСТЬ II – ЦЕЛИ И ПРИНЦИПЫ, ПРЕСЛЕДУЕМЫЕ В СООТВЕТСТВИИ С ПУНКТОМ 1 СТАТЬИ 2

Статья 7 – Цели и принципы

1. Стороны осуществляют свою политику, законодательную и практическую деятельность в отношении региональных языков или языков меньшинств, на территориях, где такие языки используются и в соответствии с положением каждого языка, основываясь на следующих целях и принципах:

- а) признание региональных языков или языков меньшинств в качестве выразителей культурного богатства;
- б) учет географической сферы распространения каждого регионального языка или языка меньшинства для обеспечения того, чтобы существующее или новое административ-

ное деление не создавало препятствий развитию данного регионального языка или языка меньшинства;

- с) необходимость активных действий по поддержке региональных языков или языков меньшинств в целях их сохранения;
- д) содействие и/или поощрение использования региональных языков или языков меньшинств в устной и письменной речи, в общественной и личной жизни;
- е) сохранение и развитие связей, в сферах действия настоящей Хартии, между группами, пользующимися региональным языком или языком меньшинства, и другими группами в государстве, где язык используется в идентичной или схожей форме, а также установление культурных отношений с другими группами в государстве, использующими другие языки;
- ф) обеспечение надлежащих форм и средств для преподавания и изучения региональных языков или языков меньшинств на всех соответствующих ступенях;
- г) создание условий, позволяющих лицам, не говорящим на региональном языке или языке меньшинства и живущим в районе, где он используется, изучать его, если они того пожелают;
- h) содействие изучению и исследованию региональных языков и языков меньшинств в университетах или равноценных учебных заведениях;
- i) содействие соответствующим видам межнациональных обменов в охватываемых настоящей Хартией сферах, применительно к региональным языкам или языкам меньшинств, используемым в идентичной или схожей форме в двух или более государствах.

2. Стороны обязуются устранить, если они еще не сделали этого, любые неоправданные различия, исключения, ограничения или льготы, относящиеся к использованию регионального языка или языка меньшинства и имеющие целью сдержать либо поставить под угрозу его сохранение или развитие. Принятие специальных мер в отношении региональных языков или языков меньшинств в целях содействия достижению равноправия между лицами, пользующимися этими языками, и остальным населением, или которые должным образом учитывают их особенности, не рассматривается в

качестве деятельности, направленной на дискриминацию в отношении лиц, пользующихся более распространенными языками.

3. Стороны обязуются содействовать, посредством принятия надлежащих мер, взаимопониманию между языковыми группами страны, в частности, включать уважение, понимание и терпимость в отношении региональных языков или языков меньшинств в число задач образования и обучения в своих странах, и поощрять средства массовой информации к достижению той же цели.

4. При определении своей политики в отношении региональных языков или языков меньшинств Стороны принимают во внимание нужды и чаяния, выражаемые группами, которые пользуются такими языками. В случае необходимости Стороны способствуют учреждению органов для оказания содействия властям во всех вопросах, относящихся к региональным языкам или языкам меньшинств.

5. Стороны обязуются применять, *mutatis mutandis*, принципы, перечисленные в предыдущих пунктах 1–4, к нетерриториальным языкам. Однако характер и масштаб мер, принимаемых для осуществления настоящей Хартии, в отношении этих языков должны определяться гибко, с учетом нужд, чаяний и при уважении традиций и особенностей групп, которые пользуются соответствующими языками.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аммон Ульрих – доктор филологических наук, профессор университета в г. Дуйсбург-Эссен, специалист в области германистики и социолингвистики.

Кирилина Алла Викторовна – доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Московского института лингвистики, специалист в области германистики и социолингвистики.

Кожемяков Алексей Семенович – доктор юридических наук, приглашенный профессор кафедры политической теории МГИМО (У) МИД РФ и кафедры Внешних церковных связей Общецерковной аспирантуры и докторантуры РПЦ; в 1997–2014 гг. – директор Департамента Генерального секретариата Совета Европы (в последние годы – Департамента национальных меньшинств и борьбы с дискриминацией).

Комалова Лилия Ряшитовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН, специалист в области социолингвистики и психоллингвистики.

Михальченко Вида Юозовна – академик Российской академии естественных наук и Российской академии лингвистических наук, доктор филологических наук, профессор, заместитель руководителя Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН, специалист в области социолингвистики.

Нагорная Александра Викторовна – доктор филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН, доцент кафедры зарубежной филологии Московского городского педагогического университета, специалист в области грамматики английского языка и когнитивной лингвистики.

Опарина Елена Олеговна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН, специалист в области стилистики и фразеологии английского языка.

Раренко Мария Борисовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН, специалист в области теории перевода.

Сескутова Ирина Константиновна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры стилистики английского языка факультета гуманитарных и прикладных наук МГЛУ, специалист в области стилистики английского языка и лингвокультурологии.

Солнцев Евгений Максимович – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета, специалист в вариантологии французского языка и теории перевода.

Трошина Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела языкознания Института научной информации по общественным наукам РАН, специалист в области стилистики немецкого языка, теории текста и социолингвистики.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ЕВРОПЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Сборник обзоров

Дизайнер (художник) И.А. Михеев
Компьютерная верстка Н.В. Афанасьева
Технический редактор Л.А. Можаяева
Корректор М.П. Крыжановская

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П. 5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 16/XII – 2015 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ. л. 9,5 Уч.-изд. л. 11,0
Тираж 300 экз. Заказ № 126

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117 997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел.: +7 (499) 12045-14
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

